

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГА РОССИИ

Научно-практическая конференция
г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.

Москва
2015

Историко-культурное наследие Юга России. (Научно-практическая конференция. г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.) – М.: Научное общество кавказоведов, Книжный мир, 2015. – 320 с.

ISBN

В сборнике публикуются материалы Научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Юга России» (Ставрополь, 9 февраля 2015 г.).

Редакционная коллегия:

Крылов А.Б. (главный редактор),
Скаков А.Ю., Накопия Б.Т.

Конференция проводилась в рамках проекта Научного общества кавказоведов «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности», который осуществляется при поддержке Общероссийской общественной организации Общество «Знание» России в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 11-рп от 17 января 2014 года «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина».

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN

© Авторский коллектив, 2015
© Научное общество кавказоведов 2015
© Книжный мир, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Крылов А.Б.

Научное общество кавказоведов:
некоторые итоги и перспективы

Скаков А.Ю.

Юг России и Северный Кавказ как перекресток
культур и пространство межкультурного диалога:
прошлое, настоящее, будущее

Крючков И.В.

Иностраный опыт в развитии
курортов Кавказских Минеральных Вод
в XIX – начале XX вв.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Пикалов Д.В.

Близнечный культ в ритуалах
и мифах народов Северного Кавказа

Муртазин М.Ф.

Развитие исламского религиозного образования
на Северном Кавказе и в Европейской части
России: тенденции и перспективы

Чхаидзе В.Н.

Историко-культурное наследие Византии
на Юге России по новейшим
археологическим материалам

Тахнаева П.И.

Исторические границы христианства
в Дагестане: прошлое и настоящее

Бобровников В.О.

Юг России в проектах имперской интеграции:
военно-народное управление на Кавказе
(1860-1917 гг.)

Птицын А.Н.

Австро-венгерские иммигранты в межкультурном
диалоге на Северном Кавказе в XIX –
начале XX вв.

Арешев А.Г.

Армянское сообщество в России:
идентичность и интеграция

Бадерхан Фасих

«Черкесский вопрос» в геополитике:
история и современность

Шафранова О.И.

Духовное наследие народов Северного Кавказа:
опыт межкультурного диалога

**ПАМЯТНИКИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И ИХ ОХРАНА**

Кудрявцев А.А.

Древний Дербент в историко-культурном
наследии России

Кудрявцев Е.А.

Опыт исследования и музеефикации историко-культурных объектов «Татарского городища»

Кадиева А.А.

Археологические памятники горной зоны центральных районов Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов

Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.

Христианское средневековое зодчество Северного Кавказа: проблемы и перспективы сохранения

Ендольцева Е.Ю.

Синкретизм христианских и дохристианских верований на примере архитектурной пластики Северного Кавказа

Колесникова М.Е.

Охрана памятников старины на Северном Кавказе во второй половине XIX в.

Бабенко В.А.

Из истории культуuroохранительной деятельности на Ставрополье во второй половине XIX в.

Ермоленко Л.П.

Деятельность научных обществ в области сохранения культурного наследия

Тельменко Е.П.

Использование историко-культурного наследия Карачаево-Черкесии в развитии туристического потенциала региона

ВВЕДЕНИЕ

9 февраля 2014 г. в Ставрополе состоялась научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие Юга России». В ней приняли участие ученые из Института мировой экономики и международных отношений РАН, Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики, Группы средневековой археологии Евразийских степей Института археологии РАН, Государственного исторического музея и СКФУ.

Конференция проводилась в рамках проекта Научного общества кавказоведов «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности», который осуществляется при поддержке Общероссийской общественной организации Общество «Знание» России в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 11-рп от 17 января 2014 года «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина». В роли соорганизатора конференции выступил Северо-Кавказский Федеральный университет (СКФУ).

Конференция была посвящена тематике историко-культурного наследия Юга России как фундамента для укрепления гражданского мира и формирования пространства межкультурного диалога. Сложно переоценить значимость этой тематики, актуальность проблем полиэтничности, поликонфессиональности, этноконфессионального диалога, укрепления российской гражданской идентичности, консолидации российского общества на базе сложившегося веками историко-культурного единства народов России.

Исторически Юг России сложился как уникальный поликультурный и поликонфессиональный регион, своего рода мост между цивилизациями. Этому не мешала его роль как коридора Восток-Запад и Север-Юг, обеспечившая этническое многообразие региона и, как следствие, наступавшую в отдельные исторические периоды политическую турбулентность. При этом заложенные многие столетия назад принципы диалога и компромисса, религиозной толерантности и стремления к модернизации, традиционности и открытости внешнему миру способствовали сохранению поликультурности и полиэтничности региона.

Зримыми свидетельствами этих традиций являются сохранившиеся древнейшие в России христианские храмы Западной Алании и старейшая в СНГ Джума-мечеть Дербента. Здесь же, на относительно небольшой территории, мы видим памятники историко-культурного наследия, связанные с Армянской апостольской церковью, буддизмом, иудаизмом, традиционными верованиями. Отметим и заметный вклад народов Юга России в сокровищницу мировой и российской культуры. Безусловно, этот

вклад требует дальнейшего углубленного изучения, популяризации и сбережения.

Российско-северокавказские отношения имеют многовековую историю, в которой были как светлые, так и трагические страницы. В то же время, приход России на Кавказ не имел своим следствием уничтожение полиэтничности региона, ассимиляцию народов и исчезновение культурного многообразия. Опыт последних столетий привел российское общество к идеологии и политике, нацеленной на сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Особенно важен в этой связи и недавний опыт региона, сумевшего, в целом, выйти из смут и потрясений 1990-х — 2000-х годов, сохранив межэтнический и межконфессиональный мир.

Открывая пленарное заседание, декан факультета истории, философии и искусств ГИ СФТУ профессор И.В. Крючков подчеркнул, что с этого научного события начинается неделя, посвященная 70-летию факультета. Директор Гуманитарного института СКФУ профессор А.М. Ерохин отметил, что СКФУ становится центром науки и культуры региона, в том числе и в вопросах изучения Северного Кавказа. Научная активность ученых-историков всегда была высокой. С момента образования Северо-Кавказского федерального университета были проведены четыре всероссийские исторические конференции различной проблематики, в крупнейшем вузе СКФО читали лекции ученые из многих стран. В ГИ СКФУ ведется подготовка магистров, в том числе и билингвальная, а в прошлом году была открыта сетевая магистратура. Особо подчеркнул А.М. Ерохин роль, которую играет история в формировании общероссийской гражданской идентичности, ключевом направлении воспитательной работы СКФУ.

На конференции работали две секции: «История и культура народов Северного Кавказа» и «Памятники историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и их охрана». На первой из них состоялось углубленное рассмотрение проблематики межкультурных контактов, связывающих народы региона с иными цивилизационными центрами. Вторая группа докладов была посвящена историко-культурному наследию региона, связанному с основными мировыми религиями, а также такому уникальному элементу культуры народов Северного Кавказа, как сохранившиеся вплоть до современности элементы традиционных верований, вступающих иногда в отношения диалога и симбиоза с существующими сейчас конфессиями. Кроме того, в исторической перспективе были рассмотрены проблемы охраны историко-культурного наследия.

Пленарное заседание

Крылов Александр Борисович¹

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАВКАЗОВЕДОВ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2015 году Научному обществу кавказоведов НОК исполняется пять лет. Нынешняя конференция является 12-й по счету конференцией и для нас особенно отраднo, что это уже третья конференция, которая проводится нами в тесном сотрудничестве с Северо-Кавказским Федеральным Университетом.

Решение о создании НОК было принято 4 октября 2010 г. на Учредительной конференции в Сухуме, когда был одобрен проект создания Научного общества кавказоведов (НОК) с целью содействия всестороннему изучению Кавказа в его тесной взаимосвязи с общемировым развитием, проведения в жизнь политики мира и дружбы народов, взаимопонимания, сотрудничества. Местом нахождения Правления Общества была определена Российская Федерация, г. Москва.

6 декабря 2010 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало НОК как общественное, некоммер-

1. Д.и.н., президент Научного общества кавказоведов, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

ческое, независимое, добровольное объединение ученых, специализирующихся на изучении Кавказа и приграничных с ним регионов. В 2011 г. в Республике Армения был создан и официально зарегистриро-

*Эмблема Научного общества
кавказоведов (НОК)*

ван Армянский филиал общества, создана структура представителей НОК в зарубежных странах и регионах России. Представителем общества в Ставропольском крае является доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств СКФУ Игорь Владимирович Крючков. Благодаря его усилиям стало возможным осуществление многих наших совместных проектов и, пользуясь случаем, я хочу выразить ему глубочайшую благодарность за сотрудничество и поддержку.

Согласно Уставу НОК основными целями общества являются объединение ученых-кавказоведов для обмена опытом и решения актуальных проблем, содействие изучению Кавказа в его тесной взаимосвязи с общемировым развитием, популяризация научных знаний и достижений современного кавказоведения. Важнейшим направлением деятельности НОК является проведение научных конференций, семинаров и круглых столов. За прошедшие годы состоялось одиннадцать мероприятий: в Сухуме (четыре раза), Ереване (три раза), по одному разу в Ростове-на-Дону, Париже и Пятигорске. Одна из конференций состояла из двух частей, первая из них была проведена во Владикавказе, вторая – в Цхинвале. Наряду

с российскими учеными в них принимали участие представители Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, Ирана, Сирии, Турции, Украины, Южной Осетии, стран Евросоюза и США.

Партнерами НОК в проведении конференций выступали Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия, Институт Кавказа (Ереван), Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева, Южный Федеральный Университет (Ростов-на-Дону), Парижская Академия геополитики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Институт демократии и сотрудничества (Париж), Северо-Кавказский Федеральный Университет, Пятигорский государственный лингвистический университет и ряд других организаций.

Материалы восьми проведенных за первые три года конференций НОК были опубликованы в виде отдельных изданий, подробная информация о них содержалась в специальном сборнике, изданном к 3-летию существования НОК. В 2014 г. НОК было проведено еще три мероприятия:

1. Международный научный семинар «Религиозная ситуация на Южном Кавказе и ее влияние на политические процессы», г. Сухум, Республика Абхазия, 10 апреля 2014 г.
2. Международный круглый стол «Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития», Армения, Ереван, 29 сентября 2014 г.
3. Международная научно-практическая конференция «Кавказ в годы Первой мировой войны», Пятигорск, 28-30 ноября 2014 г.

Несколько слов об этих мероприятиях. В ходе семинара «Религиозная ситуация на Южном Кавказе и ее влияние на политические процессы» с участием абхазских и российских экспертов были обсуждены проблемы этнического выживания абхазов как малочисленного народа, который может в скором времени утратить свою этническую и культурную самобытность и исчезнуть с карты мира. Было констатировано, что острота проблемы этнического выживания абхазов диктует необходимость консолидации и конструктивного взаимодействия всех здоровых сил малочисленной нации, требует преодоления внутренних противоречий и конфликтов (в том числе в среде абхазских православных священников).

В ходе семинара была проанализирована роль религии в процессах модернизации различных обществ, представлен исторический опыт, накопленный православной церковью за ее долгую историю на Кавказе, проанализирован региональный контекст нынешней конфессиональной ситуации, особенности взаимодействия различных религий, в том числе на примере положительного опыта деятельности в Абхазии Армянской Апостольской церкви. Состоялось конструктивное обсуждение жизненно важных для абхазского общества проблем, была продемонстрирована необходимость преодоления имеющихся разногласий и консолидации абхазского общества.

В ходе круглого стола «Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития» с участием армянских, грузинских, польских и российских экспертов был продемонстрирован опасный для государств Южного Кавказа характер последних событий в Ираке и соседних странах как очередного этапа т.н. «арабской

весны», возможность дальнейшего расширения дуги нестабильности от иракского Мосула через курдонаселенные провинции Ирана в направлении Турции. Была проанализирована политика основных мировых игроков и роль России на современном Кавказе, проблемы, вызовы и угрозы, с которыми она сталкивается в регионе, принимая во внимание деструктивный характер вмешательства некоторых внешних сил.

В ходе дискуссии была подчеркнута роль России в сохранении мира и стабильности на Кавказе, обсуждены возможные пути повышения эффективности российской политики в формате двусторонних отношений и в масштабах всего региона, представлен анализ особенностей современной международной ситуации, отношений Россия – США/НАТО/ЕС в контексте украинского кризиса, проанализированы будущие перспективы развития Южного Кавказа в общемировом и региональном контексте, а также в контексте интеграционных проектов Восточного партнерства и Таможенного союза/ЕАЭС.

На конференции «Кавказ в годы Первой мировой войны» с участием ученых-кавказоведов, политологов и экспертов из Абхазии, Армении, Азербайджана и России состоялось обсуждение темы «кавказского измерения» этой войны, приуроченное к 100-летию со дня ее начала (1 августа 2014 г.). Было подчеркнуто, что Первая мировая война перевернула прежнее мироустройство, привела к распаду могущественных империй и волне революций, предопределила всю историю человечества XX века. Исход войны стал трагичным для России – революция, братоубийственная Гражданская война, распад страны и раскол общества на два непримиримых лагеря.

В угоду идеологии, воцарившейся в СССР, Первая мировая война представлялась советскому обществу исключительно как война империалистическая, нелепая и преступная. Подобная оценка не отражает исторической реальности. В настоящее время возрождается память об этой войне, о проявленном на ней героизме солдат и офицеров, патриотизме и самопожертвовании.

На многонациональном и многоконфессиональном Кавказе историческая память, достижения и трагедии многовековой совместной истории переживаются особенно остро и оказывают большое влияние на современность. На конференции было подчеркнуто, что народы Кавказа принимали активное участие в военных действиях в составе разных частей и соединений российской армии на Кавказском и на Германском фронте. Яркой страницей в истории Первой мировой войны стал героизм и боевое братство русского народа и народов Кавказа. Это свидетельствует о том, что кавказский социум был глубоко интегрирован в российское общество, ощущал себя его неотъемлемой частью. Народы Кавказа рассматривали Россию как общую Родину, их представители были готовы жертвовать жизнью ради ее защиты.

На конференции были обсуждены актуальные проблемы истории Кавказа, их влияние на современную ситуацию, были предоставлены новые данные об исторически переломном периоде отечественной и мировой истории. Конференция в Пятигорске способствовала развитию научных связей и углублению сотрудничества ученых из разных стран.

Важнейшим направлением деятельности Научного общества кавказоведов является работа специализированного сайта www.Kavkazoved.Info. На его стра-

ницах находят освещение историческое прошлое Кавказа и современные проблемы, сочетаются глубоко академические сюжеты и актуальная аналитика и прогнозы. За прошедшие годы благодаря плодотворной деятельности главного редактора сайта НОК Андрея Григорьевича Арешева сформировался устойчивый круг постоянных авторов из России, Армении, Азербайджана, Грузии и других государств. При этом авторский и экспертный коллектив сайта постоянно расширяется за счет новых авторов, интенсивно развиваются партнёрские и информационные связи со специализированными Интернет-ресурсами, новостными агентствами России и государств Южного Кавказа.

Материалы нашего сайта регулярно перепечатываются изданиями России и государств Южного Кавказа, а также получают распространение через социальные сети (прежде всего Facebook). О востребованности и популярности сайта www.Kavkazoved.Info наглядно свидетельствуют показатели его посещаемости, которые постоянно растут. В настоящее время среднесуточный показатель посещаемости сайта составляет более 2 тысяч, а максимальный рекорд посещаемости был зафиксирован 19 января 2015 г. — 7,756 посетителей.

Важным направлением деятельности НОК стало участие в конкурсах по выделению грантов на проведение исследований и различных мероприятий. В результате объединения наших усилий на этом направлении с СКФУ в прошлом году удалось провести конференцию в Пятигорске о Первой мировой войне. После этого НОК принял участие в открытом конкурсе по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям, проводимом в соот-

ветствии с Распоряжением Президента Российской Федерации № 11-рп от 17 января 2014 года «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина». Представленный НОК проект «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности» был одобрен и наша конференция проводится в рамках именно этого проекта. В рамках проекта запланировано и проведение второй конференции: «Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия», которая должна состояться в июне 2015 г. в Москве.

В рамках проекта запланирована публикация материалов наших конференций в Ставрополе и Москве на сайте НОК и в других изданиях, а также в виде специальных сборников. Наряду с этим в рамках проекта ведется работа по созданию специализированного интернет-ресурса под названием «Атлас декоративного искусства народов Северного Кавказа», который призван обобщить и систематизировать традиции народного искусства, визуализировав их с помощью современных информационных технологий.

В прошлом году отмечалось 100-летие начала Первой мировой войны и Научное общество кавказоведов уделило большое внимание разработке и популяризации данной тематики, включая «кавказское измерение» этой войны. В наступившем году будет отмечаться скорбная в истории человечества годовщина – 100-летие геноцида армян в Османской империи и освещение этой темы станет важнейшим направлением деятельности НОК. Большое внимание

мы планируем уделить и теме кавказского фактора в Великой Отечественной войне, 70-летие победы в которой будет отмечаться в этом году.

Дальнейшие планы Научного общества кавказоведов связаны с продолжением деятельности по изучению и популяризации истории, традиций и культуры народов Кавказа. Не сомневаюсь, что участники нашей конференции внесут в это дело свой ценный вклад. Благодарю всех за участие в конференции и надеюсь на продолжение нашего дальнейшего сотрудничества в будущем.

Скаков Александр Юрьевич¹

ЮГ РОССИИ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ КАК ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР И ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Начало XX в. Евразия встретила богатством и разнообразием культур и конфессий, ядра которых были окружены многочисленными контактными зонами, поликультурными регионами, формировавшимися на протяжении тысячелетий. Такими регионами были, к примеру, Северная Африка и Левант, Балканы и Анатолия, Кавказ и Крым, Среднее и Нижнее Поволжье. Войны, этнические чистки, межконфессиональное размежевание, создание национальных государств мало что оставили от этого богатства. У всех перед глазами пример «очищенной» от греков и армян Анатолии, недавних межрелигиозных (по сути, направленных исключительно против коптов) столкновений в Египте, этноконфессиональных чисток в странах бывшей Югославии, оставшегося без значительной части своего не азербайджанского населения Баку. Поэтому столь значимы и бесценны те пространства, на которых, несмотря на все проблемы, еще возможны диалог культур, поликонфес-

1. К.и.н., координатор рабочей группы Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва.

сиональность, полиэтничность. При хорошо известных недостатках и ошибках российской/советской/российской модели национальной политики факт остается фактом – наиболее сохранившиеся островки такого диалога, практически избежавшие войн на уничтожение, находятся на территории Российской Федерации.

Одним из таких сложившихся на протяжении тысячелетий пространств межкультурного диалога является Северный Кавказ. Необходимо отметить, что выделение Северного Кавказа в отдельный регион достаточно условно как минимум по двум причинам. Во-первых, и это показала перекройка карты созданных в 2000 г. Федеральных округов, когда в 2010 г. из Южного ФО был выделен Северо-Кавказский ФО, сложно разделить понятия Юг России и Северный Кавказ. По новому делению Ставропольский край стал Северным Кавказом, а Республика Адыгея – Югом России, что само по себе парадоксально. Во-вторых, исторически крайне сложно отделить Северный Кавказ от Южного Кавказа, на протяжении тысячелетий это был единый мир. Сейчас фактически частью Северного Кавказа в политическом, социально-экономическом и культурном отношении стали Абхазия и Южная Осетия, географически находящиеся на Южном Кавказе. Само по себе разделение на Северный и Южный Кавказ по границе РФ изначально было более чем условным, если вспомнить российский Сочи по ту сторону Главного Кавказского хребта и грузинские Казбеги (Степанцминда), Шатили и Омало по эту сторону.

Сделаем еще ряд необходимых оговорок. Если деление Кавказа на Северный и Южный в значительной степени условно, то растаскивание его прошлого по нынешним «национальным квартирам» в грани-

цах республик или стран более чем ошибочно. Для эпохи средневековья не существовало «истории Азербайджана» или «истории Карачаево-Черкесии», поскольку тогда не было таких политических единиц. То есть можно говорить либо об истории тех или иных этнических массивов (помня при этом, что тот же азербайджанский народ — это конструкт XX века), либо об истории существовавших в тот или иной промежуток времени культурных (археологическая культура, этническая принадлежность которой, как правило, неизвестна), племенных и государственных образований. История могла пойти по иному пути, и, если бы, к примеру, Севрский мир 1920 г. был реализован, в качестве «истории Армении» изучалась бы сейчас история значительной части нынешней Турции. Обособленное исследование средневековой архитектуры Армении и Грузии приводит к тянущимся десятилетиями бесплодным дискуссиям о том, построены ли «храмы типа Джвари» грузинами или армянами. В этой связи не могу согласиться с часто постулируемым утверждением о том, что «государства средневекового Кавказа в большинстве своем были национальными» (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 12). Национальное государство — это всецело конструкт Нового времени, и понимания этничности (о нации для эпохи средневековья речи вообще идти не может), подданства, общности в древности были абсолютно иными. В противном случае мы скатимся к дискуссиям об этнической принадлежности Багратидов, национальном характере Алании или, не дай бог, Хазарии.

Далее, общим местом является понимание Кавказа в целом как коридора или моста, и самым ярким проявлением этой его функции стал Великий Шелковый путь (этот факт прошлого стал основой для

концепции «Нового Шелкового пути», столь модной в 1990-е гг., особенно, в Грузии). Не отрицая исторической роли Кавказа как коридора «Восток-Запад» (реализации этой роли, впрочем, препятствовало, а не способствовало положение Кавказа между двумя морями), отметим, что не менее, а, скорее, более важной была его роль в качестве коридора «Север-Юг». И здесь горы Главного Кавказского хребта не были препятствием, более того, в древности и вплоть до недавнего прошлого контакты по перевальным маршрутам, включающие в себя не только торговые связи и военные походы, но и перемещения этнических групп, носили регулярный и оживленный характер (Скаков, 2006. С. 80-85; Он же, 2013. С. 48-54).

Сделаю здесь еще одну оговорку, имеющую отношение, в первую очередь, к археологической стороне кавказоведения. Очень часто об интенсивности торговых связей мы судим по находкам инокультурных вещей, которые по определению не могли быть объектами торговли, а носили церемониальный и парадный характер. Сложно себе представить, к примеру, торговлю культовой зооморфной пластикой или бронзовыми орнаментированными топорами. Очевидно, здесь мы имеем дело с системой обмена дарами, хорошо известной по этнографическим материалам.

Сейчас интенсивность транскавказских контактов в значительной степени понижена, что связано не только с появлением новых средств коммуникации и с вооруженными конфликтами, но и с недостаточным количеством нормально функционирующих путей сообщения. По сути, сейчас Северный и Южный Кавказ связывают только две шоссейные (Владикавказ-Тбилиси и Махачкала-Баку) и одна железная (Махачкала-Баку) дороги. Две шоссейные

и одна железная дороги, идущие, соответственно, через Абхазию и Южную Осетию, заблокированы из-за неразрешенности конфликтов. Более того, идеи строительства новых коммуникаций через Главный Кавказский хребет встречают явное сопротивление, причем не из-за их дороговизны. Вспомним в этой связи, с какой истерикой в Тбилиси встретили российский проект строительства Аваро-Кахетинской шоссейной дороги между Дагестаном и Грузией.

Еще одна необходимая оговорка связана с нашим не всегда осознанным стремлением переносить в древность современные этнические границы. И это при том, что этноязыковая принадлежность предков многих кавказских народов остается крайне дискуссионной. Мы так и не знаем, кем были по языку предки современных осетин до их иранизации (есть как минимум четыре концепции — они были иранцами «всегда», они были картвелами, вайнахами, абхазо-адыгами), кем были до своей тюркизации предки балкарцев и карачаевцев. Даже с картвелоязычными сванами вопрос не так прост, как этого хотели бы наши грузинские коллеги. Необходимо помнить о многочисленных, неоднократно упоминаемых различными авторами, абхазо-свано-осетинских параллелях (к примеру: Абаев, 1949. С. 291–308; Гаглоева, 1988). В свое время Н.Я. Марр предполагал наличие в сванском языке двух «коренных» (субстратных) слоев — картвельского и абхазского. С. Джанашиа немного подправил его, подчеркнув доминирование в сванском языке картвельского компонента, но признал наличие в нем многочисленных абхазских (а также, особенно, черкесских) компонентов, причем не только в лексике, но и в морфологии (Джанашиа, 2007. С. 167,168,188,195,201).

Считая условным и исторически не обусловленным деление на Северный и Южный Кавказ, отмечу, что более оправданным представляется разделение на Западный и Центральный, с одной стороны, и Восточный Кавказ. К примеру, именно для Западного Кавказа, включая южные склоны Главного Кавказского хребта, характерен Нартовский эпос во всех его версиях, объединенных идеализацией образа героя-нарта. Напротив, в чечено-ингушской версии эпоса «нарт-орстхойцы», будучи доблестными и могучими, воспринимаются, как правило, отрицательно (грабители и насильники, враги местных героев) и являются пришельцами (Далгат, 1972. С. 110-112). Не вдаваясь в перечисление культурных маркеров, отличающих Восток и Запад Кавказа, отметим, что в античности и средневековье основным внешним фактором для Западного Кавказа являлись наследующие друг другу Древняя Греция, Римская империя, Византия и Османская империя (то есть страны средиземноморского региона, входящие в одну цивилизационную зону), а для Восточного Кавказа — держава Ахеменидов, Парфия, Сасанидский Иран и Персия.

Наличие различных внешних векторов не могло не обусловить различий в путях политического, культурного и социального развития. При этом в интересах всех вышеназванных внешних факторов было отсутствие на Кавказе сильного партнера, то есть либо наличие слабых буферных государственных образований, либо наличие столь же слабых «клиентов» в лице тех же «государств», владений, объединений (называемых «союзами племен»), вольных обществ. Усиления этого «буфера» или «клиента» не хотел допускать ни один из внешних факторов, поэтому период могущества того или иного государства или объединения на Кавказе всегда был кратковремен-

ным. По этим же причинам, стремясь не допустить объединения значительной части Кавказа в сильное государство, внешние силы вполне логично должны были поощрять раздробленность как политическую, так и культурную, то есть многообразие, поликультурность, различие форм общественной организации, наличие взаимных противоречий. В противном случае объединенный Кавказ (даже его часть) создал бы прямую угрозу их собственным владениям. В последующем, как только Россия подчинила Кавказ, она сразу посягнула на турецкие владения в Анатолии и на Южный Азербайджан в Персии. То есть Кавказ должен был оставаться буфером. Ситуацию прошлого можно сравнить с современной, когда, по сути, два государства Южного Кавказа – Грузия и Армения – выбрали, по вполне объективным причинам, роль «буфера» или «клиента».

При этом у мощного внешнего актора отношение к своему «буферу» или «клиенту» было в прошлом достаточно небрежным. Уже обращалось внимание на «почти полное отсутствие упоминаний чеченцев, абадзехов, натухаев и осетин в османских документах. Что касается абхазов, то они, хотя и упоминаются очень часто, но лишь [в сочетании] с не очень уважительными эпитетами: «разбойники», «проклятые», «нечестивцы», «отщепенцы», «грешники» (Лемерсье-Келькеже, 2009. С. 273).

Кроме основных внешних игроков, которых до второй половины XVI в. было два, могли появляться и иные внешние факторы, как более сильные, но проходящие в регион лишь на краткий срок (арабские и татаро-монгольские завоеватели), так и более слабые, благодаря своей отдаленности от Кавказа (генуэзцы, до определенного момента – русские княжества и Московское царство, Крымское ханство и т.д.). Тем

не менее, они также обогащали этнокультурное разнообразие Кавказского региона.

Наконец, присоединение к Российской империи привело не только к стабилизации и объединению Кавказа в один социально-культурный регион, но и, при всех его трагических эпизодах, к углублению здесь поликультурности, полиэтничности, поликонфессиональности. На Северном Кавказе появились значительные армянские колонии (до этого, конечно, здесь проживали черкесо-гаи), а также грузинские, немецкие, греческие, эстонские, чешские, молдавские (Цуциев, 2006. С. 35-39. Карты 11,12). Практически заново создается разнородная еврейская община Северного Кавказа, при этом вопрос о преемственности евреев региона по отношению к иудеям Хазарии (Голден, 2005. С. 58-59) или Боспора (Кашовская, Кашаев, 2010) может быть отнесен исключительно к спекуляциям. Тем не менее, сохранение на протяжении всей эпохи средневековья еврейской общины севернее и южнее Дербента вполне возможно (Сосунов, 2007. С. 182-197). Как результат, в городах региона практически на одной улице могли стоять православный собор, мечеть, армянская церковь, синагога, католический костел и протестантская кирха. Все это сочеталось с широко распространенными у коренного населения традиционными верованиями, вполне уживающимися с православием и исламом. При этом опять же необходимо сделать оговорку: наше представление о системе традиционных верований того или иного этноса по объективным причинам зачастую основано на материале, подобранном и обработанном представителем именно этого этноса. В итоге мы получаем картину, более или менее близкую к ушедшей реальности, но, с неизбежностью и неосознанно, идеализированную.

Из нее изъято все то, что могло бы заставить кого-то усомниться в приверженности этого этноса в древности к морально-нравственным ценностям, взятым за образец в настоящее время. К примеру, это касается древних сексуально-оргиастических культов, о которых до нас дошли лишь отрывочные упоминания.

Полученная и преумноженная Российской империей культурная, языковая и конфессиональная мозаика Кавказа оказалась в значительной степени сnivelирована только в одном, но, вероятно, наиболее конфликтогенном аспекте – социально-политическом (Гатагова, 1995. С. 121). Не до конца, но в значительной степени были стерты различия между различными уровнями социального устройства (от вольного общества до ханства), перекрытыми надежным покровом губерний, областей и округов. При этом нивелировка социально-политических объектов не была однолинейным процессом, имея свои кратковременные отступления и максимально избегая силовых методов принуждения. Таких методов избегала и проводимая тогда миссионерская рехристианизация Северного Кавказа, итогом которой стала исключительно некоторая временная приостановка исламизации региона. Ислам был позиционирован не как враг, а как партнер.

Важными последствиями стабилизации и социально-политической унификации стал начавшийся после присоединения к России расцвет культуры коренных народов Северного Кавказа. К примеру, для Осетии достаточно назвать имена Коста Хетагурова, Сосланбека Едзиты, Цоцко Амбалова, Ахмета Цаликова, Гайто Газданова и Васо Абаева. Все эти деятели различных поколений сформировались как личности уже после присоединения Осетии к Российской империи, которая и дала им возмож-

ность достойно выйти на уровень не только российской, но и мировой культуры. Но культура не только в отдельных личностях, но и в системе школьного образования, музейной и издательской деятельности, а все это, безусловно, было принесено на Северный Кавказ Российской империей.

Политика Российской империи заложила основы тому парадоксу Северного Кавказа, который в полной мере сформировался уже во времена СССР и стал единственным гарантом сохранения целостности Российской Федерации в этом взрывоопасном регионе. Я имею в виду феномен множественности идентичностей, когда, к примеру, для жителя Ахтынского района Дагестана самоидентификация будет иметь трехчастный характер: лезгин-дагестанец-россиянин. Вероятно, именно этот феномен можно считать важнейшим наследием прожитых вместе как минимум ста пятидесяти лет.

В то же время, негативным воздействием советского периода истории Северного Кавказа стало насильственное обеднение этнокультурной карты региона. Имеется в виду не только временное выселение чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев, но и практически бесповоротная депортация немцев (1941 г.) и греков (1942, 1947-1949 гг.) (Цуциев, 2006. С. 74-78. Карта 27). Собственно говоря, продолжение этой тенденции, но уже на другой почве, мы видим и сейчас, в постсоветский период истории Северного Кавказа.

Просматривается тенденция к моноэтнизации республик и вытеснению из них крупных групп населения не коренной национальности. При этом, несмотря на стабилизацию ситуации в стране на протяжении последних 15 лет динамика такого вытеснения сохраняется. В относительно благополучной

Карачаево-Черкесии абсолютная численность русского населения достаточно длительное время росла (162442 чел. в 1970 г., 165451 чел. в 1979 г., 175931 чел. в 1989 г.). Далее случился обвал, который относительно быстро стабилизировался: в 2002 г. — 147878, а в 2010 г. — 150025 русских. Напротив, в менее спокойной Кабардино-Балкарии ситуация менее обнадеживающая: на 1959 г. здесь насчитывалось 162586 русских, на 1989 г. — 240750 чел., на 2002 г. 226620 чел., на 2010 г. — 193155 чел. Хорошо заметно, что здесь спад продолжается. Столь же явно сокращение русского населения идет не только в нестабильном Дагестане (от 120875 чел. в 2002 г. до 104020 чел. в 2010 г.), но и в тихой Адыгее (от 288280 чел в 2002 г. до 270714 в 2010 г.). Аналогична ситуация в Северной Осетии: от 164734 чел. до 147090 чел., в Калмыкии: от 98115 до 85712 чел. В этой связи наихудшим вариантом стало бы растаскивание национальных республик по этническим квартирам.

Напротив, поддержание и развитие этнокультурного и конфессионального многообразия является лучшим гарантом этнополитической стабильности в регионе. При достигнутом уровне социально-политического единства множественность культур и идентичностей становятся своего рода преградой деструктивному началу, проникающему извне, с различных сторон, и также делающему ставку на отсутствие различий и единообразия. Северный Кавказ объединен, и объединен достаточно прочно, но именно разнородность его составляющих является лучшим гарантом прочности этого единства. Таким образом, и для акторов прошлого — Турции и Персии, и для России сегодня Северный Кавказ хотелось бы видеть культурно многоликим, но для держав прошлого эта многоликость должна была стать залогом социально-

политической раздробленности всего региона, а для России, создавшей единый Северный Кавказ, она является лекарством от удушающей социокультурной однородности чаемого некоторыми нашими партнерами общества будущего. Поликультурность не приемлема для человека-винтика, не способного рефлексировать, размышлять и анализировать, потенциал которого может быть использован адептами той или иной теории (модели) мироустройства.

Список литературы

Абаев В.И. Поездка в Сванетию // Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 291-308.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. М.: «Индрик», 2011.

Гаглоева З.Д. К вопросу об абхазо-осетинских этнографических параллелях // Вопросы истории народов Кавказа. (Сборник статей, посвященных памяти З.В. Анчабадзе). Тбилиси: «Мецниереба», 1988. С. 103-113.

Гатагова Л.С. Россия и Кавказ: проблемы культурного взаимодействия // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 119-127.

Голден Питер. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары. М.-Иерусалим: «Мосты культуры/Гешарим», 2010. С. 27-68.

Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: «Наука», 1972.

Джанашиа Симон. Черкесские дневники. Тбилиси: Кавказский дом, 2007.

Кашовская Н.В., Кашаев С.В. Иудаизм на Боспоре: археологический контекст // Хазары: миф и история. М.-Иерусалим: «Мосты культуры/Гешарим», 2010. С. 283-304.

Лемерсье-Келькеже Шанталь. Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Сборник статей. Казань, 2009. С. 272-294.

Скаков А.Ю. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа. // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2006. с.80-85.

Скаков А.Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников. // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. Том I. Абхазия. М.: ИВ РАН, 2013. С.23-75.

Сосунов Геннадий. Еврейские памятники Восточного Кавказа. (предисловие Ю.И. Мурзаханова и И.Г. Семенова, статья И.Г. Семенова). Махачкала, 2007.

Цуциев Артур. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2006.

ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ В РАЗВИТИИ КУРОРТОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В XIX – начале XX вв. происходит становление и развитие курортного дела на Северном Кавказе. На развитие курортного дела на Кавказе огромное влияние оказывал европейский, в том числе, австро-венгерский опыт развития курортов. Этот фактор проявлялся и в том, что русское общество первый опыт от общения с курортами получало в Европе, поэтому и на Кавказе оно ожидало встретить нечто подобное, среди прочего, в организации досуга. Русское курортное общество постоянно было недовольно тем, как обстояли дела с организацией досуга на КМВ и на Черноморском побережье Кавказа, проводя параллели с европейскими курортами.

У истоков развития курортного дела на Кавказе стояли представители европейской политической и интеллектуальной элиты XIX в., что не могло не сказаться на облике курортного ландшафта региона. Прежде всего, в данной связи необходимо выделить генерала Г.А. Эммануэля. Он родился в 1775 г. в г. Вершец в Трансильвании, в семье венгерских дворян, хотя по национальной принадлежности его семья

1. Д.и.н., профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств СКФУ, Ставрополь.

принадлежала к сербской элите Венгрии. С 1798 г. Г.А. Эммануэль переходит на русскую службу, где он совершил блистательную карьеру, приняв участие в наполеоновских войнах, а с июня 1825 г. возглавив войска Кавказской линии. В этой должности генерал находился вплоть до своей гибели в августе 1831 г. (Пятигорский край ..., 1891. С. 28).

Г.А. Эммануэль очень любил Горячеводск, проводя в нем каждое лето с семьей. По инициативе генерала поселок Горячеводский в мае 1830 г. был преобразован в уездный город Пятигорск (Пятигорские ..., 1886. С. 18). Собственно с этого времени начинается становление главного города КМВ – Пятигорска. До начала XX в. город в той или иной мере развивался по планам, утвержденным Г.А. Эммануэлем.

Генерал начинает уделять много внимания благоустройству Пятигорска, строится водопровод, появляются первые мощеные улицы (Пятигорский край ..., 1891. С. 28). При нем строятся «Николаевское купальное здание», Офицерские и Орловские дома, деревянная церковь Скорбящей Божьей матери, разбиваются парки, бульвары, создается «Цветник», прокладывается дорога на Машук. За пять лет правления Г.А. Эммануэля Пятигорск (Горячеводск) изменяется до неузнаваемости.

Большую роль в развитии курортного дела на КМВ сыграли и другие иностранцы. Основы бальнеологии на КМВ закладывает Ф.И. Конради, являвшийся с 1822 по 1842 гг. главным врачом КМВ. Выпускник Геттингенского университета и уроженец Швейцарии, он полностью посвятил себя делу изучения Кавказа (Конради, 1831). По его инициативе развивается Кумогорский источник, и предпринимаются первые попытки наведения порядка в курортной сфере КМВ.

Архитектурный облик курортов КМВ в 20-30-е гг. XIX в. формируется в результате активной деятельности братьев Бернардацци, приехавших в Россию из Швейцарии. Джузеппе и Джованни Бернардацци оказались на Кавказе в 1822 г. по приглашению генерала А.П. Ермолова после их ссоры с архитектором А. Монферраном, во время строительства Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Уже к 1828 г. при их участии на КМВ было сооружено 47 объектов, самыми известными из них стали здания «Ресторации», Николаевских ванн, Эолова арфа и грот Дианы в Пятигорске. Все они были выполнены в стиле классицизма, которому братья Бернардацци были верны до конца. Следует подчеркнуть, что Бернардацци большую помощь оказывал генерал Г.А. Эммануэль. В 1837 г. был утвержден генеральный план развития Пятигорска, разработанный Бернардацци.

В 40-60 – е гг. «главным архитектором» КМВ становится англичанин С.И. Уптон, его стиль сочетал элементы поздней готики и мавританского стиля. Самыми известными сооружениями С.И. Уптона стали Нарзанная галерея в Кисловодске, галерея у источника №17 в Ессентуках, галерея над источником №8 в Железноводске, Елизаветинская (Академическая) галерея, дом Уптона в Пятигорске.

После прекращения Кавказской войны и строительства в 1875 г. Владикавказской железной дороги открывается новый благоприятный период в развитии курортов на КМВ. Наместник Кавказа князь А.И. Барятинский понимал необходимость сосредоточения всех усилий на благоустройстве Кавказа и развитию в регионе курортного дела (Краснокутская, Зюзин, 2008. С. 29). Одним из проводников этой идеи стал доктор С.А. Смирнов. Он прекрасно понимал, что без изучения зарубежного опыта развития

курортного дела будет невозможно создать курорты на Кавказе, особенно С.А. Смирнова интересовали обустройство «лечебных местностей» и зарубежная бальнеология. С.А. Смирнов постоянно выезжал за границу с целью изучения опыта зарубежных курортов, он не раз посещал курорты Германии, Франции и империи Габсбургов.

В 60-70-е гг. XIX в. на КМВ приглашаются иностранные специалисты для проведения проектно-исследовательских работ и выработки плана развития курортного хозяйства в регионе. Первым иностранным специалистом стал техник по обустройству минеральных источников Штуц из Висбадена. В 1874 г. по инициативе Великого князя Михаила Николаевича заключается четырехлетний контракт с известным французским инженером Жюлем Франсуа, считавшимся лучшим специалистом в Европе по поиску минеральных вод и разработке технологий их использования. В 1875 г. Жюль Франсуа покидает Россию, передав через французского консула в Тифлисе свой план развития КМВ, ставший основой развития курортного дела на КМВ в последней трети XIX – начала XX вв. (Франсуа, 1878). Правда, этот план почти три года пылился в различных тифлисских ведомствах без внимания, прежде чем дойти до заинтересованных лиц.

В 1882 г. на КМВ С.А. Смирновым приглашается еще один французский специалист Леон Дрю, соратник Жюля Франсуа, долгое время работавший в Спа и Виши (Пятигорские ..., 1886. С. 32). Однако, план развития курортов, предложенный Леоном Дрю, был признан дорогостоящим и не реальным. Леон Дрю провел исследования минеральных источников и окружающего ландшафта во всех курортных городах

и поселках КМВ. Он же впервые определил на КМВ охранные зоны для минеральных источников (Дрю, 1883). В будущем многие предложения Леона Дрю легли в основу плана благоустройства курортов КМВ, именно Леон Дрю обратил внимание местных специалистов на лечебные свойства донных отложений Тамбуканского озера, а горе Развалка дал название «Спящий лев» (Светляковский, 1898. С. 22,23).

Оба француза сыграли большую роль в развитии Кисловодска. Климат на курорте был похож на климат западноевропейских курортов, в 1893 г. к нему была проведена железнодорожная ветка, что открывало перед поселком большие перспективы. Главной проблемой Кисловодска являлось эффективное использование его главного природного ресурса – знаменитой минеральной воды «Нарзан». В 1874 г. Жюль Франсуа признал неудовлетворительным использование источника. Он планировал вывести источник из галереи, кроме этого он предложил совершенную систему снабжения лечебных ванн «Нарзаном» (Кавказские минеральные воды, 1912. С. 128). Леон Дрю настаивал на увеличении глубины бурения скважин для минеральных источников, что получило поддержку специалистов.

Привлечение французских специалистов на этом не заканчивается. В 90-е гг. XIX в. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов предпринимает значительные усилия по интенсификации развития курортов. В своих рассуждениях А.С. Ермолов постоянно учитывал зарубежный опыт (Записка ..., 1898). А.С. Ермолов обращается к компании «Виши» с просьбой о разработке бизнес-проекта по модернизации курортного дела на КМВ (Краснокутская, Зюзин, 2008. С. 39).

Многие врачи, предприниматели и представители административного аппарата КМВ в конце XIX – начале XX вв. постоянно выезжали за границу для изучения зарубежного опыта организации курортного дела. С 1870 по 1882 гг. контрагентом (арендатором казенных КМВ) был бывший городской голова Ростова на Дону А.М. Байков, имевший репутацию опытного бюрократа и предпринимателя. Став контрагентом, А.М. Байков активно взялся за обустройство курортов на КМВ, посетил 24 ведущих курорта Европы, в том числе Мариенбад, Карлсбад, Виши, Баден-Баден, стремясь заимствовать зарубежный опыт для КМВ. В 1882 г. он предложил ввести систему платных сезонных билетов для курортников на КМВ. Эта практика была широко распространена в Европе (Боглачев, Жатьков, 2008. С. 285).

К 1914 г. культурный ландшафт, организация лечебных процедур на курортах Кавказа во многом повторяли лучшие европейские образцы. В качестве примера можно привести знаменитые «Лермонтовскую галерею» в Пятигорске и «Пушкинскую галерею» в Железноводске. Прогулочные галереи, сделанные из стекла и металла, входят в обиход таких курортов Австро-Венгрии, как Карлсбад и Мариенбад, во второй половине XIX в. Они оказались очень удобными, в них устраивались балы, размещались библиотеки, в непогоду курортники могли укрыться под их крышами. Поэтому, с учетом опыта австрийских курортов, строятся подобные галереи в Пятигорске и Железноводске.

Острая необходимость в новых гостиницах и пансионатах заставляла предпринимателей и руководство КМВ принимать нестандартные решения. В 1894–1895 гг. Финляндское общество переносных построек «Сандвик» из Гельсинфорса по проекту архитектора

Ф.Г. Гейера спроектировало и создало разборную деревянную гостиницу «Интернациональ» на 628 номеров. Гостиница была выставлена на нижегородской выставке, на нее обратили внимание представители КМВ. Весной 1897 г. «Сандвик» установило 10 модулей на 54 номера в Кисловодске (Боглачев, Жатьков, 2008. С. 193). В 1902 г. эту гостиницу переносят в район Красных камней. Связь КМВ с Финляндией проявлялась и в том, что с 1895 по 1918 гг. главным архитектором КМВ был подданный Финляндии И.И. Байков. И это несмотря на то, что в последней трети XIX в. российские архитекторы практически полностью вытесняют иностранных зодчих с Кавказа. Правда здесь встречались и свои исключения. Одним из известных архитекторов КМВ на рубеже XIX-XX вв. стал Е. Шреттер, родившийся в Кременчуге в 1876 г. в семье австрийского подданного. Е. Шреттер тщательно изучал курортную архитектуру Австро-Венгрии, что затем пригодилось ему во время работы на КМВ. Он стал создателем знаменитой «Алексеевской грязелечебницы» в Ессентуках, частных особняков и дач, в том числе виллы Э.Э. Карстен в Пятигорске. После своих успехов Е. Шреттер принял российское подданство.

«Вытеснив» иностранных архитекторов, строительная индустрия Кавказа не могла обойтись без использования высококачественных импортных строительных материалов. При строительстве на КМВ, в Гаграх и Сочи широко применялись облицовочная плитка, огнеупорный кирпич из Великобритании, из Франции на Кавказ возилась черепица и ряд других материалов (Кубань и Черноморское побережье ..., 1914. С. 229). В частности, во время облицовки Серошелочных ванн в Ессентуках использовалась плитка, произведенная в Великобритании.

В начале XX в. европейские компании сыграли большую роль в развитии городского хозяйства на Кавказе. В 1902-1904 гг. концерн «Сименс» строит трамвайные линии в Пятигорске и первую электростанцию на КМВ «Белый уголь» (Кавказ, 1904. С. 3). Двигатели фирмы «Отто Дейтц» широко использовались для добычи минеральной воды и других нужд (Путеводитель по Пятигорью, 1908. С. 10).

Главным богатством КМВ стали минеральные источники. В России до конца XIX в. исследование химического состава минеральных вод и их полезных свойств делало первые шаги, поэтому российские бальнеологи широко использовали зарубежный опыт в данной сфере. Минеральные воды Кавказа при их классификации зачастую сопоставляли с хорошо известными минеральными источниками Австро-Венгрии и других европейских курортов. Знаменитые минеральные воды Железноводска сравнивались по своим бальнеологическим свойствам с минеральными источниками Карлсбада, это относилось и к источнику Эссенуки №17 (Пятигорские ..., 1886. С. 145). Впервые идею сравнения железноводских минеральных вод с минеральными источниками Карлсбада, Эгера и Мариенбада предложил в 1825 г. доктор А.П. Нелюбин (Нелюбин, 1825). В 1868 г. эту идею активно поддерживает один из самых известных исследователей минеральных источников Кавказа С.А. Смирнов, в частности, сравнивая эссендукские источники с источниками в Францесбаде. Правда, в начале XX в. многие российские врачи-бальнеологи отходят от этой практики, признавая уникальность Кавказских Минеральных Вод.

Знаменитый Баталинский источник, располагающийся в окрестностях Пятигорска и получивший название «Мария-Терезия», также постоянно срав-

нивался с минеральными источниками богемских и венгерских курортов (Кавказский календарь, 1912. С. 115). Профессор Ф.А. Баталин, открыв в 1856 г. данный источник, пришел к выводу, что вода в нем напоминает знаменитую венгерскую воду «Хуниади» (Весь Кавказ, 1903. С. 10), в то же время превосходя ее по многим параметрам. Очень интересно возникновение названия данного источника. Жюль Франсуа назвал источник Маргарита-Терезия в честь своей дочери Маргариты и жены Терезии. Однако немецкие колонисты из Карраса быстро его переименовали в честь австрийской императрицы Марии-Терезии. До 1980 г. минеральная вода из Баталинского источника разливалась заводским способом для потребления, после чего источник был закрыт.

В России предпринимаются усилия по популяризации за границей и других минеральных вод и наибольших успехов в этом плане добился кисловодский «Нарзан». Вывоз «Нарзана» за пределы КМВ через Ростов на Дону начинается с 1872 г. (Боглачев, Савенко, 2006. С. 161). С открытием Владикавказской железной дороги поставки «Нарзана» осуществляются через оптовый склад в Минеральных Водах. В конце XIX в. «Нарзан» поставляется в различные регионы Российской империи, в том числе, в Прибалтику и в Финляндию (Кавказские курорты, 1901). Эти поставки контролировались пятигорским торговым домом Братьев Лазаревич. В 1903 г. на международной выставке в Реймсе «Нарзан» получает золотую медаль, что способствовало дальнейшей его популяризации в Европе. Поэтому «Нарзан» вывозится за пределы Российской империи в Вену, Прагу, Берлин, Ниццу, Тегеран (Боглачев, Савенко, 2006. С. 155). Из зарубежного опыта было очевидно, что сильно газированная углекислотой минеральная вода в закупо-

ренном виде долго сохраняет свои вкусовые свойства. В 1891 г. под руководством профессора П.П. Сушинского проводятся опыты по вторичному газированию «Нарзана», которые оказались успешными. С 1892 г. начинает действовать завод по разливу «Нарзана», а в 1902-1903 гг. в Саксонии в г. Вурцен было закуплено для этого предприятия специальное оборудование. В 1910 г. на Бальнеологической выставке в г. Спа директор этого бельгийского курорта Э. Дек заинтересовался технологией разлива «Нарзана», планируя создание аналогичного предприятия в Спа. В то же время в аптеках и магазинах России и Кавказа активно продавались «минералка» из Австро-Венгрии с комментариями, что это воды из «целебных источников Средней Европы» (Северокавказская газета, 1910. С. 1). Большой популярностью в России пользовались воды Виши.

Курорты России при всей помпезности и величии архитектуры уступали европейским курортам в благоустройстве. Во многих курортных городах остро стояли проблемы обустройства канализации и строительства водопроводов, особенно на Кавказе. Только центральные улицы и площади кавказских курортов были вымощены брусчаткой и имели электрическое освещение. Власти и предприниматели городов в решении данной проблемы так же постоянно обращались к европейскому опыту (Заграничные курорты, 1911. С. 65). А.С. Ермолов полагал, что для курортов КМВ и других курортных регионов Кавказа очень полезным в данной связи был опыт Карлсбада, где за относительно короткий срок во второй половине XIX в. город был прекрасно благоустроен (Записка ..., 1898. С. 12). Россияне обращали внимание на те вещи, которые в России казались невысказанными:

улицы Карлсбада постоянно по ночам мылись и поливались водой.

При организации бальнеологической базы на Кавказе российские специалисты также использовали достижения европейских курортов (Путеводитель ..., 1912. С. 338,339). Во второй половине XIX в. в Западной Европе наблюдается повальное увлечение грязелечением. Эта тенденция довольно быстро получает распространение в России. На курортах КМВ и в Мацесте, учитывая европейские традиции, идет процесс становления собственной лечебной базы. В грязелечебницах лечебные ванны принимали во внутреннем дворе, опирались на опыт работы грязелечебниц в Карлсбаде (Боглачев, Жатькеов, 2008. С. 92). Результаты использования лечебных грязей в России доводятся российскими специалистами до сведения европейской общественности. В 1884 г. профессор П.П. Сушинский сделал доклад на Международном съезде врачей в Биаррице, в котором он охарактеризовал лечебные свойства Тумбуканского озера. Следует подчеркнуть, что европейское влияние на грязелечебницы проявилось в топонимике КМВ. Долгое время один из источников целебной грязи в Пятигорске назывался «хорватским».

На КМВ на рубеже XIX-XX вв. получают развитие новые методы лечения, заимствованные в странах Европы. В Ессентуках создается «Цандеровский институт» по образцу клиники Г. Цандера в Швеции. В клинике имелись разнообразные вибрационные аппараты для массажа, в начале XX в. это была революционная технология. При «Цандеровском институте» создается первый на КМВ фитнес-клуб. Известный в Ессентуках врач М.С. Зернов, посещая различные курорты Западной Европы, в частности Австро-Венгрии, убедился в необходимости созда-

ния современной больницы, оснащенной новыми средствами диагностики заболеваний, в том числе рентгеновским аппаратом и устройством для электрокардиограмм (Зернов, 2001). М.С. Зернов создаст в Ессентуках специальную клинику, оснащенную всеми современными техническими средствами диагностики, закупленными за границей.

Важнейшим элементом лечения и досуга на курортах Кавказа стали терренкуры. Специалисты региона в данном направлении тщательно изучали опыт создания терренкуров на курортах Австрии, прежде всего, Карслбада, где общая протяженность прогулочных троп составляла около 200 км.

Европейские традиции оказали сильное влияние на развитие парковой культуры на курортах Кавказа. В первой половине XIX в. большой популярностью в регионе пользовались традиции английской парковой культуры. В Ессентуках создается «Английский парк» (Путеводитель ..., 1912. С. 123), в Пятигорске — «Эммануэлевский парк», выдержанные в английском стиле. В последней трети XIX в. на КМВ наступает период развития паркового искусства под влиянием французского стиля. Большую роль в этом сыграл обрусевший француз О. Тибо-Бриньоль, создавший «Цветник» у Нарзанной галереи в Кисловодске. Свою лепту в развитие парков КМВ внесли выходцы из Австрии. В январе-августе 1901 г. в Управлении КМВ за это направление деятельности отвечал А.А. Зегер. Он разработал проекты создания новых цветников и парков в районе Эоловой арфы, Горячей горы в Пятигорске и в районе Красных камней в Кисловодске, что впоследствии было реализовано.

Представители европейских государств сыграли значительную роль в развитии альпинизма на Северном Кавказе и в изучении природы, истории

и культуры региона. Европейские альпинисты кроме изучения Кавказа, составляли карты региона, знакомили русских и местных жителей с последними достижениями альпинизма в Европе.

В начале XX в. восхождения европейских альпинистов на горные вершины Кавказского хребта становятся обыденным делом. Каждый год на Кавказ приезжало несколько групп альпинистов, в том числе из Германии, Великобритании и Австро-Венгрии, наибольшую активность в этом плане проявляли германские альпинисты. Ведя разговор о развитии альпинизма на Кавказе нельзя не отметить Р.Р. Лейцингера, швейцарца по происхождению, заложившего основы российского альпинизма и туризма на Кавказе, долгое время возглавлявшего «Кавказское горное общество» в Пятигорске.

Список литературы

Боглачев С.В., Жатьков Э.А. Архитектура старых Ессентуков. Пятигорск, 2008.

Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006.

Весь Кавказ. Справочно-литературный сборник. №1. 1903 г. Тифлис, 1903.

Дрю Л. Отчет о Кавказский Минеральных Водах. Париж, 1883.

Заграничные курорты: Иллюстрированный путеводитель по заграничным курортам и санаториям. Под ред. М. Мурадова. Берлин, 1911.

Записка министра земледелия и государственных имуществ к вопросу о переустройстве Кавказских Минеральных Вод в связи с общим положением бальнеологического дела в России и заграницей. СПб., 1898.

Зернов Н.М. На переломе. Семейная хроника Зерновых 1812-1921. М.-Париж, 2001.

Кавказ. 1904. 9 мая.

Кавказские курорты. Иллюстрированный путеводитель на 1901 г. Отдел рекламы. Ростов на Дону, 1901.

Кавказские Минеральные Воды // Кавказский календарь. Тифлис, 1912.

Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912.

Конради Ф.И. Рассуждения об искусственных минеральных водах с приобщением новейших известий о кавказских минеральных источниках. СПб., 1831.

Краснокутская Л.И., Зюзин С.А. Путеводитель как ориентир для путешественника (на примере КМВ). Пятигорск, 2008.

Кубань и Черноморское побережье на 1914 г. Екатеринодар, 1914.

Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод. В 2-х Ч. СПб., 1825.

Путеводитель по кавказским минеральным водам. Пятигорск, 1912.

Путеводитель по Пятигорью // Ежегодник Кавказского горного общества в г. Пятигорске. Вып. 2. Пятигорск, 1908.

Пятигорские и с ними смежные минеральные воды // Сост. В.С.Богуславский. М., 1886.

Пятигорский край и Кавказские минеральные воды // Сост. Ф.Баталии. Ч. 1. СПб., 1891.

Светляковский В.В. Кавказские минеральные воды. Екатеринослав, 1898.

Северокавказская газета. 1910. №154.

Франсуа Ж. Общая программа разведочных работ и улучшение источников и ванн четырех групп. Тифлис, 1878.

История и культура народов Северного Кавказа

Пикалов Дмитрий Владимирович¹

БЛИЗНЕЧНЫЙ КУЛЬТ В РИТУАЛАХ И МИФАХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В северокавказском Нартском эпосе, восходящем в своей основе к скифо-сарматскому времени, можно выявить следы близнечного культа, характерного для индоевропейской культурной общности. Это сюжет о двух братьях-близнецах Ахсаре и Ахсартаге, сыновьях старейшего нарта Уархага. Имя Уархаг в переводе со староосетинского переводится как волк, и, вполне вероятно, связано с тотемическим предком. В этой связи хочется вспомнить двух других индоевропейских близнецов Ромула и Рема, которых выкормила волчица. Другими известными нартскими близнецами являются Урызмаг и Хамыц, сыновья Уастырджи.

Близнечный миф в индоевропейских мифопоэтических традициях довольно часто связан с космологическими сюжетами, а сами близнецы нередко выступают как «дети бога», родоначальники племени и культурные герои. Истоки близнечного мифа можно видеть в представлениях о неестественности близ-

1. Доцент кафедры культурологии и библиотековедения СКФУ, Ставрополь.

нечного рождения, которое у многих народов мира считалось уродливым, а сами близнецы и их родители — опасными, что согласуется с данными приматологии. В обезьяньем стаде самка, родившая двойню, держится с детенышами поодаль, причем ее отгоняет подалеже сам вожак. Обычай отделения родителей близнецов от всего племени, часто с позднейшим переосмыслением в духе сакрализации, до сегодняшнего дня встречается в Африке. Эти представления в редуцированном виде встречаются у многих народов мира, что, возможно, говорит об их глубокой древности.

«Сами близнецы... рассматриваются как существа, соприкоснувшиеся со сверхъестественной силой и ставшие ее носителями. Архаический ритуал отделения близнецов... от племени при этом включается в обрядовый комплекс почитания сакрализованных близнецов. На этом этапе... речь идет уже не просто об избавлении племени от опасности, таящейся в близнецах..., но и об осознанном обособлении носителей сверхъестественной силы (не только опасной, но и часто благодетельной) от коллектива, их почитающего... Переосмысление близнецных обрядов и близнецных мифов в духе сакрализации близнецов... происходит, в частности, с развитием представления о связи близнецов с плодородием. Поэтому в обществах, почитающих близнецов, обычны обряды, связывающие их культ с символикой плодородия, в частности со священными мировыми деревьями» (Иванов, 1992. С. 175,176).

В Нартском эпосе мы встречаем мотив, характерный для дуалистических мифологий Северной и Южной Америки и Океании, и крайне редкий для Евразии, когда в мифах о братьях-близнецах один из братьев связывается со всем хорошим и полезным,

а другой — со всем плохим или плохо сделанным. У нартов это близнецы Урызмаг и Хамыц. Урызмаг — один из самых знатных нартов, совершивший много подвигов, нартские сказания постоянно подчеркивают его гармоничные семейные отношения с супругой. Хамыц, напротив, легкомысленен, неудачно женился на женщине из племени водного царства Бценов, прелюбодействует, используя волшебный зуб, из-за чего имеет много проблем, подвигов не совершает.

Кроме того, Нартский эпос донес до нас предания о связи братьев-близнецов с волшебным оружием: Ахсар владеет чудесным мечом по имени «ахсаргард» (меч Ахсара), Хамыц имеет прозвище «булатноусый», является отцом Батрадза, а образ последнего нартовед Ж. Дюмезиль трактует как мифологическую ипостась бога войны (меча). Особый интерес представляет сказание о восхождении Батрадза на костер-жертвенник, сооруженный нартами по его приказанию из сотни возов древесного угля (аналогия с сооружениями в честь скифского Ареса). Батрадз всходит на построенный костер, а когда огонь разгорается, мечом отрубает головы и запястья у людей, раздувавших этот костер, что отсылает нас к «Истории» Геродота. Кроме того, в осетинском эпосе содержится легенда о жертвоприношении мечу Хамыца, отца Батрадза. Батрадз велит сжечь лучшие одежды предполагаемых убийц отца и этим пеплом засыпать меч Хамыца. Возможно, в этих сюжетах нартского эпоса сохранилось скифское наследие.

Геродот в своей «Истории» последним, в ряду общескифских богов, упоминает Ареса, ничего не сообщая о скифском имени этого божества. В то же время, среди прочих скифских культов, Геродот особо выделяет культ Ареса, что уже само по себе свидетельствует об его особой роли. Именно этому бо-

жеству скифы сооружали алтари, а жертвоприношения ему отличались особой пышностью и жестокостью. В сарматско-аланском, пантеоне (по мнению В.И. Абаева, семибожном, как и скифский) нам известно имя лишь одного божества Марса, сопоставимого со скифским и греческим богом войны Аресом. Как и в отношении скифов, древние авторы описали культовые церемонии алан, связанные только с этим божеством, что свидетельствует об особом и очень важном месте культа бога войны в их религиозной традиции.

Скифолог А.Ю. Алексеев указывает на двойственный символизм скифских мечей. Основывая свое утверждение на комплексном анализе скифского оружия и связанных с ним религиозно-мифологических представлений, А.Ю. Алексеев особое внимание уделяет свидетельству Геродота о том, что кумир Ареса — «древний... меч». А.Ю. Алексеев считает, что к V в. до н. э. древним мог быть лишь меч, имеющий почковидное перекрестие, т. е. ярко выраженную фаллическую форму (Алексеев, 1980. С. 42,43). Переход в конце VI-V вв. до н. э. от почковидных перекрестий к бабочковидным не мог диктоваться чисто практической необходимостью, ведь как почковидные, так и бабочковидные перекрестия крайне нефункциональны, поэтому до и после скифской эпохи перекрестья делались прямыми.

Нет нужды доказывать, что в архаических культурах фалл в первую очередь связан с идеей плодородия, также трактует его изображение на скифских изваяниях Д.С. Раевский (1985. С. 142). Поэтому, скорее всего, правы ученые-скифологи, считающие скифского Ареса божеством войны и плодородия одновременно, причем эти функции выражены предельно открыто и явно, а не опосредованно. С одной

стороны, меч является орудием уничтожения, орудием смерти (ему — Аресу-мечу — единственному в скифском пантеоне приносят кровавые жертвы), с другой стороны, всякая смерть есть средство поддержания и возрождения жизни. Объединение в Аресе этих функций сближает его образ с индуистским Шивой, символом которого также является фаллос, а сам он (Шива) выступает одновременно как творец и разрушитель. Придание предмету ярко выраженной сексуальной (фаллической) символики основано на осознании древним человеком силы жизненных проявлений функции продолжения рода. Сексуальная символика начинает проявляться уже в самых первых произведениях искусства, которые были бесконечными вариациями на тему силы плодородия, выражаемой откровенно-натуралистическим образом в виде половых органов.

Общеизвестно, что в архаических культурах форма предмета не столько зависит от практических (утилитарно-бытовых) нужд, хотя и это учитывается, сколько является отражением некоей сакральной идеи, некоего архетипа, чуждого утилитарности (ваджра Индры). Так что факт придания фаллической формы скифским мечам основан не на утилитарных нуждах, а является отражением функции божества, символами (кумирами) которого представляются эти предметы вооружения.

Придание фаллической формы скифскому мечу находит некую аналогию в обряде помещения меча между супругами в первую брачную ночь. Этот мотив довольно распространен в мировом фольклоре. Наиболее интересную и не лишенную оснований попытку объяснения такого обычая дает Р. Рейтценштейн. В своей работе он утверждает, что в первую брачную ночь между супругами клалось деревянное резное

изображение тотема. Дух предка якобы и совершал зачатие, в то время как жених в первую ночь от сношений воздерживался. Впоследствии этот оплодотворяющий инструмент стал разъединяющим, превратился в меч, лежащий между мужчиной и женщиной, не потеряв, однако, и первого своего значения (Пропп, 1998. С. 406).

В этой связи интересен сюжет из нартского эпоса о братьях близнецах Ахсаре и Ахсартаге. Выйдя из подводного царства, Ахсартаг, вместе с супругой Дзерассой, остановился в палатке своего брата Ахсара, который был на охоте. В то время, пока Ахсартаг искал своего брата, тот вернулся, и Дзерасса приняла его за своего мужа. Ночью, когда они легли спать на одной бурке, Ахсар положил свой меч между собой и Дзерассой, чтобы не было близости с женой брата, так это объясняется в эпосе. Возвратившийся Ахсартаг подумал недоброе (непонятно почему, если меч между ними был символом разделения?) и убил брата. Тогда Дзерасса рассказала мужу правду, и он, охваченный отчаянием, пронзил себя тем же мечом.

Кроме того, следы близнечного культа, возможно, представлены в погребениях 5-7 кургана 7 у с. Китаевка Ставропольского края, относящихся к сарматскому времени. Особый интерес вызывает погребение 6: скелет без головы, ориентирован на север, справа и слева его окружает разрубленный пополам лошадиный костяк. Челюсти половинок лошадиного черепа сходились в том месте, где должна была находиться голова погребенного. Таким образом, человек заключен в овал, где половины костяка лошади являются зеркальным отражением друг друга. На наш взгляд, погребение 7 является основным, а могилы 5 и 6 — сопутствующими, причем погребение 6 можно характеризовать как парное жертвоприношение че-

ловека и коня. Это предположение сделано нами на следующем основании: мы видим преднамеренное расчленение коня, а также обезглавливание погребенного.

Расчленение надвое коня в сарматском погребении у с. Китаевки находит аналогии в индоиранских мифах. Йима (имя которого этимологически трактуется как «близнец»), в иранской мифологии первопредок человечества и культурный герой, был распилен пополам. В индоевропейской мифологии кони — символы близнецов (санскритское название близнецов Ашвина означает «имеющие лошадей» или «происходящие от лошади», к греческим Диоскурам прилагали формулу «имеющие белых лошадей») (Голан, 1993. С. 133). Связь почитаемых близнецов с конями сохранилась в мифологии германцев и прибалтов (Иванов, 1992. С. 175). В русских поверьях парные святые Флор и Лавр считались покровителями лошадей, они традиционно изображались в виде всадников, хотя в житиях ничего не сказано об их отношении к лошадям (Голан, 1993. С. 133). Вероятно, культ этих святых вытеснил какие-то дохристианские верования славян, в которых прослеживалась связь сакрализованных близнецов с конями. На лошадях сидят и близнецы на бронзовом навершии из Дагестана (Голан, 1993. С. 133, 134. Рис. 279, 1).

Эти и другие факты позволили нам ранее высказать предположение о том, что погребение б комплекса у с. Китаевка является воплощением космогонического ритуала, близкого общеиндоевропейскому мотиву творения — жертвоприношения (ведический Пуруша, скандинавский Имир), что позволяет отметить особую роль близнечного кода в скифо-сарматской космогонии, а также связать его с культом огня (богини Табиты) и инцестуальным сюжетом, являющим-

ся неотъемлемой частью индоиранской космогонии (Пикалов, 2011. С. 13-51).

Однако нами был пропущен еще один интересный элемент погребального ритуала, на который обратил внимание Ю.А. Прокопенко. После выхода нашей монографии, анализируя отчет В.А. Коренько и А.В. Найдено о раскопках курганной группы у с. Китаевки, Ю.А. Прокопенко отметил, что у погребенной молодой пары были отрублены руки. Причем у мужского костяка отсутствовала правая рука, а у женского — левая (Прокопенко, 2011. С. 240,241). Обычай отрубания руки у покойного в сарматское время фиксируется в нескольких погребальных комплексах на Дону (Дзиговский, Островерхов, 2008. С. 167). На наш взгляд, отрубание рук у погребенных было связано с обычаем «обезвреживания покойника».

В ритуальной практике ираноязычных кочевников Евразии существовали специальные обряды «обезвреживания покойника»: связывание конечностей, отрезание стоп, «запирание» мертвого железными ножами или мечом, укладывание больших камней над жизненно важными частями тела, нередко разрушение костяков в самих погребениях. Пример такого обряда мы видим в богатом сарматском женском захоронении, предположительно жрицы, из Ипатовского кургана Ставропольского края. Из левой глазницы черепа погребенной торчала длинная бронзовая булава с щитком, отделанным золотой накладкой. «Таким образом, колдунью «заперли». Вернуться в мир людей она уже не может — в ногах расположен меч. Воздействовать на живых посредством своих чар — тоже, левый — самый опасный глаз проткнут булавкой» (Прокопенко, 2011. С. 318-320).

Обряд отсечения руки упоминает Геродот, описывая жертвоприношения скифскому богу войны

Аресу: «у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух». В Нартском эпосе Батрадз отрубает руки у убийц своего отца. У горных грузин, как и аварцев Дагестана, существовал обычай отрубать правую руку убитого врага, что символизировало присвоение его магической силы и лишение возможности воздействовать на живых из потустороннего мира (Голан, 1993. С. 154).

В Хабадинском могильнике в Дагестане, датируемом скифо-сарматским временем, в метре от погребения 7 раскопа № 3 в конце узкой каменной выкладки был обнаружен сломанный меч, который окружали три поясные пряжки, зеленая бусина из пасты, коричневая пастовая бусина, две халцедоновые бусины, железные наконечники стрел и бронзовая пуговица. Возле меча лежала также нижняя часть руки с фалангами пальцев. Эта интересная деталь находит аналогии в выше приведенном рассказе Геродота об отрубании скифами рук у жертв, приносимых Аресу-мечу и в Нартском эпосе.

Как было отмечено ранее, в погребении 7 кургана 7 у с. Китаевка, у мужского костяка отсутствовала правая рука, у женского — левая. Известно, что противопоставление левый — правый характерно именно для близнецных мифов. Этот пропущенный нами элемент погребального ритуала, подтверждает сделанное ранее предположение о том, что погребение 7 кургана 7 у с. Китаевка является захоронением близнецов. А сами близнецы считались носителями некой сверхъестественной силы, которую и пытались нейтрализовать, отрубив им руки.

Как видим, близнецный культ на Северном Кавказе не только представлен эпическими сказаниями о братьях-близнецах — родоначальниках племен и культурных героях, но и фиксируется в погребальном

комплексе у с. Китаевка, причем последний дает все основания предполагать, что близнецы наделялись некой опасной сверхъестественной силой, которая требовала нейтрализации путем сложных ритуалов.

Список литературы

Алексеев А.Ю. О скифском Аресе // Археологические сообщения ГЭ. Вып. 21. Л.: «Искусство», 1980. С. 39-47.

Голан А. Миф и символ. М., 1993.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Культ руки у сарматов // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 2008.

Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1992. С. 175-176.

Пикалов Д.В. Мифология и космогония ираноязычных кочевников Евразии. Опыт реконструкции. Ставрополь: Издат. дом LLAP, 2011.

Прокопенко Ю.А. Связи населения Центрального Предкавказья (вторая половина I тыс. до. н.э.). Ставрополь: Издат. дом LLAP, 2011.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.: «Наука», 1985.

Муртазин Марат Фахрисламович¹

РАЗВИТИЕ ИСЛАМСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прежде чем перейти к анализу современного положения исламского образования в России, необходимо сделать небольшой исторический экскурс в историю формирования исламского компонента в феномене российской государственности, вхождения исламского элемента в систему общественных и культурных отношений в Российской империи и ее преемнике Советском Союзе, и только затем обратиться к проблемам современного исламского образования в Российской Федерации.

Итак, история исламского религиозного образования во всем мусульманском мире, и в мусульманских регионах России в частности, неразрывно связана с историей распространения ислама. Место поклонения Всевышнему — мечеть, называемое по-арабски *масджид*, одновременно стало и местом обучения основам религии, чтению Корана и письму. Это происходило в форме учебных кружков — *халакат*, в которых *шейх* — наставник вел занятия, читал свои книги, проводил диспуты с коллегами. Позднее такая

1. К.филос.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

форма обучения получила название *иджаза* – разрешение на прохождение дальнейших курсов или преподавание по различным исламским дисциплинам: чтению и толкованию Корана – *таджвид* и *тафсир*; изучению преданий Пророка Мухаммада и его сподвижников – *хадисов*; религиозной практике – *фикх*; вероучению – *акида*; истории – *тарих* и т.д.

Именно в такой форме обучение основам ислама пришло и к мусульманским народам России. Первыми мусульманами на территории России стали жители города Дербент, который был завоеван арабскими войсками в 653 г. И хотя арабы ушли из Дербента после поражения от хазар, но мусульмане в этих краях остались, о чем свидетельствуют мусульманские надгробия на дербентском кладбище Кырклар – «Сорок шахидов», относящиеся по традиции к 642-43 гг., и древнейшая на территории России Джума-мечеть, построенная в 733 г.

Следующим после Северного Кавказа регионом, где закрепился ислам, стала Средняя Азия. Хотя в настоящее время среднеазиатские республики стали самостоятельными государствами, но их вклад в формирование мусульманского сообщества России и во времена Российской Империи и во времена СССР нельзя сбрасывать со счетов. И сегодня в Российской Федерации проживают миллионы мусульман из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, непосредственно участвуя в религиозной жизни ее мусульманского сообщества – *уммы*.

Основным центром распространения ислама в европейской части России стали Поволжье и Урал. В 922 г. правитель Волжской Булгарии Алмуш, сын Шилки, официально принял ислам в качестве государственной религии этого государства, взяв мусульманское имя Джафар. Эта дата стала официальной

для отсчета принятия ислама мусульманами Поволжья и Приуралья. Но даже в самом арабском повествовании о путешествии посольства багдадского халифа в Булгар сообщается, что в этих краях еще до этого времени ислам был уже достаточно широко распространен, стояли мечети и даже имелись учебные заведения (Ковалевский, 1956. С. 28,29). В начале XIV века ислам стал официальной религией всех тюркоязычных народов Золотой Орды после того, как его приняли хан Узбек со своими ближайшими подданными. Далее история ислама в России была неотъемлемой частью истории Казанского, Ногайского, Астраханского, Крымского и других ханств, образовавшихся после распада Орды. Они вскоре были завоеваны Московским княжеством, что и сделало Россию великим царством.

Обратившись к истории исламского религиозного образования в России после вхождения мусульманских областей в ее состав, можно предложить следующую периодизацию его формирования и развития:

- Существование самостоятельных религиозных кружков, школ-медресе, в рамках религиозных общин, которые сформировались в среде мусульманских народов, вошедших в состав России в различные периоды. XVI-XVIII вв.
- Формирование государственных форм контроля над деятельностью мусульманских общин и школ в тех губерниях и землях, где стал применяться закон от 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий». (1773-1918 гг.)
- Упадок религиозного образования в СССР в соответствии с принципом отделения церкви и всех религий от государства и школ от религий в соответствии с декретом Советского правительства от 1918 г. (1918-1991 гг.)

- Развитие религиозного образования в Российской Федерации в условиях свободы совести и развития религиозных объединений (1991 г. — по настоящее время).

I. Первый этап развития исламского образования был связан непосредственно с задачей распространения вероучения и практики ислама среди народов, которые приняли его в качестве новой религии. Особенность приобщения адептов к исламу заключается, с одной стороны, в обучении их правильно исполнять пять обязательных религиозных обрядов, т.н. столпов ислама, включая *шахаду* — произнесение формулы исповедания ислама, *намаз* — молитву, *уразу* — соблюдение поста, *закят* — выплата обязательного религиозного пожертвования, *хадж* — паломничество к святыням ислама. Одновременно, каждый мусульманин обязан уметь читать Коран и знать наизусть хотя бы несколько его сур. Таким образом, на первом или начальном этапе исламского религиозного образования основным элементом образовательной программы становится обучение религиозной практике — *фикх ал-`ибадат* и обучение чтению и заучиванию Корана — *хифз ал-Куран*.

Собственно говоря, именно эти религиозные дисциплины оставались главными на начальном этапе исламского религиозного образования вплоть до последнего времени. Но по ходу развития мусульманской религиозной мысли наряду с этими начальными дисциплинами в число изучаемых быстро вошли толкование Корана — *тафсир*, чтение и толкование *хадисов* — священного предания Пророка Мухаммада и его сподвижников, история ислама, вероучение — *акида*. Занятия по обучению основам религии про-

водились первоначально в мечетях в кружках — *халакат*, которые организовывал имам мечети, шейх.

Но уже в те времена особенности преподавания были связаны с теми идейными установками, которые определялись приоритетами правящих кругов тех или иных государств или провинций. Так, если правители придерживались суфийских тенденций в исповедании ислама, то и исламское образование, в своем большинстве, воспитывало в своих учениках идеи суфизма, а в случае, когда идеология правящих слоев отталкивалась от более консервативных, а точнее фундаменталистских взглядов, то это течение также преобладало в образовательных задачах. Таким же образом различались богословские установки образовательной системы в суннитском и шиитском направлениях ислама, которые с момента своего формирования стали представлять собой антагонистические идеологии, по крайней мере, в вопросах передачи власти в исламском государстве.

Возвращаясь к вопросам развития исламского образования в России и на Северном Кавказе, отметим, что формирование его системы начиналось достаточно рано. По свидетельству секретаря посольства багдадского халифа аль-Муктадира Ибн Фадлана, не только в Средней Азии, где ислам распространился еще в IX веке, но и в Поволжье к моменту официального принятия ислама булгарским ханом Алмушем существовали как мечети, так и медресе, для которых Алмуш просил прислать имамов — предстоятелей и мударрисов — преподавателей (Ковалевский, 1956, С. 28, 29).

Таким образом, мы можем сделать заключение, что первый этап развития исламского образования в России начался в IX-X вв., но основными регионами его развития были Средняя Азия и Поволжье, а вот

на Северном Кавказе распространение ислама и, соответственно, развитие исламского образования происходило поэтапно, волнами с юга на север, а учитывая полиэтничность этого региона, то и развитие исламского образования происходило волнообразно: в VII-X вв. — лезгины, табасаранцы, рутульцы, в XI-XIII вв. — агулы и лакцы, к концу XIV в. — даргинцы, ногайцы и ряд других этносов, в XIII-XV вв. — кумыки и аварцы, к концу XV в. — чеченцы (Малашенко, 2001. С. 19-20).

II. Следующий этап развития исламского образования связан с вхождением мусульманских территорий в состав российского государства. Поскольку одной из задач своих завоеваний русские князья и цари ставили распространение православия, во многих случаях покорение мусульманских регионов сопровождалось насаждением христианства и борьбой против ислама. В результате, среди многих народов вошедших в состав Российского государства, имели место акты перехода в христианство, на основании чего сформировались крещеные татары, кабардинцы, осетины (в некоторой степени). Завоеванные во времена Ивана Грозного Казанское, Ногайское, Астраханское и другие мусульманские ханства подверглись суровым испытаниям. Захват территорий сопровождался разрушением мечетей, медресе и учебных центров, насильственным крещением мусульман (Худяков, 1991. С. 163). Именно в это время был установлен запрет строить каменные мечети и медресе в городах, исламское религиозное образование стало уделом исключительно самих общин, которые после своего изгнания оказались на новых необжитых местах. Но это не смогло разрушить уже сложившуюся систему исламского образования даже среди покоренных народов. Мусульмане старались

сразу же восстановить свою духовную жизнь, дать своим детям основы необходимых для продолжения традиции религиозных знаний. Эти процессы очень красочно описал основоположник джадидизма Исмаил Гаспринский: «Обратите внимание и изучите все функции мусульманской общины в наименьшей ее единице, представляемой приходской общиной. Всякая такая община представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свои власти в лице старейшин и всего прихода, нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти — авторитет религиозно-нравственный, ее источник — Коран. Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть ходжой (учитель), муэззином, имамом, ахуном и т.д. при согласии общины. Мусульманство, не имея и не признавая сословий, не имеет кастового духовенства. Сословие духовных, установленное русскими законами в некоторых землях мусульман, существует лишь проформа, не мешая при нужде отправлять духовные требы и членам других сословий, конечно, подготовленных к тому. Каждая мусульманская община имеет свою школу и мечеть, содержимые или общиной, или на завещанные на то капиталы и имущества (вакуфы). Мусульманское мектебе близко соприкасается с общиной и служит дополнением школы семейной, где чуть ли не с пеленок дитя подвергается неотразимому влиянию отца и матери в деле воспитания в духе ислама, так что ребенок 7-8 лет уже имеет столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивит

всякого новичка наблюдателя и заставит призадуматься рьяного русификатора. Несколько таких общин имеют одну соборную мечеть: несколько десятков их одно медресе, высшую школу, где концентрируются и имеют источник все познания мусульман, откуда выходят их богословы, правоведы, муллы, ахуны, учителя и вообще ученые. Все эти учреждения и установленные общественные порядки неуклонно и неустанно работают из года в год, поддерживаемые нравственно Кораном и материально общиной и ее богатыми членами, в ожидании награды будущей жизни. Такая мусульманская община в 10–20 семейств, куда бы ни была заброшена судьбой, сейчас же группируется вокруг мечети или школы, совмещаемых нередко в одном и том же помещении, и немедленно для питания себя высшими познаниями примыкает к сфере действий какого-либо из ближайших медресе, куда посылают детей, предназначенных к высшему мусульманскому обучению» (Гаспринский, 1993. С. 39, 40).

Эта пространная цитата дает достаточно полное представление о той системе образования, которая имела место в среде мусульман Российской Империи вплоть до начала XX в.

III. Следующий этап развития исламского образования начался после того, как произошла Октябрьская революция, принесящая всем духовным и религиозным учреждениям страны тяжелые испытания в виде разрушения мечетей, закрытия мектебов и медресе, преследования муфтиев, имамов, преподавателей. Вот конкретные факты из докладной записки председателя Центрального Духовного управления мусульман в Уфе Ризаэтдина Фахретдинова от 1930 г.: «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения и исчезновения с

лица земли. Закрылось 87% мухтасибатов (областные мусульманские центры), из 12 000 мечетей закрыто более 10 000, от 90 до 97% мулл и муэдзинов лишены возможности отправлять культ» (Ислам минбаре, 1998). Таким образом, исламское религиозное образование было полностью уничтожено, и даже кружки при мечетях по типу воскресных школ перестали функционировать в результате бесконечных проверок уполномоченных по делам культов, санитарных и пожарных служб. Тем не менее, само исламское религиозное образование не исчезло окончательно и бесследно. Тяга к религиозным знаниям сохранялась во все годы Советской власти, но преподавание религиозных наук могло осуществляться только в частных домах, городских квартирах, или в высокогорных аулах Кавказа.

Незначительные послабления в отношении религиозных организаций произошли в годы Великой Отечественной войны. В 1945 г. в Бухаре было открыто единственное официально действовавшее в СССР на тот период времени медресе Мир-Араб, в котором обучались все мусульманские священнослужители страны вплоть до 1980 г., причем не только из среднеазиатских республик, но и из Татарстана, Башкирии, областей Поволжья, Северного Кавказа и Азербайджана. Программа обучения была составлена в соответствии с традиционными требованиями и включала в себя изучение арабского языка, Корана, хадисов, фикха, истории ислама, акыды – вероучения, но наряду с этими были включены и обязательные общеобразовательные дисциплины: русский язык, история, обществоведение. Студенты – шакирды были обязаны посещать кинотеатры и читать газеты. В 1980 г. в Ташкенте было открыто еще одно высшее мусульманское религиозное учреждение – Ислам-

ский институт. Это произошло благодаря активной деятельности тогдашнего среднеазиатского муфтия Зияуддина Бабаханова, но под строгим контролем соответствующих государственных организаций, да и программы обучения содержали еще большую долю светских дисциплин, чтобы хоть в какой-то мере соответствовать стандартам высшего образования. Очевидно, по этим причинам выпускники бухарского медресе в традиционной мусульманской среде ценились выше, чем выпускники нового института.

IV. Середина 1980-х гг. ознаменовала начало коренных изменений в отношении государства к религии. Люди, которые ранее обучали детей и взрослых основам веры и Корана, стали более открыто вести свою религиозную образовательную деятельность и собирать вокруг себя все больше и больше желающих глубже познать ислам. Все возрастающий наплыв в мечети людей разного возраста, социального положения, уровня образования выдвинул задачу подготовки квалифицированных и высокообразованных мусульманских священнослужителей. Дальнейшие демократические преобразования, произошедшие уже в новой России, привели к бурному росту количества мечетей. По данным Федеральной службы государственной статистики, общее число зарегистрированных исламских религиозных организаций на начало 2013 г. составило 4627, в т.ч. 118 религиозных образовательных учреждений². Цифры, естественно, не в полной мере отражают реальное положение дел в исламском образовании, поскольку регистрация образовательного учреждения не означает реализацию образовательных программ, с одной стороны, а ведение начального и среднего религиозного об-

2. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения 04.02.2014).

разования внутри мечети не требует регистрации и лицензирования. Поэтому реальное число высших и средних исламских образовательных учреждений, работающих официально, можно оценить в 50-60. Наибольшее число подобных образовательных центров имеет Дагестан, в котором находится 11 средних и высших медресе, имеющих соответствующие лицензии, а также два негосударственных образовательных учреждения, реализующих образовательную программу «Теология»³. На втором месте находится Татарстан – 10 институтов и медресе, во главе их стоит Российский исламский институт⁴. Из других более-менее крупных мусульманских регионов и центров России, где имеются исламские образовательные учреждения, можно назвать Башкортостан, Чечню, Ингушетию, Москву и отдельные города Поволжья, в которых компактно проживает мусульманское население (Нижний Новгород, Самара, Астрахань и др.)

Если попытаться определить этапы развития исламского образования в современной России, то их можно выделить три: 1990-2000 гг. – период активного роста; 2000-2010 гг. – период структурной организации; 2010 г. – по настоящее время – период стагнации. Попробуем кратко охарактеризовать каждый из них. В 90-е гг. число исламских учебных заведений резко выросло. Если в 1989 году в России было лишь одно реально действующее среднее медресе имени Ризаэдина Фахретдина в Уфе, то к концу 90-х гг. насчитывалось почти 100 таких учреждений, зарегистрированных Минюстом. Как отмечалось выше, статистическая численность не отражает реальную картину, но в любом случае этот рост был значительным, и до сих пор количество зарегистрированных

3. <http://islamrf.net/russia/41084/>(дата обращения 04.02.2014).

4. <http://dumrt.ru/ru/islamic-education/>(дата обращения 04.02.2014).

исламских образовательных учреждений почти вдвое больше, чем православных⁵. Однако такой количественный рост не означал соответствующего качества образования, поскольку в основу образовательных программ были положены устаревшие стандарты XIX века, а преподавание велось по учебникам того же времени.

К началу нового тысячелетия сформировалось насущное требование подготовки мусульманских священнослужителей в соответствии с потребностями нового времени таким образом, чтобы студенты, наряду с глубокими религиозными знаниями, получали и знания современных гуманитарных наук. Имевшиеся к тому времени медресе уже встали на путь традиционного образования, и менять их ориентиры было достаточно сложно в силу отсутствия соответствующей методической базы и необходимого количества профессорско-преподавательского состава. Неоднократные обращения централизованных духовных управлений мусульман к руководству государства о необходимости поддержать развитие собственной системы подготовки мусульманских проповедников внутри страны получили положительный отклик. Уже в 2003 году по поручению Президента В.В. Путина была подготовлена концепция развития исламского образования путем создания нескольких исламских университетов в Москве, Казани, Уфе, Махачкале и Грозном. Целью создания этих университетов была не только подготовка специалистов на своей базе, но и организационно-методическое объединение деятельности исламских учебных заведений более низкого звена – медресе и мектебов. Концепция была поддержана не только организационно, но

5. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения 04.02.2014).

и финансово, и для этого были реализованы два проекта: Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования и Комплексная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама под эгидой Министерства образования и науки РФ.

Фонд осуществлял финансовую помощь исламским религиозным организациям и их учебным заведениям, выделяя гранты на осуществление образовательной деятельности, выплату стипендий, подготовку и издание учебников, проведение конференций, семинаров, круглых столов. По линии Минобрнауки поддержка осуществлялась через несколько государственных вузов в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Уфе, Ставрополе и Краснодаре. С одной стороны, они осуществляли целевой прием студентов на свои образовательные программы, а с другой, совместно с так называемыми партнерами из числа исламских вузов, осуществляли подготовку учебных планов, программ, УМК, учебных пособий и учебников. Были проведены многочисленные конференции и обучающие семинары на базе государственных вузов, разработана система дистанционного обучения различным исламоведческим дисциплинам. Оба этих направления деятельности продолжают, но интенсивность реального сотрудничества с исламскими вузами идет на спад.

Возможность создания единой структуры, которая координировала бы деятельность исламских вузов, была реализована благодаря учреждению в 2010 г. Совета по исламскому образованию, в который первоначально вошли Московский исламский университет, Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки и Российский исламский университет в Казани. Целями Совета явля-

лись подготовка единого стандарта исламского религиозного образования и участие в разработке новых стандартов по направлению подготовки «Теология» в исламском конфессиональном блоке. Совет проделал определенную подготовительную работу, но в последнее время перестал функционировать в силу различной подчиненности вузов в рамках Духовных управлений мусульман и разобщенности самих учредителей этого Совета.

Определяя тенденции и перспективы развития исламского образования в России, можно сделать следующие выводы:

- пройдя период бурного количественного роста средних и начальных учебных заведений, исламское образование пришло к средней цифре реально действующих средних и высших образовательных учреждений в 50-60 единиц;
- количественный рост этих учреждений не привел к качественному скачку, поскольку большинство учебных заведений придерживалось устаревших традиционных методик и учебников;
- попытки создать партнерские отношения исламских вузов с государственными в целях укрепления материальной базы первых, обеспечения их преподавательскими кадрами, подготовки учебно-методических материалов и учебников при государственной поддержке, не были реализованы в интересах исламского образования. Крупные государственные вузы оказались незаинтересованными в результативности этого проекта, а направили средства на развитие собственной базы;
- возможность координации образовательной деятельности исламских вузов в виде Совета по

исламскому образованию была приостановлена в силу разобщенности самих Духовных управлений мусульман Европейской части России, Поволжья и Северного Кавказа;

- деятельность большинства исламских вузов продолжается, но каждый из них самостоятельно решает поставленные перед ним региональные задачи.

В заключение следует отметить, что в ближайшее время вряд ли следует ожидать каких-либо радикальных изменений в области исламского образования в России. Скорее, его ожидает период стагнации, поскольку возможности, заложенные в 2000–2010 гг., не получили достойного продолжения в последующие годы.

Список литературы

Гаспринский Исмаил бей. Русское мусульманство // Россия и Восток. Казань, 1993.

Ислам минбаре. Орган Духовного управления мусульман Европейской части России. №2, март 1998 г.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001.

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Чхаидзе Виктор Николаевич¹

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ НА ЮГЕ РОССИИ ПО НОВЕЙШИМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

1. Введение

На протяжении более тысячелетия — с V по XV вв. — племена и народы, населявшие территорию юга современной России — Приазовье и Предкавказье — в большей или меньшей степени испытывали влияние одной из самых мощных империй в истории человечества — Византийской.

Долгие годы наше представление о культурном влиянии ромейской цивилизации на ее северных соседей базировалось в основном на сведениях письменных источников. Однако взаимоотношения Византии и народов Причерноморья и Кавказа в них освещены неравномерно. На фоне известной скудости древних документов в изучении истории региона возникло немало историографических мифов и белых пятен.

Результаты археологических исследований последних лет в известной степени перевернули наши представления о роли Византии в регионе. Археологические находки предоставили драгоценную информацию о распространении греческой культуры

¹ К.и.н., научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии РАН, Москва.

и языка, православия, традиций византийской гражданской и военной администрации.

Сегодня можно уверенно утверждать, что воротами, через которые в Приазовье и Предкавказье (Зихия и Алания) распространялось влияние Византии, являлся крупный торговый город на Таманском полуострове, называемый ромеями Матарха. В настоящее время городище расположено в пределах ст. Тамань Краснодарского края.

Прежде всего, Матарха — центр христианской миссионерской деятельности Византии, но также и светских институтов, включая налогово-фискальные (город — крупный торговый порт).

В настоящем докладе мы приведем целый ряд материальных свидетельств (но, разумеется, далеко не все) культурного влияния Византии через посредство Матархи, новейших находок или же находок, заново переосмысленных в последние годы.

2. Христианство в Предкавказье

Как уже отмечалось, именно с Таманского полуострова происходит проникновение и распространение христианства на Северном Кавказе. Причем с первых вв. н. э. и по начало VIII в. — прежде всего, при участии непосредственно самого византийского центра (при этом, не нужно забывать также о христианстве, распространяемом посредством грузинского и армянского центров).

С середины VIII по первую половину XIII вв. — распространение восточного христианства сопровождается появлением и закреплением на Северном Кавказе ислама и иудаизма. А период с середины XIII по первую половину XVI вв. ознаменовался сосуществованием на Северном Кавказе различных христи-

анских конфессий в условиях нарастания исламского фактора и, в последующем – практически полного вытеснения христианства у большинства населения Северного Кавказа; установлением ведущей роли ислама как монотеистической религии, при сохранении прочных позиций традиционных верований в местной среде.

Возвращаясь к миссионерской роли Византии, важно отметить, что согласно византийской легенде IX в., на берегах Боспора Киммерийского (Керченский пролив) и в Предкавказье в 40-х годах I в. миссионерствовал Андрей Первозванный, побывавший здесь трижды.

Первые христианские общины появились на Боспоре не ранее начала IV в., когда епископская кафедра была основана на Боспоре (совр. Керчь). Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской, участник I Вселенского собора (Никея, 325 г.), посвятил в сан первого Готского епископа – Феофила и отправил его к черноморским синдам для поддержания их веры. Возможно, Феофил мог возглавлять епархию Синдской (азиатской) части Боспора.

Широкое распространение христианства на северо-западном Кавказе связано с политикой Юстиниана I (527-565 гг.). В V-VI вв. начинается возведение христианских храмов-базилик по обе стороны Керченского пролива.

В начале VI в. епископская кафедра, подчиненная непосредственно Константинополю, известна в Фанагории, что подтверждается подписью епископа Фанагории Иоанна под документами патриаршего синода 519 г. в Константинополе. Епархия Фанагории была упразднена в конце VI в. и Таманские острова были подчинены юрисдикции епархии Зихии.

Зихская епархия Константинопольского патриархата известна со второй трети VI в.; ее-то основной задачей и являлась христианская миссия среди населения северо-западного Кавказа — зихов и касогов. Первоначально центром епархии являлась Никопсия, считавшаяся местом погребения Симона Кананита, гробница которого была местом паломничества. Первый известный предстоятель кафедры Никопсии — Дометиан, “епископ народа зихов”, участвовавший в Константинопольском V Вселенском соборе 553 г. В качестве наиболее вероятного места локализации Никопсии рассматриваются три городища, расположенные возле ст. Новомихайловская (Туапсинский р-н) в устье р. Нечепсухо. Эта гипотеза представляется вполне оправданной с точки зрения письменных источников, хотя и не является общепризнанной.

В середине VII в. название Зихии служило общим наименованием для области церковной юрисдикции кафедр Северного и Северо-восточного Причерноморья. Во второй четверти — второй половине IX в. Никопсийская кафедра была перенесена в Матарху, что произошло вследствие изменений в расстановке сил в Причерноморье, связанных с усилением Абхазского царства и иконоборческим кризисом в Византии. *Terminus post quem* исчезновения Никопсийской кафедры позволяет установить свидетельство иконопочитателя Епифания Монаха, посетившего Зихию и Никопсию в 815-820 гг. Уже с X в. Матарха является центром Зихской епархии.

Восточная граница Зихской епархии с начала X в. соприкасалась с епархией Алании Константинопольского патриархата, центр которой в X-XII вв. располагался на Нижне-Архызском городище в верховьях Кубани (Республика Карачаево-Черкесия). Аланская

епархия возникает на Северном Кавказе в начале X в. и прекращает свое существование на рубеже XVI-XVII вв. Точные границы Аланской епархии неизвестны, наверняка в течение веков они изменялись, но можно полагать, что юго-восток Краснодарского края, где находилась «Урупская епархия» (центр — Ильичевское городище), входил в ее границы.

Южная часть Зихии (до территории современных Сочи—Адлера) в течение нескольких веков граничила с архиепископством Авазгия константинопольского патриархата, центром которого являлся Севастополис (совр. Сухум), известный как сильной христианизацией региона, так и своей храмовой архитектурой.

В XI в. местное население Матархи (известна в русских источниках как Тмутаракань) находилось под духовным окормлением местного кафедрального архиерея Зихии, в то время как немногочисленные жители русского происхождения и духовенство были опекаемы черниговским епископом. Согласно летописным известиям в 1022 г. в Тмутаракани князем Мстиславом Владимировичем была построена церковь Богородицы. Известно, что в 1061 г. из Киева в Тмутаракань бежал Никон Печерский, где основал монастырь, подчиненный Киево-Печерскому монастырю. Можно полагать, что существование греческой и русской общин на протяжении XI в. носило симбиотический характер и, конечно, не сопровождалось инкорпорацией местной епархии в состав Русской церкви Константинопольского патриархата.

В 1237 г. Матарху посетил римский миссионер-доминиканец Юлиан, описавший город и отметивший, что «князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих».

В третьей четверти XIII в., согласно “Просопографическому лексикону Палеологов”, архиепископия Зихии была возведена в ранг митрополии.

Под 1396 г. отмечается последний известный архиерей – Иосиф, митрополит Зихии и Матрахи. Под 1430 г. содержится последнее упоминание Зихии. А 1439 г. в Матрахе присутствует католический архиепископ. Можно констатировать, что христианство в греко-православной и латино-католической формах параллельно сосуществовали на Северном Кавказе в XIII-XIV вв. Однако, уже с XIV в. в Зихию стал проникать ислам суннитского толка, а с усилением османов в Причерноморье и в результате упадка итальянских колоний в XV в., здесь прекращается и католическая миссия.

3. Археологические памятники византийского христианства

При раскопках Тамани и в ее окрестностях были найдены 2 капители мраморных колонн V в. и часть каменного рельефа с изображением ангела, держащего плат, датированного V-VI вв. Эти находки позволяют предполагать существование в Гермонассе раннего христианского храма.

Из Фанагории происходит надгробие с вырезанным крестом и греческой надписью: «Господи, помоги Феодоту», датированное второй половиной IV-V вв. Косвенными свидетельствами, указывающими на возможность существования в Фанагории раннесредневекового храма, являются погребения в каменных ящиках, компактно сгруппированные на одной территории в западной части памятника (остатки христианского кладбища?) и происходящее отсюда же надгробие.

На Ильичевском городище (север Таманского полуострова) в раскопанной крепости VI в. найдены мраморные архитектурные детали: обломки карнизов, капители пилястра и барабан колонны, которые говорят о наличии в крепости базилики. В крепости обнаружена молельня и, вероятно, мощехранильница.

В Тамани в 1955 г. экспедицией под руководством Б.А. Рыбакова были обнаружены остатки средневекового христианского храма, который долгое время идентифицировался с церковью Богородицы, построенной князем Мстиславом Владимировичем в 1022 г. Раскопками было определено, что от храма не сохранилось стен, лишь частично — фундаменты. Контур восточной части имел сложное криволинейное очертание, близкое трехлопастному. Наиболее вероятно, что храм относился к типу вписанного креста на четырех столбах или колоннах. Колонны из проконесского мрамора выставлены в Таманском археологическом музее. Их вероятная датировка — VI в., в таманском храме они были использованы вторично. К северо-западу от стен храма зафиксировано не менее 28 остатков погребений в каменных ящиках, аналогичных погребениям прицерковного кладбища около храма Иоанна Предтечи в Керчи. Храм продолжал существовать в Тамани еще в конце XVI в. Вероятно, он был разобран в XVIII в.

Ближайшими аналогиями таманскому храму являются херсонские крестовокупольные храмы-усыпальницы, что, возможно, указывает и на место происхождения мастеров-строителей, что неудивительно, учитывая тесные связи этих городов в X-XI вв. Вместе с тем, атрибуция храма как церкви Богородицы 1022 г. остается вероятной, хотя наибо-

лее весомым аргументом для этого является отсутствие других обнаруженных церковных построек.

К памятникам византийской сфрагистики из Тамани относятся: 5 печатей архиепископа Зихии Антония (40-е-50-е гг. XI в.) и 2 анонимные печати проэдра (т.е. архиепископа) Зихии (вторая половина XI в.).

Ряд печатей указывает на церковные связи Матархи, являвшейся центром Зихской епархии Константинопольского патриархата.

Достаточно интересным является моливдовул Иоанна, архиепископа Готии (X-XI вв.), отражающий контакты служителей церкви в Крымско-Таманском регионе. Готская епархия, возникшая в начале X в., локализуется в Юго-Западном Крыму с центром в Доросе (Мангуп).

Следующая печать принадлежит Иоанну (?) митрополиту Аиноса (XI в.). Аинос – церковный диоцез во Фракии.

Еще один моливдовул – Никифора, митрополита Иерополя (между 1030 и 1090 гг.). Известно два Иерополя: в Малой Азии (Фригия Пактиана) и в Сирии (Манбидж).

Печать Георгия, монаха, кувуклисия, экзарха (X в.) показывает нам функционера, который представлял константинопольского патриарха.

Другие печати принадлежат: Василию, диакону и хартулярию (XI в.); Афанасию, монаху (вторая половина XI в.), Константину, монаху (?), императорскому (?) клирику (XI в.).

Еще одна печать принадлежит Константинопольскому монастырю Христа Всевидящего (Pantepoptes) (конец XI – начало XII вв.).

Можно отметить, что свидетельства переписки представителей клира указывают на связи как между

провинциальными епархиями, так и с Константинопольским патриархатом.

Отметим, что на территории Предкавказья известны лишь два моливдовула, связанные с Аланской епархией Константинопольского патриархата: Игнатия, монаха и митрополита Алании (20-30-е гг. X в.), а также Евстратия, монаха и митрополита Алании (середина XI в.).

На Таманском полуострове известна находка литейной формы для отливки крестов. Также найдены три византийских (т.н. “сирийских”) бронзовых крестов-энколпионов XI-XII вв. А также целая серия крестов-тельников, которые датируются с VII по XIII вв.

Достаточно давно известна происходящая с Таманского полуострова мраморная плита с греческой надписью Иоанникия, монаха, строителя (ойкодома) монастыря, датированная 1078 г. Должность «ойкодом» по преимуществу обозначает основателя монастыря. Попытки локализации места находки плиты и, соответственно, монастыря представляются неудачными. Между тем, в 10 км к югу от Матархи, на вершине горы Зеленская, открыты остатки византийского православного монастыря. Здесь был зафиксирован культурный слой поселения XI в., датированный монетами. Среди находок отмечены предметы с христианской символикой – нательные серебряные крестики, кресты, вырезанные на керамике и на 5 обработанных каменных блоках. Также найдена верхняя часть большого бронзового процессионного креста с греческой надписью «О здравии и спасении (такого-то)». Также вероятно, открыта часовня, впущенная в насыпь кургана раннего времени, на что указывает его апсидная форма и выявленное глиняное округлое возвышение, которое можно трактовать как престол.

В окрестностях Анапы выявлена серия раннесредневековых каменных надгробий с высеченными на них крестами, а также большие наземные каменные кресты. Так, разбитый каменный крест с греческой надписью найден на некрополе Горгииппии. Надпись: «Побеждай Христос! Страдания Льва. 9 марта 1392 г.».

У пос. Уташ (г. Анапа) была найдена каменная (закладная?) плита с греческой надписью, которая свидетельствует о сооружении церкви или часовни Преображения Христова неким севастом Артемием. На поселении найдены архитектурно-строительные детали (мраморный карниз и капитель колонны). Здесь же был открыт христианский некрополь, на котором выявлено несколько десятков каменных надгробных стел с изображениями крестов, вписанных в круг. Предварительная датировка: VIII-X вв.

Из окрестностей ст. Гостагаевской (г. Анапа) происходит каменная плита с греческой надписью: «Упокоился раб Божий и дитя Охормаза. Генеджуата, жена Кан[...]втола (поставила памятник) в году тысяча сто...». Дата на камне целиком утрачена.

При раскопке курганов в местности Макитра в погребении был найден бронзовый крест на бронзовой цепочке. Аналогичная находка происходит из погребения на могильнике Варваровка.

Бронзовая иконка XI в. с изображением Богоматери была найдена при раскопках курганного могильника Мысхако (Новороссийский район).

В окрестностях Новороссийска найден фрагмент энколпиона XII в.

В Циплиевском и Цемдолинском (близ Новороссийска) могильниках найдены бронзовые литые нательные крестики XI-XII вв.

На юго-восточной оконечности пос. Новомихайловский в долине р. Нечепсухо (Туапсинский р-н) исследовалась крепость, при раскопках которой выявлены фрагментированные остатки монументальной постройки (базилики?). Встречены архитектурные детали — облицовочные плиты и фрагмент капители византийско-коринфского типа. Условная дата памятника: V-VI вв. Еще одна крепость-городище расположена в устье р. Нечепсухо. Стены и башни крепости скрывали внутри прямоугольную в плане, с толстыми стенами постройку, вероятно, церковь. Из пос. Новомихайловский происходят предметы мелкой христианской пластики — золотые крестики, а также бронзовое гравированное кадило XI в. с пятью композициями, отражающими основные события жизни Христа.

В фондах Краснодарского музея хранится каменная печать XI в., являющаяся литургическим штампом для оттиска изображений на просфорах. На штампе изображена сцена крещения Христа в водах Иордана Иоанном Предтечей.

Также из Краснодарского музея происходит надгробие с крестом и греческой надписью на обороте: «1392, месяц апрель 6, Мария, дочь твоя», а в лапидарии хранятся резные архитектурные детали из ст. Ладожская (Усть-Лабинский р-н), возможно, принадлежащие христианскому храму.

На Ангелинское городище (близ ст. Ивановской Красноармейского р-на) известна находка каменной литейной формы для отливки нательных крестов XII в.

В 1869 г. были обнаружены развалины средневекового храма близ Белореченска на р. Белой. Храм прямоугольный, одноапсидный. Внутри храма находился склеп с погребением. Среди находок отмечены

фрагменты капителей колонн, а также камень с рельефным изображением св. Георгия Победоносца на коне, вероятно, находившийся над входом в храм. На одном из камней с изображением рельефного креста, присутствовала греческая надпись: «Помяни Господи раба Божия Георгия Пиуперти владетеля Минилии. Святому славному великомученику Георгию в церкви...». Условная дата постройки храма: XIV-XV вв. На настоящее время местонахождение храма не установлено.

Из Закубанья, с территории Адыгеи происходят 4 нательных креста: с расширенными концами и стеклянной вставкой VIII-IX вв. (а. Тайухабль), X-XIII вв. (а. Нечерзий), XI-XIII вв. (ур. Чишхо) и XI-XIV вв. (а. Ленинохабль); большой железный кованный крест X-XIII вв. (южный берег Краснодарского водохранилища), керамический крест XIII-XV вв. с греческой лигатурой: «Иисус Христос Победитель» (а. Таухабль); медальон с изображением Архангела XII-XIII вв. (а. Ленинохабль).

В одном из погребений могильника Казазово (где большая часть умерших похоронена по христианскому обряду) был найден перстень VII-VIII вв. с изображением на щитке Богоматери с младенцем.

Из хут. Вольный и Школьный (Адыгея) происходят два каменных креста с расширяющимися концами.

В период с IX по XII вв. на территории исторической Алании появляются христианские сооружения, в том числе пещерные — часовни и кельи. Здесь же в последние годы найден целый ряд предметов мелкой христианской пластики.

В ст. Передовой (Отраденский р-н) найден медный перстень с изображением на щитке сцены «Христос над аспидом». Дата перстня — середина VI — на-

чало VII вв. что свидетельствует о контактах алан с Византией задолго до официального крещения Алании.

В Нижнем Архызе найдена миниатюрная бронзовая печать с крестообразной инвокативной монограммой — “Богородица, помоги рабу твоему”, которая датируется VIII — первой четвертью IX вв.

Большая коллекция крестов, в том числе византийской работы (т.н. сирийские энколпионы), происходит из пос. Шестая Шахта в Карачаево-Черкесии, а также с. Каменномостское в Кабардино-Балкарии. Все эти кресты являются византийскими импортами.

На городище Рим-гора была найдена перламутровая резная иконка с изображением святых Константина и Елены, датированная X-XII вв. и ввезенная в Аланию кем-нибудь из представителей византийского духовенства.

Каменные кресты найдены у с. Вольное (Успенский р-н) и у хут. Школьный (Новокубанский р-н). Там же, при раскопках поселения и могильника с христианским обрядом Горькая Балка VIII-X вв., найдена плита с прочерченным крестом с расширяющимися концами, использовавшаяся для перекрытия каменного ящика. Эти находки — свидетельство распространения христианства в предгорьях северо-западного Кавказа.

4. Светские византийские памятники археологии

У нас практически нет сведений письменных источников о византийском светском влиянии или администрации в Предкавказье. Уже в силу этого первостепенное значение имеют данные археологии, которых, однако, тоже небольшое количество.

Прежде всего, следует выделить группу византийских печатей, происходящую из Матархи, что объясняется фактором торгово-экономической деятельности и неизменным интересом к городу со стороны Византии, несмотря на то, что Матарха всегда находилась на периферии империи.

Рассматривать Матарху в качестве проводника имперских интересов в Предкавказье позволяет находка моливдовула императоров Василия II и Константина VIII (976-1025 гг.). С другой стороны, появление этой печати может быть связано и с важной вехой в истории города – переходом под протекторат Древнерусского государства после похода князя Владимира Святославича (ок. 960-1015 гг.).

Также достаточно показательной является находка печати севастократиссы Евфросинии Дукини Каматиры (1185-1195 гг.) – супруги наследника византийского престола севастократора Алексея Ангела, в 1195 г. ставшего императором Алексеем III.

Группа печатей знакомит с целым рядом представителей как византийских родов так и местных фамилий.

Достаточно давно известна печать севаста Михаила Дуки (конец XI – начало XII вв.), шурина Алексея I Комнина.

Еще один моливдовул представляет нам протоновелмиссима Григория Палеолога (конец XI в.), вероятно, шурина и полководца Алексея I Комнина.

Большой интерес вызывает моливдовул известного поэта Христофора Митилинея (ок. 1000 – после 1050 гг.). В легенде печати Христофор назван императорским протоспафарием.

Интересны печати: Никиты Пипери (XI в.); дуки Михаила Кастамонита (кон. XI в.); Феодора Маца-

риса (посл. треть XI в.); Ефимия Лампроса (посл. треть XI – нач. XII вв.); ипата Евгения Соломона (посл. треть XI – нач. XII вв.); Михаила (?) Касиана (XII в.).

Частная печать Игнатия Цуло (конец X – начало XI вв.) называет нам одного из представителей аристократического семейства, тюркского или болгарского происхождения, появившегося в Крыму ок. середины X в.

Следующая печать – Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона (вторая половина X в.) представляет род, связанный с крымской топонимикой.

Михаил (?) Катафлор императорский спафарокандидат и стратиг (конец X в.), вероятно, являлся *стратигом* Херсона.

Целый ряд моливдовулов свидетельствует о связях Таматархи и Византийского Херсона.

Прежде всего, это печати трех архонтов Херсона, императорских спафариев, датирующиеся между 810 и 840 гг.: Григоры, Константина (первая половина IX в.) и Григория.

Четыре моливдовула принадлежат стратигам Херсона: Георгию, протоспафарию (60-е-70-е гг. X в.), Иоанну, императорскому протоспафарию (вторая половина X в.); Григорию, императорскому протоспафарию (рубеж X-XI вв.).

Непосредственные связи Константинополя с Матархой подтверждают печати епархов Города (т.е. Константинополя): Василия, императорского протоспафария (третья четверть IX в.) и Льва, императорского протоспафария (последняя треть IX – начало X в.). Печати могли принадлежать купцам из Таматархи, получившим специальное разрешение на коммерческую деятельность в столице империи, в том числе место, где продавались товары.

Печатью столичного чиновника, служащего при дворе и работающего с документами, является моливдовул Георгия, протоспафария и императорского нотариуса (вторая треть X в.).

Отметим моливдовул финансового чиновника, контролирующего расходы — Константина, протоспафария, койтонита, логариаста и человека императора (третья четверть XI в.). Местом службы Константина мог являться византийский Крым.

Репрезентативной является группа из 22 печатей представителей финансового ведомства Византийской империи — главных логофетов, осуществлявших фискальный надзор за взиманием государственных налогов, торговых пошлин за экспорт и импорт с конца IX по начало XI вв.

Еще одна печать принадлежит неизвестному по имени спафарокандидату, коммеркиарию Фессалоники (вторая половина X — первая половина XI вв.).

Находки моливдовулов византийских чиновников в Тамани показывают непосредственное распространение имперского влияния на полуостров и включение последнего в сферу обширного бюрократического аппарата на северных границах Византийской империи в IX-XII в. Несмотря на последовательное владычество в регионе хазар, а затем Древней Руси, мы можем говорить о Матархе—Тмутаркани как об одном из крупных торговых центров Византии, играющем роль проводника политики и экономики Империи в Предкавказье.

Крайне интересны найденные в Мощевой Балке два фрагмента шелковых лент с надписью: 1. "... радуйся, славный господин Иваний (или Ваний) протоспафарий: пусть цветет твоя молодость, пусть сияет..."; 2. "...[Васи]лий про[госпафарий]...". Обе ленты датированы VIII-IX вв., принадлежали византийским

чиновникам кавказского (скорее всего, армянского) происхождения и попали на Кавказ, по-видимому, в качестве военной добычи.

В качестве еще одного, интересного и крайне редкого примера светского влияния Византии в Предкавказье можно привести находки достаточно яркой категории поливной керамики, которой является полумайолика с желтой глазурью, с декором, сочетавшим выемчатую технику “champlevé” и “sgraffito”. Эта достаточно малочисленная группа полумайолики, представленная кувшинами и небольшим количеством чаш – в настоящее время известно не более 90 целых сосудов и фрагментов. Бытование этих сосудов можно очертить временными рамками со второй половины XIII до конца XIV вв.

Эта группа полумайолики изготавливалась в одном центре, вероятно, в округе Константинополя, и попадала в Северное Причерноморье в результате венецианско-генуэзской торговли.

Возникновение этой группы поливной керамики с золотистым оттенком поливы, придающей сосудам большую эстетическую ценность и красоту, может быть связано с утратой Византией в XIII в. роскоши и благоденствия былых времен и упрощением организации приемов и званых пиров; а вследствие открытия Проливов в 1261 г. произошло широкое распространение таких сосудов в Болгарии, Крыму, Приазовье, на Северном Кавказе и в Поволжье (количество местонахождений немногим превышает 20).

Итак, представленные вашему вниманию археологические находки со всей очевидностью демонстрируют существование долговременного и разностороннего культурного, экономического, политического влияния Византийской империи на исторические судьбы населения Предкавказья и Приазовья.

Даже этот беглый обзор показал различную степень вовлеченности отдельных регионов в цивилизационную орбиту Византии. В Матархе мы видим ключевой и крупнейший на северо-восточных берегах Понта и Меотиды центр, представляющий торгово-экономические, дипломатические, конфессиональные и военные интересы Византии в регионе. Представленные археологические источники, происходящие из более восточных районов – прежде всего Закубанья – свидетельствуют о стремлении Константинополя утвердить свое влияние среди местного языческого населения, в первую очередь, через миссионерскую деятельность, распространение православия.

В свете археологических открытий последних лет возникает множество вопросов, сама постановка которых была затруднительна еще два-три десятилетия назад, и уже сегодня византийское присутствие в регионе обретает новые контуры и выводит на историческую арену конкретные исторические имена.

Тахнаева Патимат Ибрагимовна¹

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ХРИСТИАНСТВА В ДАГЕСТАНЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Бытование христианства в Дагестане, составляя отдельный этап в истории его народов, неразрывно связано с политической историей региона.

Достаточно условно, проникновение, развитие и существование христианства в Дагестане можно разделить на несколько периодов: первые века нашей эры – XIV в., XIX – начало XX вв., советский период и постсоветский (начиная с 1990-х гг.) период.

В истории собственно процесса христианизации Дагестана выделяют три этапа. Первый – IV-V вв., когда в Кавказской Албании христианство стало официальной религией. Тогда же христианство наряду с Закавказьем стало распространяться и в горном Дагестане. На этот процесс оказывали определенное влияние и религиозно-политические разногласия, которые сложились после раскола христианской церкви между двумя группами христиан – монофизитами и диофизитами (халкедонитами). В дальнейшем этот раскол будет использован в своей борьбе двумя крупнейшими державами своего времени – Византией и Персией (монофизитам покровительствовал Иран, халкедонитам (православие) – Византия). В част-

1. К.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва.

ности, предания о так называемом «грузинском» или «армянском» происхождении исторических дагестанских аулов могут говорить лишь о древности процесса проникновения христианства в эти края, точнее христианского толка: раннего монофизитского (армяно-григорианского) или последующего диофизитского (грузинского православия). Опыт разных церковных традиций (монофизитский, диофизитский), имевших место, как бы далеко они не уходили друг от друга в догматическом, политическом, культурном и художественном отношении, несомненно, является опытом единой христианской культуры.

Второй — X-XII вв., время усиления средневекового Сарира и активное распространение в этом государстве православного христианства, благодаря активности грузинских миссионеров и проповедников². И, наконец, третий — это XIII в., когда после монгольского нашествия в приморском Дагестане, главным образом, в «Кайтагской стране» активизировались католические миссионеры, преимущественно итальянцы (Криштопа, 2007. С. 186-187). Как отмечает А.Е. Криштопа, «в то время как православные аварцы в массе своей были обращены в ислам, дагестанские католики (в основном даргинцы) массово уничтожались физически — сначала Тимуром, а затем Шейх-Хайдаром» (Криштопа, 2007. С. 187).

Принято считать, что очагами распространения христианской религии в Дагестане на юге в III-VIII вв. являлись Албанская и Армянская церковь (Кавказская Албания), на западе в V-XIV вв. — Грузинская православная церковь (Картли и Кахети). Дагестан так же мог испытывать влияние христианства через раннесредневековые государства, непосредственно граничившие с ним с севера — Хазарию и Аланию.

2. Обзор литературы по этому вопросу см. Тахнаева, 2004. С. 21-38.

К XIV в., периоду, предшествовавшему активной исламизации горного Дагестана, его этноконфессиональная картина включала в себя православных аварцев и отчасти их соседей, попавших под их культурное влияние, а также католиков — даргинцев, населявших приморский Дагестан. Наибольшего распространения среди аварцев православное христианство достигло в XI-XIV вв. Этот период характеризуется в грузино-аварских взаимоотношениях тесными торгово-экономическими и политическими связями (Картлис Цховреба, 2008. С. 194).

Современные ревизии истории вопроса выдвинули тезис отдельных исследователей о христианстве на Северном Кавказе (и в Дагестане) как о явлении «чуждом» и «поверхностном» (Гамбашидзе, 1983. С. 2-3). Между тем наиболее ярким и значимым свидетельством, показывающим глубину проникновения христианской религии и культуры в среду местного населения и уровень общественного и культурного развития, является наличие в Горном Дагестане большого количества христианских храмов, многие из которых являются памятниками местного зодчества (Гамбашидзе, 1983. С. 2,6). География распространения христианских храмов на территории Дагестана является наиболее показательным индикатором не только глубины этого процесса, но и его территориального охвата.

Датунская церковь, расположенная недалеко у селения Датуна, в ущелье Хатан-Бугоб-Ккал («ущелье где находится храм», с аварского языка) — единственный наземно сохранившийся в Горном Дагестане памятник средневекового христианского культового зодчества конца X — начала XI вв.

По истории происхождения церкви существуют предания сомнительного характера, записанные

в 1970-годы. По одному из них, грузин по имени Тавади просит хунзахского нуцала оставить его в этой местности на жительство; взамен он обещает хунзахскому нуцалу поддержать его в борьбе с грузинскими феодалами (Магомедов, 1971. С. 149). Таким образом, Датунское поселение выступает как «владение грузинского феодала, находящегося на службе у аварского нуцала», что, замечу, не находит какого-либо подтверждения в других источниках (Ахмедов, 1975. С. 100-101). В таком случае исключительное происхождение Датунской церкви в центральной Аварии, связываемое с владением находящегося на службе у аварского нуцала грузинского феодала, противоречит многочисленным фактам, свидетельствующим о широком бытовании христианства в соседнем Гидатле и о существовании в нем других церквей.

История возникновения христианского храма Датуна имеет непосредственное отношение к историко-культурным и политическим событиям, происходившим в регионе, и не является исключительным явлением в Горном Дагестане. В частности, в настоящее время, по различным источникам — археологическим, сведениям грузинских летописей, авторов XIX в., местным народным преданиям, в ряде случаев надежно подкрепляемым археологическим подъемным материалом, известно о существовании на территории средневековой Аварии более 30 церквей³.

В историческом и политическом центре Горного Дагестана, на Хунзахском плато (географически к нему примыкает Гидатль), в результате раскопок, проведенных Дагестано-грузинской археологической экспедицией (ДГАЭ) под руководством Г.Г. Гамбашидзе, было выявлено несколько церквей: в 5 км к югу от с. Хунзах на территории поселения Акаро (Гам-

3. Обзор литературы по этому вопросу см. Тахнаева, 2004. С. 21-38.

башидзе, 1983. С. 5-14); у с. Амитль, к юго-востоку от Хунзаха (Гамбашидзе, 1983. С. 5-14); у северной окраины Хунзаха – в местности Тадраал (Тахнаева, 2004. С. 81); к юго-востоку от Хунзаха, в с. Хини (Яковлев, 1924. С. 246; Гамбашидзе, 1983. С. 7); недалеко от него в местности Гаганида (Артамонов, Отчет о работе. С. 31; Атаев, 1958. С. 175; Атаев, 1963. С. 204-205) (в 2 км к северу от сел. Заиб); на поселении Галла (Гамбашидзе, 1977. С. 13), сел. Гиничутль (Гамбашидзе, 1977. С. 13), к западу от Хунзаха, в с. Обода (Шигабудинов, 1998. С. 180-181). На территории Хунзахского плато известно о существовании целого ряда церквей, до настоящего времени не ставших предметом исследования специалистов (Атаев, 1958. С. 170).

Особый интерес представляет христианский храм, выявленный ДГАЭ на горном плато Акаро (близ Хунзаха). Здесь также было обнаружено 16 надписей молебного-мемориального содержания, исполненных древнегрузинскими шрифтами «асомтаврули» и «нусхури», палеографически датируемые X-XI вв. Частое упоминание в обнаруженных надписях «двенадцати апостолов» позволило Г. Гамбашидзе предположить, что этот храм, как и мцхетский собор «Светицховели» был освящен во имя «Святых двенадцати апостолов» (Гамбашидзе, 2000. С. 77-78). Другая христианская церковь XI-XIII вв. у с. Амитль (близ Хунзаха), также выявленная ДГАЭ, как утверждает Г.Г. Гамбашидзе, хотя и не выделяется архитектурно-декоративными данными, но представляет особый интерес в историко-социологическом плане: такие храмы, построенные сельчанами для религиозной службы, являются доказательствами проникновения христианской религии вглубь, в среду местного населения (Гамбашидзе, 1983. С. 7). Все выявленные ДГАЭ христианские храмы на Хунзахском плато, по

мнению Г.Г. Гамбашидзе, являются памятниками местного народного зодчества.

Длительное бытование христианства в Нагорном Дагестане вызвало строительство его на территории (Хунзахском плато, Андалале, Гидатле, Анцухе) в XI-XIII вв. небольших церквей так называемого «зального типа» (Абакаров, Давудов, 1993. С. 191). Здесь также было обнаружено большое количество поломанных каменных крестов разнообразных форм. На большинстве из них имеются надписи религиозного содержания, исполненные древнегрузинскими почерками *асомтаврули* и *нусахуцури*, часть которых палеографически датируются X-XI вв.

Продвижение христианства в Нагорный Дагестан из Восточной Грузии шло по историческим коммуникационным путям. В Нагорном Дагестане одним из крупных исторических центров раннесредневекового периода являлось «царство» Сарир (позднее, с XII в., Хунзахское нуцальство) со столицей, находящейся в Хунзахе. Отмечая важное политическое значение Сарира в регионе, В.Ф. Минорский связывал проникновение христианства в Хунзах с подвижнической деятельностью в Восточной Грузии тринадцати «сирийских отцов» в VI в. (Минорский, 1963. С. 132-136). Некоторые из них (Абибос Некресели, Давид Гареджели, Стефане Хирсели) в этот период развивали свою деятельность именно на территории Эрети (юго-восток Кахетии) (Мухелишвили, 1982. С. 16).

Во второй половине V в., в эпоху Вахтанга Горгасала отмечается влияние Цукетского эриставства (эпископства) на Хунзах (Джуаншер, 1979. С. 243). Позднее, в начале царствования Арчила (40-50 гг. VIII в.), мтаваром Цукети был назначен Абухуасро, который одновременно являлся «... эриставом тушинов и хунд-

зов и всех язычников этих гор» (Папуашвили, 1971. С. 45). Таким образом, на территории «хундзов», с V в. по VIII в. находившейся под влиянием Цукетского эриставиства, предполагается миссионерская деятельность епископств Эрети (Бахалати, Некреси).

В начале VI в. в Некреси (Кахетия) было учреждено епископство. По Т. Г. Папуашвили, в его пределы, кроме заалазанских территорий, входила и Дидоэти (епископы с титулом Гагмамхарских и Дидойских продолжали пребывать в Некреси вплоть до XVII в.) (Папуашвили, 1971. С. 56). Деятельность епископа Некреси в VI в., Авива, нашла отражение в грузинской церковной агиографии: «...персы-огнепоклонники истребляли в захваченной стране все христианское. ...и в Некреси, где была кафедра сего святого мужа, построено было капище и возложено огнище. Блаженный Авив ... восстал с полной властью против огнеслужения. ...Святитель с крестом в руках ходил по городам и селам своей епархии, искоренял везде грубое суеверие и тушил мерзкие огнища. Дидойцы и жители многих городов Кавказских гор, живущие по левому берегу реки Алазани, благодаря проповеди епископа Авива... оставили огнеслужение и были возвращены в лоно Церкви Христовой» (Страдания ..., 1873).

Историческая область Дидо (Дидоэти) в раннесредневековый период по «Географии» Вахушти охватывала ущелья в верховьях рек Аварского и Андийского Койсу, между Водораздельным и Боковым Кавказскими хребтами, т.е. практически весь высокогорный Северо-западный Дагестан⁴.

В XI в. Масуди отзывается о дидойцах «по имени дуданийцы» как о «кяфирах, ...они язычники и не-

4. В настоящее время дидойцами или цезами называют народность, относящуюся к аваро-андо-цезской группе и населяющую часть Цунтинского района по северо-западному склону Богосского хребта.

зависимы» (аль-Масуди, 1908. С. 42). Тем не менее, Дидо в XI-XII вв. продолжает находиться в орбите политического и религиозного влияния Грузии. В XI в. кахетинский царь Квирике III (1010-1029 гг.) проводит в Эрети административную реформу и назначает эриставов. Вахушти напоминает, что эти эриставства существовали гораздо раньше, в частности, Шторское эриставство включало в себя верховья Андийского Койсу (Дидоэти) и Аварского Койсу (Хунзах) (Джанашвили, 1897. С. 31; Вахушти, 1976. С. 128). В XII в. по грузинским источникам Давид IV Строитель (1089-1125 гг.), подчиняет своему влиянию горцев пограничных районов, в том числе дидойцев.

По данным арабских письменных источников, в начале X в. христианами в Сарире являлись лишь царь и его свита. Местопребыванием христианских правителей Сарира называется крепость, которая стояла на вершине горы. Принято считать, что эта крепость располагалась на горе Акаро, возвышающейся над Хунзахом. Ибн Русте (903 г.) так сообщает о ней: «... Замок царя ... находится на вершине горы... и окружает его стена из камня. Обитатели замка все христиане, а остальные его жители кяфиры» (ибн-Русте, 1903. С. 47). По сообщению ал-Истахри (930 г.), «... народ Серира – христиане» (ал-Истахрия, 1901. С. 49). У Ибн Хаукаля (978 г.) имеется более определенная информация о христианском государстве в Нагорном Дагестане, отражающая перемены, произошедшие примерно к середине X в.: «... Народ Серира – христиане... Между жителями Серира и мусульманами мир» (ибн-Хаукаль, 1901. С. 115). Как видно, к этому времени уже все население страны, а не только «обитатели замка», воспринимается как христианское. Очевидно, что в середине – третьей четверти X в. правящая верхушка сарирского

общества и ее окружение, а также часть населения Хунзахского плато исповедуют христианство. Подтверждением тому служат археологические материалы Урадинского могильника, которые указывают на распространение христианства в VIII-X вв. уже среди рядовых жителей населения Сарира (Атаев, 1958; Он же, 1973).

В период арабских нашествий христианский Сарир ведет борьбу с появившимся в Дагестане аванпостом ислама — ал-Бабом (Дербентом). В IX-X вв. Сарир не раз подвергается нападению со стороны исламских владений, а сам он был постоянным участником многих антимусульманских походов (Минорский, 1963. С. 64-65). К середине X в. Сарир по сообщению ал-Истахри предстает христианской страной: «...В государство Рум входят пределы ... Рус, *Сарир*, Аллан, Арман и все другие, кто исповедует христианство» (ал-Истахрия, 1901. С. 52). Таким образом, с точки зрения мусульманской географии, государство Сарир в X в. пребывает в союзе христианских государств, сплоченных вокруг мощной христианской державы своего времени — Византийской империи.

Очевидно, к концу XI — началу XII в. на Хунзахском плато позиции христианства упрочились, здесь находился политический центр Сарира.

Интенсивное бытование христианства на Хунзахском плато в X-XIV вв. хорошо иллюстрируется данными письменных источников. В 1333 г. католикос Грузии Евфимий отправляет Евангелие «...церкви народа Хундзи». «Церковь народа Хундзи», несомненно, существовала на Хунзахском плато. По всей видимости, в средневековый период здесь, в с. Хунзах, находился христианский центр Нагорного Дагестана. В начале первой четверти XIV в., в период правления Георгия V Блистательного (1318-1346 гг.)

и патриарха Грузии Евфимия, на территории Нагорного Дагестана предполагается существование двух епархий – Анцухской и Хунзахской. Предположение о существовании в Хунзахе митрополии грузинской православной церкви находит подтверждение в упоминании о «католикосе хундзов Окропири» («златоуст» – груз. яз.) в грузинском синодике XIV в. (Кекелидзе, 1945. С. 318-319; Ломтатидзе, 1961. С. 295). Согласно грузинскому колофону XIV в. (1333 г.) католикос Евфимий «обозревая свою паству... видел» не только «... церковь народа *Хундзи*», но и «... храмы в *Анцухе*» (Джанашвили, 1897. С. 50). В отличие от Хунзахского плато, территория, занимаемая обществом Анцух (исторически состоящим из 21 селений), археологически не исследована. Но одновременное упоминание Анцуха в средневековой грузинской хронике наряду с Хунзахом в числе центров христианства на Северном Кавказе не случайно и позволяет с достаточной долей уверенности предположить бытование здесь церковной организации.

По всем перечисленным в грузинском колофоне XIV в. церквям и монастырям по приказу грузинского католикоса Евфимия были отправлены Евангелия с предписанием *руководителям школ* преподавать следующие дисциплины: «...веру истинную, философию, жития отцов церкви, жизнь (историю) Грузии и Албании» (Джанашвили, 1897. С. 50). Очевидно, что в перечисленных христианских центрах, в том числе и аварских, богослужение велось на грузинском языке. По всей видимости, грузинский язык и грузинское письмо имели в аварских районах широкое распространение. Частично это подтверждает грузинская хроника в сообщении об одном из последствий нашествия Тимура: «... И лезгины (т.е. горцы Дагестана – П.Т.) были христианами и *сохраняли язык гру-*

зинский до нашествия Тимурленга, который покорил их, то лестью, то угрозами совратил в магометанство и назначил им мулл из арабов, которых обязал учить лезгинских детей письму на арабском языке». Примечательна следующая за ней фраза: «...он издал также строгое повеление, чтобы отныне *лезгины не учились ни чтению, ни письму на грузинском языке*» (Джанашвили, 1897. С. 51).

Вопрос о границах Хундзской епархии связан с вопросом о границах Хунзахского нуцальства (XI-XIV вв.), и, естественно, подчинен ему. В грузинской историографии отмечалось, что основание епископских епархий в Грузии традиционно совпадало с уже существующими территориально-административными единицами — создание епископских кафедр, которые епархиально подчинялись епископу, рассматривалось как церковно-административная мера по организации государства (Бердзенишвили, 1965. С. 8). Несомненно, территория Хунзахского плато, очерченная выявленными многочисленными памятниками христианской культуры XI-XIV вв. (селения Хунзах, Гоцатль, Ахалчи, Тануси, Заиб, Амитль, Тадраал, Геничутль, Заиб, Хини, Обода, Ашильта, Батлаич и др.) входила в диоцез Хундзской епархии. Практически она охватывала всю хунзахскую (хундзскую) общину, которая помимо вышеназванных сел исторически включала в свой состав селения, расположенные на Хунзахском плато и прилегающих территориях (селения Амишта, Баитль, Гозолоколо, Гонох, Гортколо, Джалатури, Ках, Кахикал, Тагада, Текита, Тлайлух, Тукита, Уздалросо, Хариколо, Химагоро, Цада, Цельмес, Цолода, Чалда, Чондотль и Шотода) (Айтберов, 1990. С. 6). Очевиден ответ на вопрос о месторасположении центра Хундзской епархии. Хунзах X-XIV вв., оставаясь крупным хри-

стианским центром Нагорного Дагестана, сохранял за собой столичный статус и в период политической централизации X-XI вв., и в период феодальной раздробленности XII-XIV вв. Именно здесь, в столице Сарира, позднее – Хунзахского нуцальства, мог располагаться центр Хундзской епархии.

Совершенно очевидно, что с самого начала своего существования христианство (православие) приобретает в Аварии организационные формы. Основной формой организации религиозной жизни христианства являлся приход – церковный округ с населением, имеющий свой храм. Таким образом, выявленные церкви свидетельствуют о том, что христианство имело в горах Аварии прочную социальную базу в форме христианских общин и представляют особый интерес в историко-социологическом аспекте, являясь доказательством укорененности христианской религии в местной среде.

В частности, выявленные штампы для евхаристического хлеба (просвиры) – в Хунзахе цилиндрический двухсторонний штамп из известняка с изображением креста и именем Христа, датируемый X-XI вв. (Гамбашидзе, 1998. С. 73), в с. Хини (в 1938 г.) штамп для просфор с именем Христа, палеографически датируемый XIII в. (Артамонов, Отчет о работах. С. 38), свидетельствуют о существовании церковной литургии.

География местонахождений христианских храмов довольно обширна, что свидетельствует не только о глубине этого процесса, но и о масштабности территориального охвата процесса христианизации в Горном Дагестане. Яркими очагами христианства в средневековой Аварии принято считать исторические общества Андалал и Гуржих («Гуржихълъи» – с аварского языка «грузинство»). Имеются сведения о существовании здесь церквей в селениях Нака-

зук, Ругуджа, Согратль (Ройнов. Л. 3), Гамсутль, Чох (Иоселиани, 1862. С. 36; Тахнаева, 2004. С. 91). Есть сведения о наличии церквей на западных пределах Горной Аварии: в селениях Хуштада (Ройнов. Л. 3), Гагатли (Криштопа, 1981. С. 51), Гунха (Криштопа, 1981. С. 65), остатках часовен близ Камилуха (Тахнаева, 2004. С. 92-93), Кванада, Тинди, Ботлих; каменных крестов у селений Кванада и Тинди (Атаев, 1963. С. 199, 206-207; Атаев, 1973); остатках церквей близ сел. Хупро у подножия Кодорского перевала (Магомедов, 1975. С. 107), в селениях Агвали (Бобровников, 1999. С. 11), Хуштада, Сильди, Хамавуай (Магомедов, 2001. С. 42).

Одним из известных историко-культурных центров Горного Дагестана X-XIV вв., в котором христианство пустило глубокие корни, являлось общество Гидатль. Селения Гидатля (сс. Урада, Тидиб, Хотода, Мачада, Гентаб, Кахиб и др.), расположенные в непосредственной близости друг от друга, представляли собой сильный союз сельских обществ. По сообщениям местных жителей (в ряде случаев подтверждаемым находками ярких памятников христианской культуры) (Атаев, 1958. С. 165; Атаев, 1963. С. 200-201; Абакаров, Давудов, 1993. С. 191-194; Тахнаева, 2004. С. 80-81) в Гидатле имелись христианские храмы в селениях Урада, Тидиб, Хотода, Мачада (Атаев, 1963. С. 201). Автор местной средневековой хроники XIV в. «Истории Ирхана» гидатлинцев — «жителей области Хид» — называет «чистыми грузинами», подчеркивая тем самым их конфессиональную принадлежность к грузинской православной церкви (История Ирхана, 1993. С. 166). Не случайно Гидатль дает наибольшее количество известных христианских памятников Горного Дагестана (эпиграфика, церкви, топонимика) (Атаев, 1963. С. 165-201; Криштопа, 2007. С. 63).

Один из наиболее известных путей из Восточной Грузии на Хунзах следовал именно через земли Андалала и Гидатля. В раннее средневековье земли в бассейне Казикумухского Койсу, с которыми граничил Сарир, составляли особое христианское владение — царство Гумик, о котором Масуди (956 г.) писал, что «жители его христиане» (аль-Масуди, 1908. С. 52). Между христианскими владениями Гумиком и Сариром, был известен один из крупных аварских союзов сельских общин Вицху (селения Чох, Ругуджа, Согратль, Мегеб, Обох, Гамсутль, Кудади, Кегер, Салта, Корода, Гуниб, Хоточ, Гонода, Хиндах) (Мухаммадрафи, 1993. С. 96), на территории которых рельефно прослеживаются следы христианской культуры и влияние грузинской христианской церкви (древнегрузинская эпиграфика, упоминания о церквях, топонимика) (Атаев, 1963. С. 296; Артамонов, Отчет о работах; Генко, 1941. С. 100; Котович, 1961. С. 56; Материальная культура аварцев, 1967. С. 115-116). Позднее союз Вицху в результате принятия ислама получил историческое название «Андалал». Д.М. Атаев считал вероятным бытование христианства в этом регионе вплоть до XIV-XV вв. (Атаев, 1963. С. 206).

В середине XIII в. военно-политическая обстановка сложилась таким образом, что равнинная полоса Восточного Дагестана и районы, прилегающие к Дербенту, стали ареной столкновения двух крупнейших государств — государства Хулагидов (ильханов) и Золотой Орды. Для своего утверждения в покоренных странах и в противоборстве с Джучидами Хулагиды прибегли к более гибкой политике и проявили известную терпимость к христианству. Успеху Хулагидов в их длительной борьбе с золотоордынскими ханами во многом содействовала поддержка со стороны христианской Грузии (Нарожный, 1989. С. 97-

206). Грузинская церковь воспользовалась льготами, которые монголы дали христианам, в частности, Хулагиды не препятствовали ее традициям миссионерской деятельности. Согласно грузинскому «Хронографу» XIV в., в этот период проповедник «Пимен Блаженный, что ушел из Гареджи и поселился в одной из пещер Белокани... обратил из язычества в христианство племя леков, которые пребывают в вере христовой» (Грузинский «Хронограф», 1980. С. 193).

Во второй половине XIII в. ситуация меняется, Берке (1257-1266 гг.) первым из монгольских ханов принимает ислам, начинается процесс исламизации правящей верхушки Золотой Орды. Отныне политика золотоордынских ханов будет определяться поддержкой мусульманских элементов на всей территории Золотой Орды, в том числе и в Дагестане. К концу XIII в. во власти уже мусульманских золотоордынских ханов был не только Дербент, но и прилегающие к нему земли (Шихсаидов, 1957. С. 155). С конца 80-х гг. XIV в. активизация Золотой Орды привела к вассалитету по отношению к Тохтамышу ряда дагестанских владений – Хунзаха, Казикумуха, Кайтага, Губдена (Криштопа, 1981. С. 24).

Войны Тимура с Тохтамышем на Северном Кавказе носили характер избирательных ударов по его союзникам, с задачей обессилить и обезлюдить их земли (Криштопа, 2007. С. 169). У придворных историографов Тимура (Шахи, Йедзи) эти удары изображены прежде всего как войны религиозные. Тимур в первую очередь воюет с «неверными» и силой обращает их в ислам, а тех, кого обратил в ислам, побуждает к религиозной войне с «неверными». Тимур не признает никакой религии, кроме ислама и преследует как христиан, так и язычников (Тизенгаузен, 1941. С. 123-124, 185-186).

В 1396 г. Тимур совершает в Усиша (в источниках «Ушкуджа») поход против «неверных» — под флагом «священной войны». Историографами Тимура Шериф ад-дина Йезди и Низам ад-дина Шами усишинцы названы «неверными», которых завоеватели, захватив селение после упорного сопротивления, казнили. Также поступили и с жителями других даргинских селений, которые исповедовали христианство и иудейство: Муги, Мулебки, Герга, Мекеги, поселения между Мулебки и Мекеги и др. После похода Тимура в конце XIV в. среди даргинцев основной религией становится ислам (Алиев, 2001. С. 53).

В 1396 г. Тимур удалось подчинить ряд владений и союзов во Внутреннем Дагестане. Тимур не отбирает земли у владельцев Аварии и Газикумуха, а отдает им на правах «суургала», превращая их тем самым в своих вассалов. Таким образом, два наиболее крупных владения Дагестана, Авария и Газикумух, избежали разорения во время Тимуровских нашествий. Это упрочило в них позиции ислама, что открыло возможность экспансии под флагом исламизации в западную, христианско-языческую часть Дагестана. Вслед за тем, как правители Казикумуха и «Аухара» были утверждены в своих владениях, Тимур разоряет Аркас (Нергес), сделав «...тамошних заблудших пищей для меча газавата и, разграбив крепость, сравняли её с землей» (История Ирхана, 1993. С. 167). Согласно местной хронике, к концу XIV в. знать города носила грузинские княжеские титулы — *тавади* и *азнаур*. По всей видимости, Аркас подвергался влиянию грузинского православия через христианский Хунзах. Выявленные в Аркасе в результате археологических раскопок христианские церкви, перестроенные позднее в мечети, по всей видимости, существовали вплоть до падения города под ударами войск Тимура в 1396 г.

(Атаев и др., 1989. С. 114-122). Перестройка аркаских церквей в мечети, очевидно, была осуществлена сразу после этих событий, в конце XIV в., в период интенсивного проникновения ислама в горы и его утверждения.

В XIV в. в Грузинском царстве в результате неоднократных нашествий войск Тимура (шесть походов в течение 1386-1403 гг.), с ухудшением внутреннего и внешнего положения, наступает политический и экономический спад, завершившийся в конце XV в. распадом государства. В этот период в Аварии наблюдается подъем исламской газийской активности. По хронике «Тарихи Дагестан», принятие ислама в качестве государственной религии Хунзахского нуцальства относится к концу XIII – началу XIV вв. В ходе нашествия Тимура в 1395–1396 гг. и распада Грузии, начавшегося с 1460-х гг., христианство окончательно теряет значение государственной религии в Хунзахском нуцальстве и уступает позиции исламу. Весной 1396 г. правитель Аварии («Аухара») был утвержден Тимуром в своих владениях.

Эту датировку победы ислама в Аварии подтверждает самая ранняя датированная надпись на арабском языке в Хунзахе. Это строительная надпись на камне, вложенном в стену мечети хунзахского квартала Самилах, в которой строительство датировано 1333 годом (734 г. хиджры) (Саидов, 1957. С. 44).

Уже во второй половине XIV в. ислам стал распространяться в северо-западной Аварии, на границе с Чечней. Об этом свидетельствует находящаяся в сел. Ансалта могила шейха Юнуса, умершего в 1398/99 г. (Айтберов, 1990. С. 85). Чуть позже ислам проник и в Анди. Согласно А.Е. Криштопа, «исламизация Анди, где христианство было сокрушено Тимуром в 1395 г., вероятнее всего произошла не позднее начала XV в.»

(Криштопа, 2007. С. 187). По всей видимости, в то же время, т.е. на рубеже XIV-XV вв., ислам окончательно укрепился в Бактулале и Нахбаке (современных Гумбетовском и Казбековском районах). К рубежу XV-XVI вв. поддержка христианства в Аварии извне прекращается, что, собственно, предрешило его окончательное вытеснение и завершение процесса исламизации Дагестана. Т.М. Айтберов приводит сообщение о принятии ислама жителями с. Хуштада по надписи на плите в стене мечети – 910/1504-05 гг. (Айтберов, 1980. С. 57-58). Эта дата фиксирует окончательную утрату позиций христианства в высокогорном Дагестане.

На примере аварского этноса мы видим сложность и противоречивость процессов исламизации населения Восточного Кавказа, которое осуществлялось как мирным путем, так и в результате экспансии тех или иных политических образований. В ходе неё имели место и моменты рехристианизации населения, как это было в Хунзахе, но процесс стал необратим в конце XIV в., после нашествия на Кавказ Тимура, окончательно склонившего чашу весов в Аварии в пользу ислама.

Христианство в Дагестане в XIX-XX вв.

Длительный период территория Дагестана являлась территорией, население которой исповедовало ислам. Новый этап в распространении христианства на территории Дагестана начинается со времени его присоединения к России. Происходит активное переселение христиан из других губерний и освоение земель в плоскостной и приморской части. Первыми поселенцами были казаки, которые расселились по берегам Терека и Сулака. Также шло активное привлечение на территорию Дагестана и Северного Кав-

каза грузин и армян. Большая часть переселенцев исповедовала православие. Из-за гонений в других регионах России в Дагестан, кроме православных и католиков, начинают стекаться представители других христианских конфессий — пятидесятники, баптисты, адвентисты седьмого дня, старообрядцы и др. В конце XIX — начале XX века на территории Терской области (современные Хасавюртовский и Бабаюртовский районы), возникает несколько десятков немецких колоний и хуторов. Прибывшие немцы были, в основном, меннонитами и евангелистами.

К началу XX века на территории Дагестана (без Хасавюртовского и Кизлярского округов) насчитывалось 22 прихода Русской Православной Церкви, 2 католических костела (Темир-Хан-Шура и Петровск-Порт), 3 армянские церкви (по одной во всех городах). Во всех городах (Темир-Хан-Шуре-1, Петровск-Порте-3 и Дербенте-3) и крепостях (Ахты, Ботлих, Хунзах, Гуниб и Дешлагар) имелись церкви. Все приходы относились к Владикавказской епархии.

С присоединением к Дагестану Кизлярского (современные Кизлярский, Тарумовский, Ногайский, Шелковской и Нефтекумский районы) и Хасавюртовского (Хасавюртовский, Бабаюртовский и часть Кизилюртовского районы) округов бывшей Терской области, число христиан многократно увеличивается.

Как и в других регионах Советского Союза, в Дагестане после 1917 г. все религиозные объединения оказались практически вне закона. С первых лет установления советской власти начинаются гонения на религию: закрываются храмы и монастыри, арестовываются и расстреливаются священнослужители. Уничтожались церкви и соборы. Возрождение

церковной жизни начинается только в годы Великой Отечественной войны, когда вновь были открыты православные храмы в Дербенте, Махачкале, Хасавюрте и Кизляре.

В 1998-2011 гг. все приходы РПЦ, расположенные на территории Республики Дагестан, относились к Бакинской и Прикаспийской епархии. С 2011 г. они вошли в созданную Владикавказскую и Махачкалинскую епархию РПЦ. В феврале 2013 г. была выделена самостоятельная Махачкалинская епархия. Её территория делится на два благочиния - Махачкалинское и Кизлярское, включают в себя 18 церквей и часовен и 1 монастырь.

С 1990 г. было вновь возведено 8 церквей в Кизляре, Ахтах, Буйнакске, Избербаше, Коктюбее, Таловке, Терекли-Мектебе и Комсомольском. Был восстановлен уничтоженный собор Святого Великомученика Георгия Победоносца в Кизляре. В 2000 г. Махачкалинскому Святоуспенскому собору присвоили статус кафедрального.

Список литературы

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

Айтберов Т.М. Источники для изучения социальной структуры Дагестана XV-XVI вв. М., 1980.

Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990.

Алиев Б.А. К вопросу о христианстве у даргинцев // Христианские памятники в Дагестане. Махачкала, 2001.

Артамонов М.И. Отчет о работе северокавказской археологической экспедиции ИИМК // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1602.

Артамонов М.И. Отчет о работах Северо-кавказской экспедиции в Дагестане в 1937-1938 гг. // Рукописный фонд ИИАЭ, Ф. 5, Оп. 1, Д. 33.

Атаев Д.М. Христианские древности Аварии // Ученые записки ИИЯЛ. Том IV. Махачкала, 1958.

Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.

Атаев Д.М. Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. // Материалы по археологии Дагестана. Том III. Махачкала, 1973.

Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д. Культурные сооружения Аркаса // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989.

Ахмедов Ш.М. К вопросу о становлении феодальных отношений в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып.3. Махачкала, 1975.

Бердзенишвили Д.К. Из исторической географии Квемо-Картли (Юго-Восточная Грузия). Тбилиси, 1965.

Бобровников В.О. Новые эпиграфические данные по истории ислама в Северо-западном Дагестане // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 6. М., 1999.

Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси: Мецниереба, 1976.

Гамбашидзе Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.

Гамбашидзе Г.Г. Вопросы христианской культуры и исторической географии Аварии в свете результатов дагестано-грузинской объединенной археологической экспедиции АН ГССР и АН СССР // Материалы IV Международного симпозиума по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.

Гамбашидзе Г.Г. Штамп евхаристического хлеба (просвиры) с грузинской надписью из Дагестана // Археологическая конференция Кавказа. Тбилиси, 1998.

Гамбашидзе Г.Г. Грузинские лапидарные надписи из христианского храма на горе Акаро над Хунзахом (Дагестан) // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала, 2000.

Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941.

Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа. Пер. Г.В. Цулая // Кавказский этнографический сборник. Вып. VII. М., 1980.

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 1-206.

Джуаншера. Сведения из жизни Вахтанга Горгасала // Мровели Леонти, Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер., предисл. и комм. Г.В. Цулая. М., 1979.

Иоселиани П. Путевые заметки по Дагестану в 1861 году. Тифлис, 1862.

Абу-Исхак Ибрагим ибн-Мухаммад ал-Фарсия ал-Истахрия. Из книги путей царств. пер. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С.1-73.

История Ирхана. пер. Шихсаидов А. Р. // Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.

Картлис Цховреба (История Грузии). Под ред. Р. Метревели. Тбилиси. 2008.

Кекелидзе К.С. К истории грузинской культуры в эпоху монгольского господства // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т.2. Тбилиси, 1945. На груз. языке.

Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // *Материалы по археологии Дагестана*. Т. II. Махачкала, 1961.

Криштопа А.Е. Политическое развитие Дагестана в XIII-XV вв. Махачкала, 1981. Деп. ИНИОН, № 00263-82-11.

Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. М., 2007.

Ломтатидзе Г.А. Выступление на заключительном заседании сессии 14 мая 1959 г. // *Материалы по археологии Дагестана*. Том II. Махачкала, 1961.

Магомедов Д.М. Исторические сведения о дидойцах // *Вопросы истории Дагестана*. Вып. 2. Махачкала, 1975.

Магомедов Д.М. Христианство и его роль в культурной жизни горцев Дагестана // *Христианские памятники в Дагестане*. Махачкала, 2001.

Магомедов М.Р. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971.

Абу-ль-Хасан Али аль-Масуди. «Луга золота и рудники драгоценных камней» пер. Н.А. Караулова // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 37-78.

Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963.

Мухелишвили Д.А. Из исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси, 1982.

Мухаммадрафи. Тарих Дагестан. Введение, перевод, комментарии А.Р. Шихсаидова // *Дагестанские исторические сочинения*. М., 1993.

Нарожный Е.И. О роли христианства в хулагидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне // *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв.* Ростов-на-Дону, 1989.

Папуашвили Т.Г. Вопросы истории Эрети: очерки по социально-экономической истории (с древнейших времен до первой четверти XII в.). Тбилиси, 1971

Ройнов А. Памятники древнего христианства в Дагестане // Рукописный фонд Института рукописей им. К.С. Кекелидзе АН Грузии. ROS. 33.

Абу-Али Ахмед-ибн-Омар-ибн-Русте. Книга драгоценных камней пер. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Тифлис, 1903. С. 35-54.

Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Т. II. Махачкала, 1957.

Страдание Святого священномученика Авива, епископа Некресского, одного из тринадцати сирийских отцов // Сабинин (Сабинашвили) М. Полное жизнеописание Святых Грузинской Церкви. СПб., 1873.

Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII-XVI вв.). Махачкала, 2004.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941

Шигабудинов М.Ш. Аул Обода. Махачкала, 1998.

Шихсаидов А.Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Ученые записки ИИЯЛ. Том 3. Махачкала, 1957.

Яковлев П. Новое в изучении Северного Кавказа // Новый Восток. 1924.

Бобровников Владимир Олегович¹

ЮГ РОССИИ В ПРОЕКТАХ ИМПЕРСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВОЕННО-НАРОДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА КАВКАЗЕ (1860-1917 ГГ.)²

Юг России как регион сложился в позднюю имперскую и советскую эпохи. Тогда же и Кавказский край как его часть принял свои привычные очертания. Весь регион нередко представляют отсталой и замкнутой окраиной, своего рода медвежьим углом, невосприимчивым к поздно доходившим сюда нововведениям. Этот стереотип, созданный в русской литературе XIX – начала XX вв.³, рушится при внимательном изучении источников. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены

1. К.и.н., руководитель Сектора Кавказа Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва.

2. Работа подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие: новые смыслы».

3. Архаичность и замкнутость общественного устройства туземцев Кавказского края, составляет общее место описаний путешественников, краеведов и первых исследователей истории региона в XIX в. Например, путешественник и публицист Е.Л. Марков видел в народах российского Кавказа экспонаты паноптикума или музея под открытым небом. «На Кавказе, – писал он, – мы можем в некотором смысле видеть своими глазами и слышать своими ушами людей, языки и быт, исчезнувшие с лица остальной земли многие столетия тому назад» (Живописная Россия, 2008. С. 21). Ему вторит востоковед А.П. Берже, в самом конце XIX в. полагавший, что, например, «у чеченцев общественный быт отличается тою патриархальностью и простотою, какие мы находим в первобытных обществах» (Там же. С. 174). Резюмируя представления российских наблюдателей историк и социолог права М.М. Ковалевский отмечал «поразительную живучесть в среде туземцев Кавказа обычаев и порядков настолько древних, что о них идет речь еще у писателей Греции и Рима» (Ковалевский, 2006. С. 16).

в общественном и политическом устройстве России. Сразу после окончания Кавказской войны XIX в. здесь начался длинный ряд реформ, окончившихся уже в советское время. Эти преобразования определили ход развития местного общества и его положение в составе Российского государства более чем на полвека. Их общее направление во многом было задано в эпоху «Великих реформ» при Александре II. Истоки реформ, как в России, так и на российском Северном Кавказе, нужно искать в царствование его предшественников, при которых сначала Закавказье, а затем и Северный Кавказ вошли в состав Российского государства.

Реформы и контрреформы 1860-1880-х гг. быстро достигли кавказских границ. Притом, что общие цели в центре и на периферии совпадали, регион имел немалое своеобразие. С одной стороны, сказывались последствия недавней Кавказской войны и массового выселения за пределы региона его коренного горского населения (*мухаджирства*). С другой стороны, Кавказ был тесно связан с важнейшими восточными и западными окраинами империи, такими как Средняя Азия, Сибирь, Польша, Украина. Во главе Кавказского края нередко стояли администраторы, карьера которых начиналась и продолжалась на других окраинах (яркие примеры таких трансферов в биографиях имперских чиновников см. в кн.: Долбилов, 2010. С. 142-145, 150 и др.). Методы, испробованные при «умиротворении» Кавказа, затем переносились в Среднюю Азию. Кавказ последней трети XIX в. послужил полигоном для теоретиков и практиков реформ. Впервые примененная здесь система военно-народного управления впоследствии была перенесена в Западное Закавказье и Туркестан, завоеванные империей позднее. В роли проводников

преобразований выступали военные власти Кавказского наместничества.

Как с учетом имеющихся первоисточников и новых подходов к истории империй (Новая имперская история, 2004) можно охарактеризовать присоединение к России Кавказского края и последующие преобразования управления так называемыми кавказскими горцами? Что регион представлял собой для империи в целом и в частности для Юга России? Была ли это колония, продолжение метрополии или что-то иное? Что можно сказать о методах социальной инженерии, при помощи которых империя пыталась интегрировать регион в Россию и вместе с тем поставить заслон от проникновения на Юг и в Центр России нежелательных новых подданных Российского государства? Какую роль в преобразовании края сыграли сельская община и обычное право, в которых привыкли видеть местные дороссийские традиционные институты, но которые в действительности нередко служили средством осуществления реформ? Чтобы ответить на эти вопросы, достаточно обратиться к источникам на русском и восточных языках, хранящихся в архивах и библиотеках Северного Кавказа и Закавказья, Москвы и Петербурга. Настоящая работа продолжает изыскания автора в этом направлении (Бобровников, 2002; Он же, 2010, 2012 и др.), с упором на изучение интеграционного потенциала имперских проектов.

«Замирение» Кавказа в имперском воображении и административной практике

Завоевание Кавказского края было завершено в ходе Кавказской войны — серии военных кампаний 1817-1864 гг. Оно было вызвано необходимостью обеспечить коммуникации имперского центра с вошед-

шим в первой трети XIX в. в состав России Закавказьем. При этом предлогом к завоеванию была борьба с разбоями на границах — набегами горцев на принявшие российское подданство грузинские владения и на укрепленную границу по Северному Кавказу — Кавказскую линию.

О разбое кавказских горцев написаны горы литературы. За всем краем, прежде всего, горными областями Северного Кавказа, утвердилась дурная слава разбойничьего гнезда. По словам русских авторов эпохи Кавказской войны XIX в., характерная черта кавказских горцев — страсть к набегам, грабежу и убийствам, — иначе говоря, все то, что в России второй трети XIX в. стали называть *хищничеством* (Layton, 1994; Бобровников, 2006). Кавказские горы восхищали русское общество своей кажущейся первобытностью и свободой, а вместе с тем ужасали дикостью и коварством горцев, населявших их неприступные ущелья. От обожания Кавказа побывавшие тут путешественники и военные переходили к не менее неумеренному порицанию горцев. Характерно в этом смысле высказывание известного публициста и теоретика славянофильства Н.Я. Данилевского (1871): «Кавказские горцы — и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое» (Данилевский, 1995. С. 31). Сравнивая жителей горных ущелий Кавказа с шотландскими гайлендерами, прославленными Вальтер Скоттом, Данилевский надеялся, что на Кавказе Россия пойдет по пути Англии, и уничтожит этот столь же экзотический, сколь и разбойный вертеп.

Взгляд на кавказских горцев как на дикарей, опасных для их цивилизованных соседей, не оригинален. Похожих взглядов придерживались публицисты и этнографы европейских держав, писавшие о заморских территориях своих колониальных держав (Бобровников, 2002. С. 16-40; Он же, 2006. С. 367-383). Мусульманская угроза оставалась любимой темой прессы европейских столиц второй половины XIX в. (История XIX века, 1938. С. 371-372). Подобные стереотипы мусульманского Востока вписываются в хорошо известную модель ориентализма, сформулированную Эдвардом Саидом (Said, 2003). Все сходится. Черты воображенного европейцами эпохи колониальных империй Востока во многом напоминают образы Кавказа. Во-первых, он представляет собой антипод Запада. Развитому, гуманному и человечному Западу противостоит дикий, жестокий и деспотический Восток. Другая его определяющая черта состоит в пассивности. Восток в кривом зеркале ориентализма выступает как материал для изучения востоковедов-ориенталистов и преобразований европейских политиков. Это существа без своей воли и истории.

Сложившийся в общественном мнении метрополии образ мусульманина-дикаря предопределил методы покорения обоих регионов и способы управления ими. Генерал А.П. Ермолов, с именем которого связано начало Кавказской войны (1817 г.), и его преемники были уверены, что говорить с горцами можно только на языке силы, как с неразумными малыми детьми. Гуманные методы, по их мнению, годились только для Европы, а не на «диком» Востоке, к которому они относили и Кавказ. «Немирные горцы» выдавливались Кавказской армией в горы Дагестана и Чечни, а на Западном Кавказе за Кубань.

Присоединение Кавказа к России было совершенно руками военных. Они же первоначально управляли регионом. До 1844 г. высшей военной и гражданской властью на русском Кавказе был командующий Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом, главный штаб и ставка которого находились в Тифлисе. При этом немалыми полномочиями обладали начальники флангов и даже участков Кавказской линии – прикрывавшей южные рубежи империи укрепленной цепи крепостей и казачьих станиц, которая в эту эпоху постепенно перерезала весь регион по крупным рекам и Главному Кавказскому хребту. Нередко они представляли на местах высшее начальство империи. С 1844 г. полномочия командующего Кавказской линией и армией перешли к наместнику кавказскому, а после упразднения наместничества, в 1881-1905 гг. – отчасти к главноначальствующему гражданской частью, представлявшему собой высшую российскую власть на Кавказе.

Организация местного управления, сложившаяся в годы Кавказской войны, была весьма сложной и запутанной. До начала 1860-х гг. разные районы русского Кавказа с предгорными территориями Юга России не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с территориями, находившимися под прямым российским управлением, которые управлялись по общим законам империи, на Северо-Восточном и отчасти Центральном Кавказе сохранялись мусульманские владения и союзы горских общин под российским протекторатом. Здесь действовало косвенное управление. Власть, суд и сбор налогов были сосредоточены в руках местных владельцев или сельских старшин, действовавших под контролем российских офицеров Кавказской армии (Бобровников, 2002. С. 153).

Военное управление с учетом туземных обычаев

Сдача в плен в 1859 г. Шамиля позволила приступить к давно готовившимся преобразованиям и унификации управления краем. В большей степени реформы коснулись «замиренных» горцев⁴. Вместо военной, для них создавалась новая администрация, получившая название военно-народной. «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, — писал наместник кавказский граф И.И. Воронцов-Дашков (1905-1915 гг.), — основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам» (Воронцов-Дашков, 1907. С. 4).

Создателем военно-народного управления был наместник Кавказский князь А.И. Барятинский (1856-1862 гг.). В период его недолгого правления были разработаны основные принципы военно-народного управления. Однако в разгар реформ, в 1862 г., князь не поладил с высшей петербургской бюрократией и подал в отставку. Окончательное воплощение в жизнь его планов, с определенными коррективами, произошло уже под управлением младшего брата Александра II великого князя Михаила Николаевича. Военно-народное управление опиралось на идеологию, выработанную в ходе войны. Оно апеллировало к недавно принявшим российское подданство «туземным» народам (под которыми здесь понимались в основном горцы), ища опору реформ в общине. Другой опорой

4. Наряду с «туземным» горским населением Кавказского края преобразования серьезно изменили организацию власти и общества казачества Кавказской линии. Эта особая тема, однако, выходит за пределы настоящей работы и требует специального исследования. См.: Северный Кавказ... 2007. С. 223-228.

имперского строительства Барятинский собирался сделать понимаемый как «народный обычай» *адат*, в ущерб *шариату*, в котором он видел опасность анти-российских исламских движений (*юримизма*).

В апреле 1858 г. при Главном штабе Кавказской армии было создано Отделение по управлению горскими народами. После окончания войны, в мае 1865 г., его преобразовали в Кавказское горское управление. Оно состояло из четырех небольших отделений и, как и все кавказское начальство, располагалось в Тифлисе. Это учреждение стало головным институтом кавказского военно-народного управления. Одновременно была проведена реорганизация Кавказского края. Вместо упраздненной в 1860 г. Кавказской линии на Северном Кавказе создавалось три области: Дагестанская, Терская и Кубанская. § 28 «Положения» даровал горцам-мусульманам право управляться «по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности» (Проект положения ..., 1904. С. 435). По обычному праву разбирались мелкие уголовные правонарушения и поземельные споры между общинами. Мусульманскому праву остались подсудны гражданские иски, бракоразводные процессы, опекунские дела, споры по завещаниям и религиозно-благотворительным имуществам (*вакф*). Привилегии, закрепленные за знатью по адату, были отменены. Исчезла социальная иерархия местной военной элиты, развитая в дореформенное время в Большой Кабарде и равнинном Дагестане.

По мысли российской администрации, реформа обычного права преследовала несколько целей. Одной из них была его модернизация, имевшая целью подготовить переход горцев к российскому законодательству. По форме суд остался прост. Процесс

по-прежнему носил обвинительный характер. Прокуроров и адвокатов не было. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. За исключением изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела рассматривались гласно. Кроме того, была унифицирована система управления горцами-мусульманами, слишком пестрая и неудобная для централизованной имперской бюрократии. Осуществить проект военно-народного управления на местах в наиболее полном виде удалось только в Дагестане. В области была создана централизованная трехступенчатая система власти, от сельских старшин до начальников округов и области. Округа делились на *наибства* (с 1899 г. участки), а те — на сельские общества. Границы наибств, как правило, совпадали с наибствами Шамиля. Исполнительная и судебная власть в общинах осталась в руках выборных сельских судей и кади, образовывавших сельский словесный суд. Их возглавлял и контролировал сначала выборный, а после подавления восстания 1877 г. назначаемый властями старшина-*бегавул*. Общины сами содержали немногочисленную сельскую администрацию. Со своей стороны имперские власти освобождали последнюю от уплаты налогов и податей (Хазихи кава'ид, 1868. С. 18).

Вместе с тем, российская администрация попыталась уничтожить ряд архаичных уголовных норм адата, прямо противоречащих российскому законодательству. Начальникам округов было вменено в обязанность не допускать применения в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов». Кровомщение приравнивалось к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах. Был запрещен адат, разрешавший

трехдневный грабеж имущества убийцы. Вместо кровной мести и захвата имущества односельчан или родственников неисправного должника (*ишкиль* или *баранта*), устанавливались денежные «композиции»⁵ по адату при посредничестве сельских мулл и российских офицеров в округах.

Идея Барятинского заменить шариат адатом провалилась. Сельские суды по-прежнему исходили из обычного и мусульманского права, что было закреплено законодательно в 1868 г.⁶ В Дагестанской области решения сельских старшин могли обжаловаться в месячный срок в девяти окружных народных судах, созданных при окружных начальниках. В юрисдикцию окружных судов входил также разбор тяжких уголовных и гражданских правонарушений. Апелляционной инстанцией для последних стал Дагестанский народный суд при генерал-губернаторе Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шура. Тяжбы горцев с русскими переселенцами решались по общим законам империи сначала в Дагестанском областном суде, а с 1875 г. в трех мировых отделах в Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровском.

В Терской и Кубанской областях были введены элементы военно-народного управления (подробнее см.: Абазов, 2014). Система адатно-шариатного правосудия была здесь не трех-, а двухуровневой. С 1869 г. в каждом сельском обществе учреждались выборные горские словесные суды. Члены окружных народных судов (созданных чуть раньше) не выбирались, а назначались властями округа. Уже в 1870 г. народные

5. Композиция – замена уголовного наказания штрафами в пользу родственников пострадавшего и сельской общины.

6. Первоначально проект Положения был издан литографированным образом только по-арабски для местной мусульманской элиты, вовлеченной в систему управления областью (Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фи табдир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахийя ва ли-л-джама'а. Порт Петровский, 1868). Русско-арабская билингва вышла только в 1898 г.

окружные суды были упразднены и заменены в 1871 г. на горские. Наряду с отдельными нормами адата и шариата последние использовали нормы российско-го права и процесса. В частности, при них была введена должность следователя. Для проведения судебных расследований учреждались участковые судебные отделы. В 1870-е — начале 1880-х гг. организация власти и общества обеих областей не раз менялась. В это время произошел отказ от военно-народного управления, сначала в пользу общегражданского, а вскоре — военного режима (Северный Кавказ ..., 2007. С. 198–200). Главной причиной провала проекта Барятинского на северо-западе и в центре региона оказалось *мухаджирство*. Большая часть мусульман Кубанской области эмигрировала в Османскую империю. Их земли были заняты переселенцами из России. К началу XX в. на Северо-Западном Кавказе горцы-мусульмане составляли меньшинство населения.

В последние годы существования наместничества территория, подвластная военно-народному управлению, немного расширилась. В 1880 г. в него вошли Карсская и Батумская области, оказавшиеся в составе России в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Здесь эта система получила название *военно-адатного управления*. Этим названием власти хотели подчеркнуть примат обычного права у местного немусульманского населения, в отличие от шариата у горцев-мусульман Дагестана и Абхазии. В обеих областях в состав «туземцев» было включено пришедшее христианское население (в основном армяне и грузины), переселившееся сюда из османской Турции. Подчинив эти области Кавказскому главному управлению, власти несколько расширили его, преобразовав в Кавказское военно-народное управление. Это

учреждение продолжало существовать и при главноначальствующих. Уже на закате «старого режима», в 1905 г., на Кавказе было восстановлено и наместничество. Это связано с событиями Первой русской революции, к которым мы еще обратимся ниже.

Опыт военно-народного управления, полученный на Северном Кавказе, был использован при покорении отдельных районов не только в Закавказье, но и в Средней Азии. Его идеи оказались вновь востребованы при организации правосудия и власти в Закаспийской области на территории современного Туркменистана. Эти земли были присоединены усилиями Кавказской армии и в 1881-1897 гг. подчинялись главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, а позднее туркестанскому генерал-губернатору. В завоевании новых территорий и установлении российской власти в Средней Азии участвовали военные, прежде служившие в системе военно-народного управления на Кавказе. Среди них прежде всего следует отметить генерала А.В. Комарова (некоторое время возглавлявшего Центр кавказского военно-народного управления, а в 1883 г. назначенного начальником Закаспийской области) и сменившего его в 1890 г. генерала А.Н. Куропаткина.

У туркмен Закаспийской области российские власти ввели народные суды, решавшие дела «на основании... обычаев», т.е. по адату и шариату, поставив их под контроль русских чиновников. Власть *кади*, в которых видели возможных зачинщиков мусульманского повстанчества, ограничили, оставив за ними лишь роль консультантов по шариату при народных судах. Основной податной и судебно-административной единицей здесь было общество (*аксакальство*) из одного или нескольких мелких, ближайших друг к другу селений или выселков, хуторов, имеющих об-

щие хозяйственные потребности по пользованию землей и оросительными каналами (*арыками*). Как и на Кавказе, это были два важнейших направления российских судебно-административных реформ в регионе, закрепленные в «Положении об управлении Закаспийской областью», которое не раз переиздавалось (порой значительно меняясь) в 1874, 1882, 1884, 1886 и 1890 гг. Чуть позже эти принципы российской политики вошли в «Положение об управлении Туркестанского края» (Свод законов ..., 1912. С. 427-446).

Власть над обществом передавалась сельским старшинам (*аксакалам*). На три года их выбирали на сельских сходах местные жители и затем утверждал начальник уезда. Как и на Северном Кавказе, в Средней Азии реформы создали новую общинную организацию, причем отличия ее от дореформенного мусульманского общества тут оказались еще значительнее. В Закаспийской области была создана своя иерархия народных судов. По § 230 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г., «народный суд составляют: 1) единоличные судьи, 2) съезды судей и 3) чрезвычайные съезды судей» (Свод законов ..., 1912. С. 427-446). Более серьезные уголовные и поземельные дела были подсудны съездам из пяти судей и одного кади. За работой съезда надзирал начальник уезда или пристав. Апелляции на их решения разбирались чрезвычайными съездами, собиравшимися раз в два года. В них входили семь судей из почетных жителей области, кади и русский офицер, следивший за работой съезда.

Системы, подобные военно-народному управлению, не составляют исключительной особенности дореволюционного российского Кавказа и Средней Азии. При внимательном изучении источников их несложно обнаружить и в других колониальных и за-

висимых странах, в частности в английских и французских колониях на Ближнем Востоке, в Индии, Северной Африке (подробнее см. Бобровников, 2010). По своему типу имеют немало общего с кавказским военно-народным управлением получившие широкое распространение «туземные» (англ. *native*) администрации, при которых управление «туземцами» было оставлено в руках местных элит, продолжавших с известными ограничениями и модификациями использовать системы обычного (и отчасти мусульманского) права, инкорпорированные в законодательство метрополии⁷. Истоки подобной системы косвенного управления (англ. *indirect rule*), похоже, нужно искать в Османской империи и зависимых от нее мусульманских государствах XVI-XVIII вв. Можно предположить, что и русские военные, применившие военно-народное управление на Кавказе, «учились» у турок, подобно англичанам и французам.

Опора на родовую общину

Создание системы управления Кавказским краем началось вскоре после осуществления в Центральной России крестьянской реформы 1861 г. Решение опереться на общину отмечает важный перелом в системе местного управления на Кавказе. Опорой имперского строительства на Кавказе Барятинский собирался сделать сельскую общину, о стабилизирующем влиянии которой много писалось в науке и публицистике того времени. К сходным выводам пришли российские правоведы, востоковеды, этнографы, привлеченные к подготовке реформ. Среди них можно назвать востоковеда и дипломата Н.В. Ханыкова, одного из создателей академического рос-

7. Ср., например: UNESCO General History of Africa. Vol. VII. Africa under Colonial Domination, 1880-1935. Berkeley, 1990. P. 143-152.

сийского исламоведения А.К. Казембека, крупного специалиста по мусульманскому праву Н.Е. Торнау, военных историков и этнографов-любителей генерала А.В. Комарова, барона К.Ф. Сталья и многих других. В какой-то степени Барятинский развивал идеи Ханыкова, с которым давно был хорошо знаком.

Покорение региона Российской империей шло одновременно с его научным освоением. После учреждения в середине XIX в. военно-народного управления его чиновники сохранили тесные связи с учеными. Кавказское начальство и ведущие научные учреждения региона разместились в Тифлисе. Еще в 1851 г. А.В. Головин учредил здесь Кавказский отдел Императорского русского географического общества (КОИРГО), первое из его региональных отделений (Knight, 2000). Во второй трети столетия правительство ежегодно выделяло КОИРГО 2000 руб. Наиболее плодотворным периодом его существования оказались 50-80-е годы XIX в. В Тифлисе издавались многотомные краеведческие альманахи: «Сборник сведений о кавказских горцах» (1868-1881), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1881-1915), «Известия КОИРГО» (1872-1917). Среди военных, в чьих руках оказалось управление горцами-мусульманами, было немало членов КОИРГО.

Большинство из них разделяло представление об архаичности общественного и правового устройства кавказских горцев. Известный русский историк права Ф.И. Леонтович находил в общественных и правовых институтах кавказских горцев «остатки от первобытного хищнического быта» (Леонтович, 2002. С. 18). Знаменитый социолог М.М. Ковалевский был твердо уверен, что основой общественного строя современных ему горцев остается «родовая община»

(Ковалевский, 2006. С. 14, 404). Исходя из этих установок, ученые советовали правительству сохранить сельскую общину и создать в регионе условия, благоприятные для возникновения у горцев гражданского сознания. Эти идеи нашли понимание и поддержку у целого ряда влиятельных российских военных первой половины XIX в.

Эти взгляды определили направление преобразований «туземного» общества. Мусульманские ханства и союзы общин Дагестана были разделены в 1858-1867 гг. на единообразные округа, наибства и сельские общества. В местном арабоязычном делопроизводстве последние продолжали именовать *джамаатами*, что не всегда учитывается историографией⁸. Джамаат превратился в бессловную общину (1868). В нее допускались свободные общинники (*уздени*) и уравненные с ними в правах освобожденные к 1867 г. рабы. Чтобы войти в сельское общество, знатные семьи из числа беков обязаны были подавать прошение окружному начальству.

Были созданы новые органы управления общиной, включавшие в себя старшину (*бегавул*) с помощниками и сельский суд в составе кади и знатков местного адата. Реформированный джамаат стал основным посредником между горцами и военными властями наместничества. Он отвечал за уплату налогов, поддержание правопорядка, выдачу разбойников и повстанцев, ремонт дорог и выделение подвод для нужд войск, проходящих по его территории. На территориях военно-народного и военного управления

8. Отечественные историки и этнологи Северного Кавказа, на мой взгляд, преувеличивают преемственность между дороссийской деревней и пореформенной общиной в регионе. Основой для такого заключения является анахроничное перенесение черт, выявленных полевыми обследованиями в пореформенной деревне последней четверти XIX-XX вв. на джамааты дороссийского Дагестана. См., например: Агларов, 1988. Критику такого подхода см.: Бобровников, 2002. С. 142-147.

мусульман освободили от воинского призыва. В армию и горскую милицию (жандармерию) принимали одних добровольцев.

Иной тип сельских обществ для туземцев-мусульман сложился в 1870 г. в Терской и Кубанской областях (Положение ..., 1896). Не затронутые эмиграцией в османскую Турцию туземцы переселялись в укрупненные селения (Бабич, Степанов, 2009. С. 21, 23). Институты сельского самоуправления были созданы тут по типу пореформенных общин Центральной России. Их возглавляли выбранные на сельских сходах старшины. Делами мусульман военноплеменного управления до 1881 г. ведало Кавказское горское управление при наместнике в Тифлисе (Северный Кавказ ..., 2007. С. 218-227).

В XX в. пореформенная община послужила основой советского и национального строительства (Бобровников, 2004. С. 586). По всему Кавказскому краю произошла унификация системы власти и права на всех уровнях. При этом сохранилась и внутрорегиональная мозаика.

Колония, автономия или продолжение метрополии?

В российской историографии до сих пор ведутся споры о том, можно ли считать дореволюционный Кавказ колонией (Северный Кавказ ..., 2007. С. 24,25; Бобровников, 2010). Они восходят к позднему имперскому времени. В конце XIX – начале XX вв. в дебаты о колониальном статусе региона включились представители местной мусульманской элиты. Получив европейское образование, они оторвались от местного общества, но так и не были приняты в высшее общество метрополии. Инженеры, медики, юристы и журналисты «из туземцев» претендовали на роль выразителей интересов колонии, требуя себе равных

с выходцами из метрополии прав. Между двумя русскими революциями они образовали мусульманскую фракцию Государственной Думы. Дети империи, порожденные и пришибленные ей, они выступали против военно-народного управления, видя в нем источник отсталости (Государственная Дума ..., 1910. С. 1490-1491).

Возвращаясь к спорам о колонизации в историографии, нужно признать, что завоевание Кавказа носило колониальный характер. Главным признаком колонии здесь был туземный статус населения, автономного, ущемленного в правах по сравнению с гражданами Центральной России. Он был отменен на Кавказе только в 1917 г. Массовая колонизация значительной части земель Закавказья и Северо-Западного Кавказа в последней трети XIX в. соединяла Кавказ с метрополией. Правда, на Кавказе переселенцы не имели перед мусульманами тех привилегий, какими обладали европейские колонисты, скажем, в британской Индии или во французском Алжире. Конечно, многое на русском Кавказе не поддается описанию в категориях колонии и метрополии. Точнее будет говорить о колониальных ситуациях и институтах в регионе. Это касается во многом режима военно-народного управления, охарактеризованного нами выше.

Вместе с тем особенностью Кавказского края был его неординарный и вместе с тем весьма неопределенный статус среди владений и территорий Российской империи. Кавказское наместничество было создано Николаем I как экстраординарное учреждение в условиях Кавказской войны (1844 г.). Через наместника, особо приближенного к императору, и Кавказский комитет они были включены в единую имперскую властную иерархию. Наместник управлял

Кавказским краем, в состав которого вошли все российские владения на Северном Кавказе и в Закавказье, включая Кавказскую область, преобразованную в 1847 г. в Ставропольскую губернию, и Кавказскую линию. В административном плане Кавказ был отделен от Поволжья. В руках наместника была сосредоточена высшая гражданская и военная власть. Он также мог изменять общие законы империи применительно к условиям региона. Наместник являлся главнокомандующим Кавказской армией, руководил войсками и укреплениями Кавказской линии. Наместник имел право решать на месте все вопросы, не превышающие власти министра, т.е. фактически был уравнен в правах с министрами. Он не был подотчетен ни одному из центральных министерств и ведомств. По вопросам, выходящим за пределы министерских полномочий, он должен был обращаться в Кавказский комитет, а по вопросам военного или внешнеполитического характера — лично к императору.

Для оперативной связи Тифлиса (Кавказского наместничества) с Петербургом служил Кавказский комитет. В системе центральных органов власти России он представлял собой экстраординарное учреждение. Аналогичную роль в империи играли территориальные комитеты, через которые осуществлялось управление окраинами империи: два Сибирских, по делам Западных губерний, Западный, Комитет по делам Царства Польского (1864-1881). В компетенцию Кавказского комитета входил разбор изъятых из ведения Комитета министров гражданских дел Кавказского края. Он почти полностью дублировал состав Комитета министров. В комитет направлялись ежегодные отчеты наместника, сметы бюджета региона. Он также курировал вопросы торговли, промышленности

и сельского хозяйства, землевладения, переселений, народного образования и здравоохранения (Северный Кавказ ..., 2007. С. 188-189, 217). Чиновники Кавказского комитета назначались императором.

Пик деятельности Кавказского комитета пришелся на наместничества Воронцова и Барятинского. Комитет никогда не становился между царем и наместником и нередко лоббировал интересы последнего в правительстве. В период «Великих реформ» в наместничестве также начались преобразования. Их душой стал князь Барятинский. Резко расширены были права наместника. В 1858 г. при нем было создано Главное управление с департаментами внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ. Вся власть продолжала сосредотачиваться в руках наместника. Совет Главного управления, позднее преобразованный в Совет наместника, обладал лишь совещательными полномочиями. По существу аппарат управления в наместничестве копировал центральный. Дальнейшее усиление власти наместника и обособление его от центрального имперского правительства продолжалось при великом князе Михаиле Николаевиче.

Серьезные перемены в организации власти на Северном Кавказе произошли после убийства в марте 1881 г. императора Александра II, с началом контрреформ Александра III (1881-1894 гг.). В правительстве уже давно велись споры о чрезмерной дороговизне для империи кавказской администрации и опасности концентрации власти в наместничестве. Однако великий князь Михаил Николаевич пресекал все попытки урезать свои полномочия. В 1881 г. он стал председателем Государственного Совета (1881-1901 гг.), в связи с чем покинул Кавказ и сложил с

себя звание наместника. В Петербурге побоялись передать кому-либо другому пост, облеченный столь широкими полномочиями. Кавказское наместничество было упразднено. Наместника заменил главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. Первым на эту должность был назначен бывший киевский генерал-губернатор кн. А.М. Дондуков-Корсаков (1882-1890 гг.). Вместе с наместничеством был распущен Кавказский комитет в Петербурге (Северный Кавказ ..., 2007. С. 202).

Тогда же на Кавказе началась волна контрреформ, направленных против наследия наместничества, в частности, военно-народного управления. Были сокращены его штаты, канцелярию наместника заменили Советом главноначальствующего (1883). Оставаясь командующим войсками Кавказского военного округа и наказным атаманом казачьих войск, главноначальствующий уже не был напрямую связан с царем. Высшая петербургская бюрократия пыталась упразднить и систему военно-народного управления, но не преуспела в этом. Несмотря на резкую критику горских судов и военных чиновников со стороны представителей петербургской бюрократии, кончая ревизией 1905 г. Н.М. Рейнке, режим военно-народного управления продолжал действовать до 1917 г. Кавказский край по-прежнему поглощал немалые средства. Только в одном 1885 г. на содержание учреждений военно-народного управления казна выделила 514.114 руб. (Записка ..., С. 51). В начале первой русской революции (1905 г.) Петербург пошел на воссоздание наместничества, пытаясь возместить его учреждением общее ослабление имперской власти на окраинах. Оно просуществовало до гибели старого режима в феврале 1917 г.

Некоторые выводы вместо заключения

В свете приведенных выше материалов можно сделать ряд наблюдений. Военно-народное управление в Российской империи отнюдь не списывалось с английских и французских колониальных образцов. Первые опыты по его использованию относятся к самому началу XIX в., когда подобные системы еще не были разработаны ни англичанами, ни французами. К тому же в более позднее время англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата из российской кавказской практики. Очевидно, правильнее говорить об обмене опытом колониального управления между великими державами. Общим стереотипом эпохи колониальных империй было представление о «бремени белых» на Востоке. Ориентализм был в XIX в. общеевропейским дискурсом власти и описания колонизуемого общества, разделяемом различными колониальными державами. В большинстве случаев колонизация начиналась с завоевания и «умиротворения опасных дикарей». Наконец, косвенное управление было распространено на начальной стадии целого ряда колониальных империй. В системах такого военно-народного управления заметны местные региональные влияния. Источники показывают, что русские «учились» у турок и иранцев, которым принадлежала часть Северного Кавказа и Закавказья. Выходцы из правящих элит иранского и османского Закавказья переходили на русскую службу (Колониальная политика ..., 1937. С. 93, 105-107, 111, 115, 185). По мере колонизации европейцы реформировали османскую систему косвенного управления.

Вместе с тем нельзя однозначно определять тип интеграции горцев Кавказского края в Российскую империю как разновидность колониализма. Точнее

будет говорить о сменявшихся и дополнявших друг друга колониальных и неколониальных ситуациях на мозаичной имперской окраине. Военная оккупация колонируемых территорий неизбежно вела к передаче власти и управления в руки военных со всеми вытекающими из этого последствиями. Трансфер моделей имперских реформ шел через ученых, публицистов, дипломатов и военных. С включением региона в состав России к их изучению подключились профессиональные ученые. Основным предметом их научных изысканий стала сельская община. Общие установки позитивистской науки последней трети XIX в. заставляли видеть в ней осколок первобытного быта и одновременно зародыш будущего устройства человечества. Не нужно, однако, представлять военных краеведов и этнографов эпохи империй в виде простых исполнителей «социального заказа» колонизаторов. Связи науки и политики были очень непросты. С результатами ученых изысканий власти колониальной периферии и метрополии нередко знакомились из популярных переложений в публицистике. Важным каналом связей были также переводы на русский язык работ французских ориенталистов.

Список литературы

Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик, 2014.

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988.

Бабич И.Л., Степанов В.В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии, 1860-1990-е годы. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009.

Бобровников В.О. Современный мир глазами феллаха (Северная Африка XIX-XX вв.). М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: «Восточная литература», 2002.

Бобровников В.О. Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2004. № 3.

Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. // *Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия* / Под ред. М.Ю. Мартынова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006.

Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares*. Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: НЛО, 2010.

Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (Ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин России) // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / Отв. ред. Д. Сдвижков, И. Ширле. Т. II. М.: НЛО, 2012.

Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис, 1907.

Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия третья. Ч. I. СПб., 1910.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глаголь, 1995.

Долбилев М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010.

Живописная Россия, отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общей ред. П.П. Семенова. Т. IX. Кавказ. М.: Надыршин, 2008 (репринт изд.: М., 1898).

Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края // Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (Махачкала). Ф. 5. Оп. 1. Д. 89.

История XIX века / Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Пер. с фр. под ред. Е.В. Тарле. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1938.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Майкоп: Афиша, 2006 (репринт изд.: М., 1890).

Колониальная политика русского царизма в Закавказье в 1820-1860-е гг. / Сост. и отв. ред. И.П. Петрушевский. Ч. I. М.-Л.: Академия наук СССР, 1937.

Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Вып. I. Нальчик: Эль-Фа, 2002. (репринт с изд.: Одесса, 1882).

Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.

Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении о повинностях государственных и общественных в Терской и Кубанской областях. Владикавказ, 1896.

Проект положения об управлении Дагестанской областью // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. XII. Тифлис, 1904.

Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1912.

Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. Бобровников В.О., Бабич И.Л. М.: НЛО, 2007.

Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фитабдирумари-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахийя ва ли-л-джама'а (Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области, араб.). Порт Петровский: Типография штаба Кавказской армии, 1868

Knight N. Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*, 2000. Vol. 59. No. 1.

Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Said E.W. Orientalism. 5th ed. L.: Penguin Books, 2003.

Птицын Андрей Николаевич¹

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ИММИГРАНТЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Кавказский регион, как и Россия в целом, во второй половине XIX – начале XX в. переживал период успешной социально-экономической и культурной модернизации. Агентами и движущими силами модернизации были определенные слои населения – интеллигенция, предприниматели, промышленные рабочие и т.д. Заметный вклад в дело модернизации России внесли также иностранцы, знакомившие нашу страну с передовыми европейскими открытиями и технологиями.

Особенно велика была «модернизационная» роль иностранцев на окраинах Российской империи, где господствовали архаичные общественные структуры, в том числе, на Кавказе. Ряд новаций, способствовавших экономическому и культурному развитию региона, был связан с деятельностью управленцев, специалистов и предпринимателей зарубежного происхождения. Согласно данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., на Кавказе доля иностранцев среди всего населения была самой высокой по сравнению с другими регионами Российской империи.

¹ К.и.н., доцент кафедры археологии и всеобщей истории СКФУ, Ставрополь.

Среди иностранцев, прибывавших на Кавказ, доминировали выходцы из двух азиатских (Персии и Турции) и двух европейских стран (Германии и Австро-Венгрии).

Оказавшись на Кавказе, европейские иммигранты вступали в многообразные контакты с местным населением и русскими переселенцами. Они становились участниками многостороннего культурного диалога, который вел к духовному обогащению всех его участников. В свою очередь, иностранные переселенцы также становились объектом культурного влияния со стороны русского и кавказских народов. Они изучали русский язык и местные языки, знакомились с достижениями местной материальной и духовной культуры, заимствовали опыт местных народов в период адаптации к новым условиям.

Процесс взаимного культурного влияния можно проследить на примере австро-венгерских переселенцев, которые стали активно переселяться на Кавказ после завершения Кавказской войны. Впрочем, отдельные выходцы из Австрийской монархии появлялись в регионе и раньше. Так, например, чех Иван (Ян) Прибиль с 1819 г. по 1866 г. служил врачом, а затем начальником Тифлисского военного госпиталя. Он также известен как первооткрыватель знаменитых минеральных вод «Боржоми» (Хубуа, 2010).

На рубеже 1860-1870-х гг. на Черноморском побережье Кавказа, в районах Новороссийска, Анапы и Туапсе, было основано около десятка чешских колоний. Туда непосредственно из Австро-Венгрии прибыло до тысячи чехов, привлеченных бесплатными земельными наделами, предоставляемыми переселенцам. В последующие годы австро-венгерская миграция на Кавказ направлялась преимущественно

в города, куда переселялись торговцы, фабриканты, инженеры, техники, квалифицированные рабочие, служащие, учителя, музыканты и т.д.

Австро-венгерская миграция в Россию, в целом, и на Кавказ, в частности, носила экономический, трудовой характер. Ее участники отправлялись на восток в поисках заработка, возможностей для ведения торговли и иной предпринимательской деятельности, открытия собственного дела, приобретения собственности и т.д. Российские власти и российское общество, как правило, оказывали австро-венгерским переселенцам, прежде всего, славянам, благосклонный прием.

Согласно данным Всероссийской переписи 1897 г., всего на Кавказе проживало 2111 подданных Австро-Венгрии и 2573 уроженца этой страны. В то же время, чехов и словаков тогда на Кавказе насчитывалось 3360 человек. Разница в этих показателях объяснялась тем, что часть переселенцев (прежде всего, колонистов) к тому времени уже приняла российское подданство, что свидетельствует об их успешной адаптации. Распределение австро-венгерских выходцев по кавказским губерниям и областям было неравномерным. 60 % от их общего количества проживало на Северном Кавказе, 40 % – в Закавказье. Больше всего эмигрантов было зафиксировано в Черноморской губернии и Кубанской области – двух регионах чешской колонизации. В то же время, около половины австро-венгерских переселенцев, находившихся в кавказском регионе, относилось к горожанам. Так, в 1897 г. в Новороссийске проживало 100 чехов, в Екатеринодаре – 73, в Анапе – 52, в Майкопе – 22, в Ейске – 20, в Ставрополе – 42, во Владикавказе – 33, в Пятигорске – 24, в Грозном – 12. Среди пересе-

ленцев преобладали мужчины, что было связано с их большей социальной мобильностью².

К началу Первой мировой войны численность австро-венгерских подданных в России выросла по сравнению с 1897 г. почти в два раза — в основном, за счет притока новых переселенцев, а также вследствие естественного прироста. В своем подавляющем большинстве иммигранты представляли славянские народы Австро-Венгрии. Преобладали среди переселенцев чехи, за ними следовали словаки, русины, словенцы. Также среди австро-венгерских иммигрантов на Кавказе были представлены немцы и евреи.

Наиболее значимую роль в межкультурном диалоге сыграли австро-венгерские учителя. Кавказский учебный округ не имел собственного университета, поэтому испытывал постоянный дефицит преподавательских кадров. Этот дефицит восполнялся, во многом, за счет приглашения зарубежных специалистов.

На основании архивных и опубликованных материалов общая численность австро-венгерских учителей, работавших на Кавказе в период с 1870 г. по 1917 г., определяется примерно в 60 человек. Среди них больше всего было филологов (26 человек). По национальности они были чехами (14 человек), русинами (7 человек), словаками (3 человека), хорватами и словенцами (по одному человеку). Кроме того, 17 чехов преподавали в кавказских учебных заведениях музыку, 14 чехов вели уроки гимнастики, отдельные чехи также проводили занятия по другим предметам.

2. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб. 1905. Т. II. С. 122-123, 228; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь 2. СПб. 1900. С. 25; Т. LXV. Кубанская область. СПб. 1905. С. 61; Т. LXVII. Ставропольская губерния. СПб. 1905. С. 42-43; Т. LXVIII. Терская область. СПб. 1905. С. 58-59. .

Австро-венгерские педагоги преподавали в кавказских гимназиях древние языки (латинский и греческий) и новые европейские языки (французский и немецкий). Так, в Ставропольской гимназии древние языки в разное время преподавали чех И.И. Гейцман, хорват А.Ф. Якшич и русин Н.Г. Лопатинский, а новые языки – словенец А.Я. Юртела. Руководителями Пятигорской прогимназии, а затем гимназии были русин Л.Г. Лопатинский и чех О.О. Чебиш. Древние языки пятигорским гимназистам преподавал уже упомянутый выше чех И.И. Гейцман, новые языки – чехи И.И. Неглеба, И.В. Томек и Л.А. Лат (Птицын, 2011; Он же, 2014).

Учителя древних языков знакомили российских гимназистов с сокровищами античной культуры, приобщали их к фундаментальным культурным ценностям. Привлечение же в качестве преподавателей новых языков иностранцев, их носителей, бывшее нормой в дореволюционной России, обуславливало хороший уровень владения французским и немецким языком выпускниками российских учебных заведений. Программы преподавания, как древних, так и новых языков строились таким образом, что обучение в значительной степени основывалось на изучении произведений древних и зарубежных писателей и мыслителей.

Работавшие на Кавказе учителя занимались и научными исследованиями. Так, заметный вклад в изучение кавказских языков внес русин Лев Григорьевич Лопатинский (1842-1922 гг.). Сразу же после окончания Львовского университета он эмигрировал в Россию и работал преподавателем латинского и немецкого языков в различных гимназиях Царства Польского, Украины и Урала. С 1883 по 1889 г. он являлся инспектором Пятигорской прогимназии, а за-

тем почти три десятка лет, вплоть до 1917 г., занимал должность инспектора Кавказского учебного округа, много сделал для развития образования в регионе.

Особое внимание Л.Г. Лопатинский уделял подготовке образованных людей из числа горцев, способствовал их привлечению в российские учебные заведения, помогал в адаптации и выборе дальнейшей карьеры. Он живо интересовался языками и культурой кавказских народов. Л.Г. Лопатинский, будучи ученым-филологом, составил и опубликовал одну из первых грамматик кабардинского языка и русско-кабардинский словарь. Эти работы имели большое научное значение, и, кроме того, сыграли важную роль в деле просвещения горцев, приобщения их к русскому языку и культуре. В частности, они использовались в начальных горских школах, где обучение шло на родном языке. Кроме того, Л.Г. Лопатинский опубликовал несколько работ, посвященных языкам и культуре кабардинцев, кумыков и других народов.

На протяжении многих лет он являлся редактором периодического научного издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», которое издавалось управлением Кавказского учебного округа. Оно содержало разнообразные материалы по археологии, этнографии, истории народов Кавказа, в нем публиковались памятники народного творчества кавказских народов. Многие из этих публикаций не потеряли своего значения до наших дней. Так, например, в одном из выпусков «Сборника» Л.Г. Лопатинским были впервые опубликованы тексты знаменитого Нартского эпоса (на кабардинском языке с русским построчным и литературным переводом), которые записал его бывший ученик по Пятигорской прогимназии кабардинец Т.П. Кашежев. Л.Г. Лопатинский отредактировал более двадца-

ти выпусков «Сборника» и также опубликовал в них свои основные работы. В настоящее время он признан в качестве одного из основоположников адыгской филологии и фольклористики (Бекоева, Кусова, 2010. С. 52-54).

Во многих учебных заведениях Кавказа работали чешские учителя музыки. В основном это были капельмейстеры военных оркестров многочисленных воинских частей, расквартированных в регионе. В гимназиях они работали «по совместительству», а также руководили городскими оркестрами и давали частные уроки музыки. Среди чешских музыкантов, работавших в учебных заведениях Северного Кавказа, можно назвать С.Л. Шварца (Ставрополь), Л.Г. Штейнера (Пятигорск), И.И. Хораусека и И.Ф. Трсека (оба – Майкоп), Ф.В. Маченко (Грозный), Э.Ф. Касана (Екатеринодар), М.П. Пашека (Новороссийск) и других. Кубанский войсковой хор в разные годы возглавляли чешские музыканты И.Ф. Галашек и И. Дуда, дирижером Екатеринодарского симфонического оркестра был чех К.А. Воут, оркестра в Армавире – чех К. Скала и т.д. Таким образом, чешские музыканты внесли свой вклад в развитие музыкального образования и музыкальной культуры на Северном Кавказе (Личный состав ..., 1904. С. 234-235, 250-251; Пукиш, 2010. С. 86,91).

Чешские специалисты также способствовали развитию физкультурного и гимнастического образования в регионе. До конца XIX в. учителями гимнастики в российских учебных заведениях были, как правило, отставные и действующие военные, которые преподавали школьникам приемы военного строя, мало подходившие для физического развития детей. Положение стало меняться после того, как в Россию начали приглашать чешских преподавателей гимна-

стики, получивших подготовку в рамках знаменитого чешского физкультурного общества «Сокол». Участники этого общества разработали собственную систему т.н. «сокольской» гимнастики, передовую по тем временам.

Впервые в России чешских «соколов» пригласило руководство Кавказского учебного округа. В первой половине 1890-х гг. к работе в гимназиях и училищах Тифлиса приступили «соколы» Б. Потучек, Ю. Грумлих и А. Лукеш. Затем чешский преподаватель физкультуры (Ф. Ольшаник) появился в Москве. Третьим российским городом, где стала преподаваться «сокольская» гимнастика, стал Ставрополь. В 1897 г. в Ставропольскую гимназию был приглашен «сокол» К.В. Гавелка, который в дальнейшем проработал в ней более 20 лет³. В начале XX в. чешские учителя физического воспитания появились также в других городах Северного Кавказа.

Чешские ученые внесли свой вклад в изучение природных богатств Северного Кавказа. Чешские агрономы, отец и сын Федор и Ярослав Гейдуки, много сделали для изучения Черноморского побережья Кавказа в сельскохозяйственном отношении. Примечательно, что под непосредственным руководством Ф. Гейдука в удельном имении Абрау-Дюрсо были заложены первые виноградники и изготовлено первое российское шампанское. А геолог из Пражского университета И. Кучера открыл в районе Новороссийска залежи самородного цементного материала (мергеля), которые разрабатываются до сих пор (Пукиш, 2010. С. 70-71, 268).

Чешские колонисты, поселившиеся на Черноморском побережье Кавказа, принесли в этот регион передовые земледельческие технологии и интенсив-

3. ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1248. Л. 3-4.

ные методы хозяйствования, которые заимствовались затем местным населением. В отчете черноморского губернатора за 1897 г. отмечалось: «Смотря по народности, поселяне внесли в местное полеводство свои особенности, более или менее подошедшие к местным условиям, а затем ставшие достоянием других поселян. Так, несомненной заслугой чехов-поселенцев является введение удобрения полей и легкого плуга, столь важного для почв западной части губернии. Греки принесли с собой табаководство, но и на этом поприще были побеждены чехами» (Пукиш, 2010. С. 62).

Поселившиеся на Кавказе чешские колонисты в чем-то перенимали опыт ведения сельского хозяйства у других народов, а в чем-то учили их сами. Так, чехи уже на Кавказе научились выращивать табак, закладывать виноградники, молотить зерно с помощью катков и т.д. В то же время, именно чехи научили местное население выращивать картофель, удобрять поля навозом, использовать качественные семена и сельскохозяйственную технику (Пукиш, 2010. С. 63).

Австро-венгерские предприниматели, действовавшие на Северном Кавказе, знакомили российское общество с европейскими традициями предпринимательства, передовой предпринимательской культурой и этикой. Их деятельность способствовала возникновению новых предприятий и целых отраслей промышленности (например, пивоварения), внедрению новых технологий и т.д.

Австро-венгерские переселенцы, проживая в иноязычном окружении, стремились сохранить свой язык, культуру, традиции. В крупных чешских колониях были открыты русские школы, но «на общественных началах» там преподавали и чешский язык.

В крупных городах Кавказа действовали чешские землячества, связующим звеном для переселенцев также являлись физкультурные «сокольские» общества (такое общество, например, в 1912 г. было открыто в Екатеринодаре). В Ростове-на-Дону в 1911 г. было основано Австро-Венгерское вспомогательное (благотворительное) общество, распространявшее свою деятельность на весь Северный Кавказ (Пукиш, 2010. С. 88-89).

В то же время, постепенно австро-венгерские переселенцы подвергались ассимиляции. Если первоначально они стремились вступать в брак только в своей среде, то постепенно среди иммигрантов-горожан получили распространение межнациональные браки. Получил большой размах процесс смены подданства, особенно, среди чехов. К 1897 г. иностранное подданство сохраняли в Черноморской губернии всего 17 % чехов, а в Кубанской области — 37 % чехов. Часть чехов также сменила и религиозную принадлежность, перейдя из католичества в православие. По данным переписи 1897 г. православными являлись 36 % чехов Кубанской области и 10 % чехов Черноморской области⁴.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX столетия на Кавказе сформировалась значительная австро-венгерская переселенческая община. Входившие в нее иммигранты вступили в многообразное социальное и культурное взаимодействие с другими народами, населяющими данный регион. Это взаимодействие было, как правило, плодотворным и взаимно обогащающим всех участников.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь 3. СПб. 1900. С. 78, 105; Т. LXV. Кубанская область. СПб. 1905. С. 142-143, 236.

Список литературы

Бекоева Т.А., Кусова Л.Б. Просветительская деятельность Л.Г. Лопатинского в Северо-Кавказском регионе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2010. № 4.

Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1904 г. Ч. 1. Тифлис, 1904.

Птицын А.Н. Чешские учителя в дореволюционной России // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2011. № 1. С. 243-247.

Птицын А.Н. Русины и словаки на службе в Кавказском учебном округе в конце XIX – начале XX века // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 8. К 60-летию профессора Э.Г. Вартаньян. Краснодар, 2014. С. 139-148.

Пукиш В.С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868-2010. Ростов-на-Дону, 2010.

Хубуа М. Чешский врач и колыбель грузинской куртологии // Вечерний Тбилиси. 2010. 16 июня.

Арешев Андрей Григорьевич¹

АРМЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО В РОССИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ²

Армянские поселения на территории Российской Федерации, и, в частности, на Северном Кавказе, стали неотъемлемой частью исторического и культурного богатства страны, традиционно являясь весомым фактором общественно-политической стабильности и экономического развития многих российских регионов. Как в начале XX века, так и на излёте существования Советского Союза, следствием драматических событий на исторической родине армян (Первая мировая война и нагорно-карабахский конфликт) неизменно являлся подъём общественно-политической и экономической активности армянских общин в помощь беженцам и вынужденным переселенцам.

Исторические факты, демонстрирующие способность армянских общин к позитивному взаимодействию с другими этническими группами в экономической и политической сферах, благотворно влияют на общественное мнение и нуждаются в дальнейшей популяризации. Однако «стрессовые» миграции, вызванные разными обстоятельствами (например, после распада Советского Союза — разруха и неопре-

1. Научный сотрудник Центра изучения Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, главный редактор сайта kavkazoved.info, Москва.

2. Доклад не был зачитан на конференции и представлен позже.

делённость 90-х годов, когда российско-армянские взаимоотношения едва ли не в одночасье межгосударственными) не могли не привести в российско-армянские отношения (включая их «бытовое» измерение) дополнительные грани, и отнюдь не всегда позитивные. В условиях же интенсификации миграционного обмена между Российской Федерацией и Республикой Армения и более плотного взаимодействия армян с этническими группами, традиционно проживающими во многих регионах России, апелляция к историческому опыту оказывается явно недостаточной, тем более, что некоторые мигранты руководствовались собственными нормами поведения, а многие представители принимающих сообществ не выделяли армян из общей массы переселенцев с Кавказа.

С распадом СССР на территории постсоветских стран начался непростой процесс реструктуризации существующих и образования новых армянских общин. Этнический состав ряда территорий (в частности, на Северо-Западном Кавказе) претерпел существенные изменения вследствие притока переселенцев и беженцев с территорий Азербайджана, Нагорного Карабаха, а также самой Армении, и эти мигранты по ряду параметров значительно отличались от старожильческого армянского населения. Вследствие ряда объективных и субъективных причин недавние переселенцы не имели опыта и традиций в организации общинной жизни и эффективном функционировании диаспорных организаций в иноэтническом окружении. Более того, для части из них (при этом части весьма значительной) приоритетом стала интеграция в российский социум. Несмотря на то, что СМИ приводят немало соответствующих фактов, говорить в целом об ущемленности россиян

армянского происхождения в нашей стране не приходится, даже если брать ситуацию в Краснодарском крае, где межнациональные отношения еще недавно были довольно напряженными. Практически повсеместно в России по основным и определяющим социально-культурным параметрам армяне-россияне находятся примерно на одном уровне с русскими (Арутюнян, 2010. С. 93).

Конечно, в условиях иноэтнического окружения и под влиянием универсальной урбанистической культуры, национальные традиции подвергаются значительной трансформации. Вместе с тем, сохраняется их основной стержень, позволяющий говорить о сохранении и воспроизводстве этнической идентичности армян, их этнических предпочтениях, позитивном восприятии своей национальной принадлежности (включая молодежь). Относительно низкий уровень разводимости, значительное число семей, где воспитанием детей заняты не только родители, но и дедушки с бабушками, развитость национального самосознания, этнических традиций, тесные семейно-родственные связи вселяют надежду на устойчивый характер связей между поколениями. Особым вопросом является положение армянских трудовых мигрантов в России, формирующих значительную часть материальной базы потребительского спроса в Республике Армения и Нагорном Карабахе. Данная проблема имеет хорошие шансы на долгосрочное урегулирование в рамках продвижения Армении к Евразийскому экономическому союзу и последовательного укрепления двусторонних российско-армянских отношений.

Армянское сообщество России (устоявшийся в литературе, но не имеющий чёткого определения

термин «диаспора» мы используем с известной долей условности) весьма неоднородно как в социальном, так и в этнокультурном смысле. Так, большая часть армян, обосновавшихся в России в советское время, адаптирована в правовом и социально-экономическом плане. Значительную же часть тех, кто приехал в РФ в конце 1980-х — в 1990-е гг., составляли лица с неопределённым гражданским статусом, испытывающие затруднения в трудоустройстве и другие социально-экономические проблемы. Как следствие, создаваемые ими объединения носят характер адаптационных центров, в которых этнокультурные и политические задачи отходят на второй план. Второй президент Армении Роберт Кочарян в 2000 году обращал внимание на тот факт, что «...Наличие спюрка — огромной диаспоры — также оказывает воздействие на рост числа эмигрантов. Ведь армянам оказывается проще осесть на новом месте — уже существующая диаспора способствует этому, помогает на новых местах обустроиться, быстро найти работу»³.

Данная инфраструктура имеет сложный и многоуровневый характер, большая часть её является неформальной и трудно различимой извне. Родственники, соседи, земляки формируют те сети (публично заявляющие о себе организации являются только одной из их составляющих), посредством которых распространяется информация, оказывается поддержка, распределяются ресурсы. На их основе функционируют отношения различной степени соподчинённости (партнерские или по принципу «патрон — клиент»), осуществляются связи с государственными и социальными структурами принимающей страны (Мелконян, Дятлов, 2009. С. 30).

3. Известия. 2000. 22 сентября.

Именно среди армянских эмигрантов 1990-х гг. было немало тех, кто сумел создать финансовые, коммерческие структуры и активно участвует в продвижении экономических интересов, правда, не столько Армении, сколько отдельных кланов из числа армянской диаспоры. При этом надо понимать, что значительная часть армян, проживающих в России, негативно относится к руководству Республики Армении и новой армянской элите, считая ее некомпетентной и коррумпированной. Распространены представления о том, что политическая и деловая элита РА искусственно сдерживает контакты с диаспорой в России, ограничивает возможности влияния российских армян на ситуацию в Армении, считая их конкурентами, воспринимая диаспору как «дойную корову».

Достаточно прочные позиции в малом, среднем и частично крупном бизнесе дополняются активностью некоторых армянских предпринимателей, выступающих инициаторами создания различных общественных организаций в том числе — в форме национально-культурных обществ и автономий. Руководящее положение в юридически оформленных структурах, являющихся неотъемлемой частью российского гражданского общества, является значительным социальным и экономическим ресурсом. Ещё более значительный ресурс (особенно на региональном уровне) — высокий статус в местном обществе, признанное место в формальной и неформальной иерархии, прямые выходы на представителей власти (Мелконян, Дятлов, 2009. С. 31).

Конечно, направления миграционных потоков из Армении в различные регионы России нельзя считать случайными, игнорируя факт нахождения армян и русских в составе единого государства на

протяжении нескольких веков. Переселенческие потоки складывались в течение длительного времени и поддерживаются в настоящее время. Для каждого района Армении складываются «свои» регионы России. Помимо Москвы, Санкт-Петербурга и Юга России, немаловажное место в последние десятилетия занимают Новосибирск, Омск, Челябинск, Томск, Красноярск, Тюмень, Оренбург, Нижний Новгород, Саратов, Пенза, Уфа, Самара, Казань, Владивосток, Архангельск и многие другие города и субъекты Федерации. Например, трудовые мигранты из Ширака и Гегаркуника выезжали на территорию РСФСР начиная с 1950-х годов, со временем некоторые оставались на постоянное местожительство. Мигранты «первой волны» создали на местах широкую сеть социальных связей, которая уже в 1990-е годы определила направление миграционных потоков оставшихся в Армении родных и знакомых. Выезжая в Россию, более половины мигрантов ориентировалось на проживающих в российских регионах родственников, друзей и знакомых, которые, обустроившись на новых местах, затем вызывали их к себе для совместной работы. Подобный механизм цепной миграции с опорой на широкие этнические сети и сегодня определяет направление современных миграционных потоков из Армении (Армяне, 2012. С. 524).

Сегодня армяне, относящие себя к «коренным россиянам» (в частности, многие из тех, для кого русский язык является родным), зачастую достаточно насторожено относятся к мигрантам постсоветского периода, предполагая наличие в их среде криминальных личностей и групп, чья деятельность отрицательно влияет на отношение русского населения и властей к выходцам из республик Закавказья. Этнокультурная неоднородность армянской диаспо-

ры проявляется в некотором разделении по субэтническому (земляческому) признаку, а также в наличии определённой дистанции между выходцами из Армении и из других республик бывшего СССР (особенно – Азербайджана).

В России «азербайджанские» армяне оказались во многом обособленными от армян из Армении и Карабаха, группы которых пополнялись в русской провинции главным образом вследствие катаклизмов первых постсоветских лет. Первый из двух больших миграционных потоков карабахцев составили беженцы из зоны боевых действий во время Карабахской войны. Второй последовал уже после завершения открытой фазы военных действий. В составе российской диаспоры карабахские и «армянские» армяне сегодня представляют собой существенно отличающиеся (хотя, безусловно, и не изолированные) друг от друга группы. В свою очередь, группа армян Армении не вполне однородна, включая выходцев из различных районов республики.

Акцент на культурной и социальной гетерогенности в ряде работ вовсе не случаен. Сторонники подобного подхода указывают на то, что определённая внутренняя разделённость диаспоры позволяет лучше понять степень и формы адаптации к новой среде. Например, правдоподобным выглядит утверждение, что городские армяне из Азербайджана («бакинцы») в силу условий социализации и высокого образовательного статуса изначально были более привычны к ино- и мультиэтнической среде, более склонны к контактам в российском обществе, тогда как выходцы из Армении и Нагорного Карабаха под действием прямо противоположных факторов могут в большей степени замыкаться в своих «этнических сетях» (Фирсов, 2008).

Действительно, определенный процент в среде армянских общественных и культурных объединений Москвы составляют бакинские армяне, в то время, как недавние выходцы из Еревана в большей степени занимаются проблемами, связанными с личным обустройством, бизнесом и т.д. «Особой кастой» называют армян-выходцев из Тбилиси, Центральной Азии и некоторых других районов. Выходцы из Нагорного Карабаха склонны создавать свои собственные общинные структуры и «землячества», и довольно подозрительно относятся к выходцам из других областей Армении. Они критикуют представителей других армянских организаций, упрекая их в слабом знании карабахской проблематики и неумении вести диалог с противоположной стороной, что до некоторой степени проецируется и на государственные структуры. Между тем, карабахская проблема оказывает значительное влияние на умы и сердца проживающих в России армян и азербайджанцев, отношения которых в случае возобновления военной фазы конфликты будут представлять для российских властей серьёзный вызов (вообще, процессы «политизации» диаспор невозможно не учитывать, о чём мы ещё скажем ниже).

Представляется, что условный «субэтнический-реалистический» подход способен выявить и до некоторой степени описать сложный и зачастую турбулентный характер процессов, протекающих в армянском сообществе России. Особенности социокультурной адаптации представителей различных подгрупп предлагается анализировать по отдельности, в значительной степени игнорируя пока только намечающуюся целостность диаспоры. Данное допущение, безусловно, представляет ценность в контексте

выработки адекватных подходов, исходя из специфики каждого конкретного российского региона. Важно это и в плане формирования адекватных общественных настроений: скажем, то, что в России ошибочно считают «общенациональной солидарностью», в большинстве случаев является в лучшем случае солидарностью семейно-клановой, а во многих случаях и эта солидарность является мифом. Однако за частностями не следует упускать несомненного этнического единства, общего исторического опыта, характерного для армянской диаспоры вне зависимости от страны проживания. Парадоксальным образом даже в Турции, не говоря уж о других странах, армяне неизменно занимают позицию лояльности и даже иногда более явного усердия в укреплении государственности, чем иные этноконфессиональные группы населения. Это связано с глубоким осознанием своей приверженности к творческому освоению мира и пониманию, что создание и культурное совершенствование могут происходить исключительно в условиях прочного социального порядка, мира и стабильности (Григорьян, 2013. С. 63).

Важной составляющей культурно-цивилизационной общности России и Армении, русских и армян, является их конфессиональная близость, выражающаяся, в частности, в наличии святых, почитаемых как Русской православной церковью, так и Армянской апостольской церковью. Распространенным также является аргумент, связанный с необходимостью реанимации единого культурного пространства СССР, в рамках которого были бы защищены права всех этнокультурных общностей, так или иначе внесших свою лепту в единую интернациональную культуру. Так, по мнению лидеров

армянской общины Нижнего Новгорода, ведущих активную просветительскую и информационную деятельность, это должно способствовать активизации культурного развития современной России и укреплению межэтнического сотрудничества на благо страны. Яркой иллюстрацией аргументов такого рода может служить следующее высказывание главы Нижегородской армянской общины: «В языке, в фольклоре, в поэзии армянского народа, как одного из древнейших народов, живет... история многих, в том числе и исчезнувших с исторической арены древних народов, с судьбами которых была сплетена на протяжении 25 столетий история Армении. Мы знакомим нижегородцев со своей армянской культурой, что тем более важно в период разрыва общего культурного пространства в связи с распадом СССР. Молодое поколение России, независимо от этнической принадлежности, должно знать, какая красочная яркая палитра у народов, живущих бок о бок в России. Национально-культурные общества работают в этом направлении...» (Самкович-Погосян, 2004).

Еще один сближающий фактор – русский язык. Представители армянской диаспоры не просто «знают русский» – очень часто это их родной или второй родной язык. В исследовании Г.В. Старовойтовой «Этнические группы в современном советском городе» приводилась статистика по Ленинграду 80-х: 98,9% ленинградских армян свободно владели русским языком и только 35,9% – армянским. Около половины ленинградских армян имело установку на добровольную ассимиляцию с русскими. Как отмечает автор известного учебника по этнологии Светлана Лурье, в армянской общине Санкт-Петербурга самой заметной была прослойка гуманитарной,

технической и творческой интеллигенции, которая приехала в Россию с целью реализации собственного потенциала, и имела установку на то, чтобы вжиться в новую среду, а не демонстрировать ей «бытовой национализм». В общине присутствовали и выходцы из армянской деревни – мелкие торговцы и их потомки, владеющие недвижимостью. Они хранили традиции и язык, но по большей части в быту и в собственном узком кругу «идеологической основы» под это не подводили. Немало было и армян – выходцев из других союзных республик, которые подчеркивали свой космополитизм, а реально, отмечает С. Лурье, «имперский комплекс» – «мы» – включал «армян и русских», а не «советский народ». При таких исходных ориентирах, ни о каком обособлении армянской диаспоры речи не шло: общение с другими этносами было активным и полноценным. Когда в период карабахского конфликта диаспора пережила «этническую мобилизацию», многие русские выразили ей свою поддержку. Равно как и в момент трагедии – спитакского землетрясения, которое Россия восприняла как собственную острую боль (Добрынина, 2013).

Армяне являются одним из наиболее расселенных народов мира (около 7 млн. человек более чем в ста странах мира). Указывая на данное обстоятельство, некоторые авторы говорят о них как о «сетевом народе», что представляется достаточно спорным. Армянская диаспора приобрела нынешний вид в основном после массового исхода на чужбину сотен тысяч беженцев, произошедшего вследствие геноцида армян, она организована вокруг идеи международного признания геноцида и восстановления Армении. Факт существования независимого армянского государства с точки зрения этнической самоидентификации

и сдерживания ассимиляционных процессов является стержневым. Однако сетевые, территориально распределенные сообщества, для которых не важны государственные границы, в процессе самоорганизации социумов начинают занимать все более важное место, оказывая определенное влияние и на принятие тех или иных решений, в том числе политического характера. Конечно, сетевой характер армянских (и не только армянских) сообществ на сегодняшний день больше напоминает некую виртуальную «феодальную раздробленность»: отдельные «ячейки» сети взаимодействуют между собой в течение короткого срока, реагируя на определенные информационные поводы, а в остальное время по большей части конструируют друг с другом.

При стечении определённых обстоятельств любая сеть потенциально способна превратиться в достаточно жесткую работоспособную иерархию, пригодную, в том числе, и для решения амбициозных политических задач, о чем достаточно ярко свидетельствует, например, информационное сопровождение операций израильской армии на территориях Палестинской автономии. Наличие значительного количества политически активных, технологически грамотных и патриотически настроенных граждан, объединенных в рамках общественных структур или неформальных связей, и при этом четко осознающих свою ответственность за укрепление российско-армянского сотрудничества, позволяет значительно оптимизировать человеческие и материальные ресурсы при организации различного рода акций, обусловленных общностью интересов наших стран и народов⁴.

4. Одним из примеров может служить общественная акция в Москве в поддержку армян сирийского города Кесаб, вынужденных покинуть город после вторжения с территории соседней Турции вооруженных банд (начало апреля 2014 г.), получившая достаточно широкое информационное освещение.

В «излишней», как представляется некоторым авторам, политизации тех или иных диаспор, следует видеть в первую очередь не опасность, а дополнительные возможности. Конечно, властям страны проживания необходимо идти на сближение с представителями диаспор и учитывать их интересы при взаимодействии в области политики, осуществляемом между страной их проживания, исторической родиной и самой диаспорой. Политические функции присущи большинству диаспор в современном мире, что вряд ли стоит недооценивать. В то же время их абсолютизация (в ущерб экономической или гуманитарной составляющей деятельности диаспорных объединений) может по-разному сказываться на межгосударственных отношениях. Заметим, что возможностей по влиянию на политическую жизнь Армении у западного «крыла» диаспоры, больше, чем у «крыла» российского, что опять-таки обусловлено расколотостью армянских общин России (Кардумян, 2008. С. 167).

Вместе с тем, в российской армянской диаспоре постепенно набирают силу реально функционирующие организации, объединяющие представителей всех социальных слоев и возрастных страт, не в последнюю очередь — молодёжь⁵. Среди лидеров и активистов этих организаций — выпускники престижных российских вузов, в полной мере интегрированные в российский социум и в то же время не утратившие связей с Арменией, в совершенстве владеющие как русским, так и армянским языками. Патриотичный настрой, небезразличное отношение к происходящему в Армении, Нагорном Карабахе (не исключая и негативные стороны общественно-политической

5. См., например: «В МГИМО создана Ассоциация армянской молодежи Москвы» // <http://sovzem.mgimo.ru/news/council/183306.phtml>.

и социально-экономической жизни), на Кавказе и на Ближнем Востоке, сочетаются с конструктивными подходами к решению существующих проблем. Широкие контакты как в России, так и в Армении и в других странах традиционного проживания армян, предполагают постепенное оформление «новой линии» в двусторонних отношениях, свободной от «лозунгово-застольных» шаблонов и ориентированной на более деловой подход к имеющимся проблемным вопросам.

* * *

На протяжении длительного времени армяне являются неотъемлемой частью этнополитического ландшафта России. Важным фактором формирования позитивного восприятия армянской диаспоры в России является многовековая история расселения армян на российских землях. Общественно-политическая, торгово-экономическая и культурно-просветительская деятельность российских армян традиционно способствовала укреплению российской государственности. При возникновении проблемных вопросов во взаимоотношениях с местным населением (а таковые носили по большей части локальный характер) вырабатывались механизмы их эффективного разрешения.

В современных международных отношениях любую диаспору можно назвать ресурсной базой для эффективной политики государств, которые она связывает тысячами нитей. В этом смысле мировая армянская диаспора не является исключением, представляя собой силу, способную оказывать влияние как на региональные, так и на международные про-

цессы. Имеющийся позитивный опыт и российско-армянские стратегические отношения позволяют воспринимать Россию как близкое армянам государство.

В Армении зарубежные диаспоры рассматриваются в качестве фактора, способного не только помочь развитию государства и позитивным тенденциям в его экономике, но и способствовать усилению позиций страны на международной арене. Несмотря на различные привходящие обстоятельства, наличие достаточно многочисленных и авторитетных армянских общин в разных странах способствует укреплению двусторонних отношений между Арменией и другими государствами, и в первую очередь – с Российской Федерацией. Активная созидательная роль российских армян традиционно является важным фактором этноконфессиональной стабильности и безопасности в России, экономического развития и созидательной внешней политики нашей страны.

Список литературы

Армяне [Серия «Народы и культуры»]. Отв. Ред. Л. Варданян, Г. Саркисянц, А. Тер-Саркисянц. М.: Наука. 2012.

Арутюнян Ю.В. Армяне-россияне: опыт социально-культурной адаптации // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4.

Григорьян Э. В поисках национального характера армянского народа // *Армяне в России. Сборник статей*. М. Институт социальных наук. 2013.

Добрынина Е. Армяне в России: «свой», а не «чужие» // *Ноев Ковчег*. 2013. № 7.

Кардумян В. Армянская диаспора России и ее влияние на армяно-российские отношения // *Россия и современный мир*. 2008. № 2.

Мелконян Э., Дятлов В. Армянская диаспора. Очерки социокультурной типологии. Ереван. 2009.

Самкович-Погосян Л. Нижегородская армянская община (к 10-летию основания) // Наири: Сборник материалов об Армении и армянской диаспоре. Нижний Новгород. 2004. Цит. по: Этнические диаспоры в диалоге культур: опыт приволжских регионов Российской Федерации // <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3016>.

Фирсов Е.Ю. Исследуя гетерогенную диаспору (на примере армян-переселенцев в российской провинции) // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 123-141.

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» В ГЕОПОЛИТИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Олимпиады 2014 г. проведены успешно, несмотря на все попытки срыва, предпринимаемые геополитическими противниками России, которые с 2007 г. продолжали отчаянные попытки руками режима Грузии при Саакашвили и отдельных деятелей с Северного Кавказа убедить МОК и других организации и стран в том, что якобы нельзя проводить Олимпиады «там где был геноцид черкесов». А был ли геноцид? Являются ли Грузия и отдельные страны Запада подлинными защитниками народов Северного Кавказа? И, самое главное, почему все замолчали о судьбах этих народов на второй день после завершения Олимпиады? Есть ли черкесский вопрос вообще в таком виде, как его интерпретируют? Если есть, то является ли Россия главным виновником в том, что происходило в XIX в. на Кавказе, как это старается доказать западная историческая наука? И наконец — является ли верным подход к изучению событий на Северном Кавказе в XIX в., да и «восточного вопроса» вообще, как в советской, так и в российской исторической науке?

Разговоры о так называемом «Черкесском вопросе» странным образом совпали с объявлением в 2007 г.

1. К.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва

российского города Сочи победителем Олимпиады 2014 г. Впервые подняли этот вопрос в Грузии. Именно грузинские ответственные лица и часть северокавказских деятелей с 2007 г. стали проводить компанию с целью доказать недоказуемое — «геноцид черкесов» со стороны России в XIX в. К этой компании присоединилась часть журналистов и политологов России. Именно журналистов и политологов, а не историков и правоведов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть то, что они называют «геноцидом».

Мне, как историку, не помнится, чтобы Грузия так горячо заботилась о судьбах народов региона как во время чеченских событий, так и накануне проведения Олимпиады. Грузия, судя по её действиям, является компонентом англосаксонской игры, направленной против России на кавказском направлении. Кроме того, прежде чем заботиться о северокавказских народах, Грузия должна подумать об этнических группах, проживающих на ее территории, и нет необходимости говорить о том, что именно Грузия начала проводить политику строительства моноэтнического государства, а также о том, что было сделано грузинским руководством с её собственными гражданами, турками-месхетинцами.

Для оказания давления на своих политических оппонентов, а также стремясь отвлечь внимание международного сообщества от массовых нарушений прав человека в самой Грузии, режим Саакашвили предпринимал попытки использовать трибуны различных международных организаций, в том числе, таких уважаемых как Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). При этом в течение последних двух лет Совет ООН по правам человека в Женеве неоднократно указывал на масштабные нарушения прав человека в Грузии — пытки, произвол правоохранительных

органов, отсутствие независимой судебной власти, дискриминация и притеснение национальных меньшинств, необоснованное ограничение свободы слова и печати. Критике подвергся разгон демонстрантов в Тбилиси 25-26 мая 2011 г. силами правопорядка с применением стрелкового оружия, сопровождавшийся жестокими избиениями, жертвами, многочисленными арестами. События в Тбилиси трактуются некоторыми европейскими политиками как классическая демонстрация «железного кулака диктатуры». В ежегодном докладе, опубликованном в январе 2012 г., международная правозащитная организация Human Rights Watch признает, что США и Европа не смогли добиться от Тбилиси соблюдения прав человека в Грузии. Нынешние грузинские власти полагают, что национальные меньшинства не должны играть заметной роли в общественной и государственной жизни, а решить их проблемы можно лишь ассимиляцией или выдворением из страны. Ксенофобия и крайний (доходящий до расизма) этнонационализм имеют в Грузии глубокие корни, в грузинском обществе имеется сильное стремление к формированию моноэтнического государства. Как следствие этого – продолжающиеся притеснения армян (Самцхе-Джавахетия) и азербайджанцев (Квемо Картли).

Факт эмиграции части народов Северного Кавказа в Османскую империю, хотя и был трагичным для отдельных народов Северо-Западного Кавказа, но был обусловлен ролью не только России и даже не только Турции, но и многих других, видимых только для специалистов, игроков.

Что же касается переселения народов вообще, то империи, на различных этапах истории, неоднократно проводили демографические перемещения беспокойных племен. С народами Северного Кавказа это

произошло в XIX в. и носило трагический характер в связи с вмешательством различных игроков, прежде всего, Англии и Турции, или, точнее сказать, Англии руками Турции. Перенос обсуждения данного вопроса с политологического на академический уровень снимает многие недоразумения, связанные с так называемым «черкесским вопросом», о которых говорят только в тех кругах, которые пытаются максимально нанести вред России, следовательно, и народам Северного Кавказа, которые не мыслят себя вне рамок российского геополитического проекта. Они инстинктивно понимают, что их сохранение и развитие в нынешних геополитических условиях может быть обеспечено только и исключительно в рамках России.

Для того, что понять глубину процессов, которые происходили на Северном Кавказе накануне и во время переселения («мухаджирства»²) необходимо говорить открыто и честно о подлинных причинах эмиграции, а не ограничиваться только ролью России, как это имеет место в англосаксонской исторической литературе и в литературе, изданной самими эмигрантами в странах их проживания. Говоря о причинах эмиграции, необходимо отметить, что это явление столь же древнее, как и само существование человечества. Эмиграция известна на различных этапах истории и была вызвана многими причинами: экономическими, социально-политическими, религиозными и другими, нося при этом разнообразный характер. Понятие “эмиграции” лишь тогда наполняется содержанием, когда мы соотносим его с конкретными историческими периодами, странами, названиями этнических групп, политическими партия-

2. Это арабское слово имеет большое воздействие на сознание верующих, так как сам пророк Мухаммед был мухаджиром после его эмиграции из Мекки в Медину.

ми, именами эмигрантов, их социально-классовым положением, причинами выезда. Сложившийся социально-экономический и военно-политический феномен эмиграции чаще всего подчинен драматическим событиям истории и сопряжен с осложняющимися социально-психологическими коллизиями, зачастую приобретающими трагический оттенок.

Зарождение черкесской диаспоры часто определяют рамками XIX столетия и связывают этот процесс с войной России против горцев Кавказа и последовавшим их переселением. Однако история черкесской общины на Ближнем Востоке ко времени мухаджирства уже насчитывала без малого тысячу лет и это обстоятельство оказало громадное влияние на процесс культурной и политической адаптации черкесских переселенцев второй половины XIX в. Эта черкесская община сыграла известную роль в истории Египта, Сирии и еще ряда стран мусульманского мира, а ее история самым тесным образом связана с историей мамлюкского государства (1382-1517 гг.).

В литературе существуют различные точки зрения по поводу причин переселения части народов Северного Кавказа в Османскую империю. Одни авторы считают, что основная причина – колониальная политика царизма, другие – влияние Порты на кавказские дела или религиозный фанатизм. Правящие круги Порты, а также Англии и других стран Запада, считали единственным виновником этих трагических событий царское правительство России. Самодержавие, в свою очередь, перекладывало ответственность за переселение горцев на пропаганду эмисаров султана и западноевропейских государств. Влияние ислама и антирусская пропаганда, бесспорно, сыграли важную роль. Однако причины переселения были более глубокими, здесь имелись социально-

экономические, политические и геополитические корни. Чтобы разобраться в этом вопросе, нужен серьезный анализ реальных, а не воображаемых причин переселения.

В начале 1856 г. происходит Парижский конгресс, в результате которого был подписан Парижский мирный договор, завершивший Кавказскую войну 1853-1856 гг. Самым тяжелым для России условием этого договора была нейтрализация Черного моря, что было равносильно запрету вообще иметь здесь русский флот. Было запрещено иметь военно-морские арсеналы на побережье Черного моря. Такие же ограничения были установлены и для Османской империи.

Парижский мирный договор положил начало новому курсу внешней политики России. После Крымской войны центральным направлением внешней политики России стала борьба за ликвидацию ограничительных условий Парижского мирного договора (Дзидзария, 1975. С. 159; Киняпина, 1972. С. 35). Англия «незамедлительно воспользовалась сложившейся ситуацией для оказания давления на Россию. Англия на Парижский конгресс шла с дипломатией, которая заключалась в том, что она непрочь была, во-первых, отобрать весь Крым до Перекопа и «возвратить» его Турции, затем высадиться на Кавказе, отнять Грузию и весь юго-восточный Кавказ, создать для Шамиля «Черкесию» в надежде, что тот будет действовать и в целях преграждения дороги русскому правительству в Иран» (Дзидзария, 1975. С. 159).

Новый наместник на Кавказе генерал А.И. Барятинский 14 ноября 1856 г. составил обширную записку, в которой информировал министра иностранных дел А.М. Горчакова о частом появлении у восточного

побережья Черного моря английских пароходов. Генерал собрал множество фактов подстрекательских действий англичан на Северо-Западном Кавказе. Барятинский писал: «Военные и коммерческие пароходы иностранных наций довольно часто появляются на восточном берегу Черного моря, перевозят торговцев и имеют с ними на берегу сношения, для нас особенно вредные в том отношении, что появление их и отсутствие нашего крейсерства поддерживает в горцах уверенность в содействии им против нас Турции и Англии и придают вес словам Сефербея³ и подобных ему возмутителей, уверяющих горцев, что они подданные турецкого султана и должны во всем повиноваться поставленным им властям» (Дзидзария, 1975. С. 161). Не вызывает сомнения, что под видом коммерческих мероприятий Англия и Турция преследовали чисто военные цели. В сообщении генерала Д.А. Милютина от 14 февраля 1857 г. указывалось, что турки высадили в устье р. Туапсе с двух больших пароходов и двух парусных фрегатов до 3 000 человек пехоты с орудиями. Два турецких паши, прибывшие с войсками, пытались связаться с Сефер-беем (Дзидзария, 1975. С. 161). Правительство Франции также не оставляло мысли о новом вмешательстве в кавказские дела. Осенью 1863 г. русскому посольству в Стамбуле стало известно об отправке на Кавказ французской военной «комиссии» в составе двух офицеров генерального штаба и восьми других офицеров (инженерных войск и др.) «с каким-то тайным поручением от французского правительства» (Дзидзария, 1975. С. 172). Подобные факты достаточно многочисленны, о деятельности турецких,

3. – Сефер-бей (Заноко-Заноглу), потеряв надежду стать единственным властителем Черкесии, эмигрировал в Турцию. В 1830 г. он возвратился на родину и стал призывать народ к борьбе против России, уверяя их в скорой помощи и поддержке Турции и Англии.

английских и иных иностранных агентов на Кавказе после Крымской войны сказано много.

Разумеется, Северный Кавказ после Крымской войны приобрел для России «особое значение». С 1860 г. главным средством покорения Кавказа была признана военная колонизация, с чем и было связано выселение горцев (Дзидзария, 1975. С. 187). К октябрю 1863 г. были переселены или стеснены казачьими станицами обадзехи и шапсуги. Затем, в начале февраля 1864 г. по требованию Евдокимова оставшиеся горцы покинули свои жилища и горные ущелья: одни поселились на прикубанской равнине, другие – выехали в Турцию. В марте 1864 г. войну против русских войск продолжали убыхи во главе с Берзеком. Однако их сопротивление было совершенно бессмысленным, что хорошо учитывало царское командование. 2 апреля в лагерь, где находился наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, явились представители шапсугов, убыхов, садзов и других племен, которые от имени своих соплеменников заявили о «безусловной покорности» и попросили дать им возможность переселиться в Турцию. Наместник согласился и дал им на это месяц срока (Дзидзария, 1975. С. 189,190). 21 мая 1864 г. в присутствии наместника Кавказа состоялись торжества по поводу окончания Кавказской войны.

Немаловажную роль в переселении северокавказских народов сыграли местные князья, помещики и знать. Для сохранения своих социальных привилегий на новом месте жительства они старались взять с собой как можно больше подчиненных крестьян. Религиозные мотивы также играли значимую роль в этом процессе, хотя часть религиозных деятелей сопротивлялась переселению, издавая различные фетвы (решения, основанные на принципах ислама) чтобы

задержать население от губительного для него выезда на чужбину. В этом плане эмиссары турецкого султана играли большую роль, когда в тяжелейшее для северокавказцев время убеждали их переселиться в Турцию, уверяя их, что они будут под личным покровительством самого султана и что для них все подготовлено: и жилье, и земли, и все, что им нужно для жизни. Османские власти охотно принимали переселенцев, они спровоцировали мухаджирство, чтобы извлечь из него ряд военно-политических и экономических выгод. Переселенцы стали для султанского правительства военной опорой в укреплении позиций центральной власти на Балканах и на Арабском Востоке. Турецкая армия к этому времени ослабла в результате многочисленных войн, ей нужно были здоровые и сильные воины для того, чтобы оторвать Кавказ от России руками самих кавказцев.

Одной из главных целей привлечения горцев к переселению в Турцию была подготовка к очередной войне с Россией, которая вспыхнула в 1877 г., и в ней были широко использованы черкесские переселенцы. Турция потерпела поражение, а черкесам-эмигрантам в Турции пришлось испытать еще одно трагическое переселение, на этот раз уже в рамках Османской империи. И если в первый период переселения на черкесов возлагалось бремя борьбы против исконного врага — России, то на этот раз на черкесских переселенцев пала неблагоприятная задача несения карательных функций против славянских и арабских народов, боровшихся за национальное освобождение.

При изучении вопросов социально-политического положения черкесских эмигрантов в странах Ближнего Востока на протяжении указанного периода, прослеживаются некоторые закономерности. Отно-

сительно небольшое число эмигрантов, находившихся в окружении коренного населения, воспринимавшего их преимущественно враждебно, вело борьбу за выживание. Поэтому черкесы искали пути сближения с правящими кругами стран, где они проживали, которые их ценили главным образом за высокие боевые качества. Этих переселенцев можно причислить к самой трудолюбивой части населения: прибытие их принесло стране (Турции) много пользы. Основная масса населения стала заниматься земледелием и скотоводством, пользуясь только плодами своего труда. Представители феодальной знати служили при султанском дворе, в административных, военных, полицейских учреждениях. При этом многие кавказские переселенцы были участниками демократических движений, в частности, являлись соратниками Мустафы Кемаля — основателя Турецкой республики. Основную массу северокавказских переселенцев составляли адыгские народы (черкесы, адыгейцы, кабардинцы), и их за рубежом стали называть черкесами.

Итак, черкесских переселенцев турецкие власти, а также английские и французские колонизаторы пытались использовать в качестве жандармов, что отвечало интересам черкесской знати, выступавшей на стороне правящих кругов стран проживания. Однако проявлялась и противоположная тенденция, выражаемая представителями черкесской интеллигенции, многие из которых перешли на сторону национально-освободительного движения. Конечно, сохранившиеся документы касались в основном действий представителей верхушки и старшин черкесских общин, а подлинная история борцов за свой народ и свою новую родину осталась на уровне воспоминаний пожилых переселенцев.

В период французского мандата черкесы в Сирии четко разделились на две партии – профранцузскую и проарабскую. Проарабская партия стала заметно усиливаться и при освобождении Сирии от французов черкесы почти полностью поддержали проарабскую партию, которая искала пути сближения с национально-патриотическими силами. Это проявилось в войне с Израилем в 1948-1949 гг. в других арабо-израильских войнах, а так же во внутривнутриполитических смутах.

В Заиорданье (в 1921-1946 гг. подмандатный эмират Трансиордания) черкесские переселенцы до образования независимого Иорданского Хашимитского Королевства были практически опорой для османского правительства, а затем для британской администрации. Правительства Турции и Англии использовали их в своих корыстных целях, но с образованием королевства положение черкесских переселенцев заметно улучшилось. Они стали важной опорой короля, который держит их около себя и поныне. В Иордании черкесские переселенцы основали многие населенные пункты, которые в дальнейшем превратились в города.

Черкесские переселенцы перенесли с собой свои методы обработки земли, свое мастерство. С учетом иных климатических условий, они усвоили новые методы обработки земли и выращивания скота, мастера производили для местного населения огнестрельное оружие, а производство холодного оружия продолжалось до 50-х годов XX в., ювелиры обогатили свое мастерство местными узорами, особенно в области обработки серебра. Социальная структура черкесских переселенцев за указанный период (до первой половины XX в.) существенно не изменилась. Они сохранили свой национальный язык, культуру,

обычай. Однако одежда претерпела существенные изменения по двум причинам – иной климат и утрата навыков мастерства.

Отмечалось и устойчивое желание мухаджиров вернуться на родину, которое не затихает и поныне, однако сейчас оно превратилось в романтическую мечту, так как возвращение – это очень сложное решение, особенно в третьем или даже четвертом поколении. Для этого необходимы такие же драматические события, как те, которые происходили в то время, когда их предки приняли сложное решение покинуть Родину⁴.

Северокавказские переселенцы различных этносов на чужбине сблизилась друг с другом, стерлись узкие национальные различия между адыгами, чеченцами, дагестанцами, осетинами и другими народами как в Турции, так и в арабских странах. Со второй половины XX в. происходит быстрый процесс ассимиляции северокавказских переселенцев местными коренными этносами.

Отношение к диаспоре как определенному социокультурному феномену, по мнению специалистов, обретает значение самостоятельной научной проблемы, объем и сложность которой мы должны осознать. Казбек Султанов считает, что она входит в состав наших современных раздумий о судьбах национальной культуры как ее органическая часть. Наши характеристики могут не совпадать с самооценками представителей диаспоры, и это надо учитывать, объединяя усилия в диалогическом поиске истины на основе духовного взаимообмена. Вообще, необхо-

4. В связи с событиями в Сирии группа адыгов обратилась с письмом к руководству Республики. Адыгеи и Президенту РФ, попросив, чтобы их приняли обратно на Родину, Парламент Адыгеи одобрил это, однако окончательное решение о реэмиграции будет зависеть от развития ситуации в самой Сирии. К сожалению, оно приобретает трагический характер, что толкает их к возвращению на Родину.

димосмысление динамического единства разнообразных и, возможно, разнонаправленных точек зрения, оценок, взглядов, концепций (от либерально-демократических до ортодоксально-религиозных). Главное, без чего невозможно добиться строго фиксированного научного понимания понятия диаспоры или “культурной диаспоры”, — это концептуальная историческая схема, в рамках которой возникнут и точная постановка проблемы, и принципиальное отношение к диаспоре как созидательной исторической и культурной силе. Задача не просто в том, чтобы связать сегодня разорванные нити, но и в том, чтобы распутать клубок, покончить с мистифицированной историей народов Северного Кавказа. Без открытия реального, не урезанного исторического контекста трудно подняться до осознания сложного единства национальной культуры, понимания роли диаспоры в ее формировании. Одна из причин назревшего обращения к диаспоре, считает К.Султанов, коренится и в современном состоянии Северного Кавказа, находящегося сегодня в мучительном процессе поиска новых ориентаций в рамках глобальных изменений на постсоветском пространстве. Диаспора — это иной социальный, культурный, мировоззренческий опыт, иной, но пока не порывающий с системой традиционных ценностей.

На наш взгляд, и народы Северного Кавказа, и все народы России и даже большинство народов постсоветского пространства к концу 90-х годов определились в том, что они могут сохраниться и развиваться только в рамках единого геополитического проекта, и интеграционные процессы последнего времени свидетельствуют об этом. Так называемый «Черкесский вопрос» является и будет являться (в таком виде, как о нем говорят отдельные журналисты и политологи)

фактором разрыва исторических связей между народами, исторически живущими на одной земле в одном государстве, которое и является гарантом независимости всех его народов. События 90-х на Кавказе и события в арабском мире и в других регионах свидетельствуют об этом.

Есть ли проблемы, связанные с зарубежной российской диаспорой вообще и с кавказской в частности? Конечно, есть. Решаемые ли они? Безусловно, да, но ни в коем случае не путем признания или непризнания так называемого геноцида. Для решения этого вопроса имеется практический, очень удачный опыт СССР, создавшего общество «Родина» по связям с зарубежными соотечественниками. Необходимо возродить деятельность этого общества, начать работать так, как работали в советский период, и тогда все вопросы, связанные с диаспорой, будет решаться естественным образом. Любая политизация вопроса наносит ущерб как самим переселенцам на чужбине так и народам Северного Кавказа на территории России.

Западная историческая наука долго время твердила о том, что Запад волнует «Восточный вопрос», в рамках которого находились различные «вопросы» — кавказский, османский, арабский, иранский, исламский, китайский и т.д. В этой связи хотел бы задаться вопросом: а не существует ли «Западного вопроса», ставшего фактически вопросом для всего остального мира? Кажется, пора ввести такой термин в историческую науку, поскольку Запад, после исчезновения главного соперника — СССР и социалистического лагеря, превратился в серьезную опасность для всего мира, начиная с Югославии в 1999 г. и кончая сегодняшним днем с Сирией и Украиной.

Что касается идеологической части вопроса, то, на наш взгляд, есть ряд основополагающих принципов отношения народов Северного Кавказа с народами России, и это:

- Народы Северного Кавказа всегда обращались лицом туда, откуда для них исходило меньше зла. Как ни парадоксально, больше зла им оказали единоверные страны — Турция и Иран. А сегодня самое большое зло исходит именно от стран Запада. Главная мишень зла, естественно, Россия, единственная страна, способная сломать его планы.

- Россия, для Востока вообще, и для народов Северного Кавказа в частности, является альтернативным Западом, а православие является альтернативным христианством.

- Российская цивилизация, в отличие от других, в политическом плане (при царизме и коммунизме) была всегда диктаторской, но в национальном и конфессиональном отношениях обладала высокой степенью либерализма, что притягивало к ней другие народы.

- Исходя из предыдущего принципа, Россия не была колониальной страной в классическом понимании этого слова.

- Народы Северного Кавказа понимают важность существования в рамках российского геополитического проекта. Они инстинктивно понимают, что если этот проект рухнет, их ждет «большая кровь».

Исходя из этих принципов и из создавшейся ситуации в мире и в регионе, необходимо предложить народам Северного Кавказа общенациональный мобилизационный проект, который являлся бы преградой на пути разрушительных процессов, проистекающих от новой мировой перестройки, идущей полным хо-

дом на Ближнем Востоке и переходящей быстрыми темпами в сторону России через Украину.

Учитывая политику Запада в отношении Украины, когда стране, имеющей глубокие внутренние противоречия, навязывается одно мнение и открыто поддерживаются антиправительственные силы, создается впечатление, что страны Запада проводят политику «разделяй и властвуй» и намерены реализовать югославский сценарий, расчленив Украину. Это происходит на фоне эйфории, связанной с желанием «вхождения в Европу».

В этой связи хотел бы задаться вопросом: в какую Европу хотят многие государства, в том числе на территории бывшего СССР, и, особенно, Грузия и Украина? Они не понимают, что от той Европы, куда они стремятся, и которая была действительно образцом развития, практически ничего не осталось? Европа со второй половины XX в. стала стремительно уходить от своих вековых ценностей «Проекта модерн», который начался еще со времен английской революции и укрепился окончательно после французской революции. Эти ценности (просвещение, гуманизм, освобождение женщин, отделение церкви от государства, свобода, братство, социализм и др.) сделали Европу образцом развития. Однако, со второй половины XX в., Европа начала переходить от «Модерна» в «Постмодерн» в котором, к сожалению, мы не видим нечего кроме сексуальной патологии, финансовых махинаций и т.д., а это очень опасно как для европейского континента, так и для других стран, которые продолжают видеть в Европе образец для подражания.

Кроме того, элита «Постмодерна» заключила союз с исламизмом на востоке и с агрессивным национализмом на Украине и в Европе, в результате чего она

становится «Контрмодерн». Это то, что мы видим в рамках «третьей мировой перестройки» в арабo-мусульманском мире и на Украине, где инструментом реализации указанной стратегии являются именно указанные архаичные силы, которые иногда действуют совместно. Так, имеются сведения о том, что некоторые исламисты, воевавшие в Сирии, были замечены на «майдане» в Киеве. В этой связи следует подчеркнуть недопустимость использования практики «двойного стандарта» как в оценке террористических угроз, так и в отношении экстремистов любого религиозного или националистического толка, которым подчас удастся найти убежище от правосудия за пределами территории разыскивающих их стран.

Список литературы

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: «Алашара», 1975.

Киняпина Н.С. Борьба России за отмену ограничительных условий Парижского договора 1856 года. // Вопросы истории. 1972. № 8.

*Шафранова Ольга Ивановна*¹

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

В эпоху глобализации значимость проблемы межкультурного диалога обусловлена видоизменяющимся характером взаимодействия локальных культур. В качестве основы процесса этнической консолидации выступают ценности традиционной духовной культуры. В таких условиях на первый план выходят проблемы, связанные с поиском оптимальных форм этнокультурных взаимоотношений. Феномен «этнического ренессанса» требует серьезного изучения, в ходе которого всему комплексу культурного наследия будет дана объективная оценка и определено практическое применение результатов исследований. Возможно, будет предложен позитивный способ межкультурного диалога, заимствованный из традиционной культуры народов Северного Кавказа.

Очевидно, что раскрытие творческого потенциала традиционных культур, на основе которого возможен органический синтез традиционных и инновационных, национальных и общечеловеческих элементов, возможно при условии восстановления исторической памяти народа. В связи с этим обращает на себя внимание тема взаимовлияния и взаимопроникно-

1. К.и.н., доцент кафедры истории России СКФУ, Ставрополь.

вения элементов материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа.

История северокавказского региона свидетельствует о непрерывном межкультурном диалоге его жителей. Духовное наследие народов Северного Кавказа — фольклор, традиции, музыка, танцы, борьба, джигитовка и т.д. пронизаны некоей общей ментальной культурой, свидетельствующей о непрерывных контактах между народами Северного Кавказа.

Нартский эпос, сказания кавказских народов о богатырях-нартах, в своеобразных национальных формах распространен среди кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абхазов, осетин, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей. Героический эпос есть и у народов Дагестана и Грузии. Поэтому Нарты — это общекавказский монументальный героический эпос. Исследование и собирание сказаний о нартах осетин и адыгов началось с середины XIX в. В Осетии первыми собирателями эпоса были кавказские просветители В. Цораев, братья Шанаевы, в Кабарде — Ш. Ногмов, К. Атажукин и др.². В Осетии эти сказания были записаны преимущественно в прозаической форме, они исполнялись под сопровождение музыкального инструмента — «хъысын фандыр». У черкесов некоторые из сказаний стали длинными традиционными поэтическими плачами. В советское время впервые были изданы сводные тексты в оригинале и в русском переводе. Сказания переводились на немецкий, французский, английский языки, сегодня уникальный кавказский Нартский эпос известен во всем мире и является культурным достоянием мирового значения. Советские и российские ученые выдвинули версию о наличии на Кавказе трех центров фор-

2. См. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. 1871. С. 2-37; Вып. VII. 1873. С. 1-21; Вып. IX. 1876.

мирования Нартского эпоса: осетинского, адыгского и абхазского.

Весьма примечательно представление творцов эпоса в осетинском его варианте о лучших человеческих качествах, воплотившихся в образе Батраза. Как указывал В.И. Абаев, таких качеств три: доблесть в бою, воздержанность в пище, уважение к женщине. Нарты на Кавказе стали эталоном чести. «Повсюду наивысшей похвалой человеку было сравнение его с Нартом», — отмечал французский ученый Жорж Дюмезиль. Нартский эпос раскрывает целые пласты народной жизни, ее материальные и духовные основы, народную этику и эстетику, психологию народов. Мифические нарты осетин жили на склоне горы в селении из трёх кварталов. Каждый квартал занят одним из трех основных родов нартов. Наверху живут Ахсартагката, внизу Бората, посередине Алагата. Функции каждого рода четко определены: Ахсартагката храбры и сильны, Бората богаты, Алагата крепки умом. Нельзя не упомянуть столь популярные и сегодня мифологические образы небожителей Уацилла и Уастырджи, «носящие имена византийских святых Ильи и Георгия с одной и той же приставкой «уац». Особенно популярен святой Уастырджи — покровитель мужчин, путников. Идеальная женщина Нартского эпоса — мудрая Сатана (Шатана) у осетин, Сатаней у кабардинцев, Сатайнан у чеченцев.

В целом Нартский эпос является типичным героическим эпосом, сохранившим архаические черты мифологической фантастики. Структура Нартского эпоса отличается своей архаичностью, например, от русского, которому присущ ярко выраженный исторический характер, связанный с государственностью. Древнейшие части Нартского эпоса типологически близки мифологическим песням «Эдды», рунам «Ка-

левалы» и даже вавилонскому эпосу о Гильгамеше — так считал крупный специалист по эпосу Е.М. Мелетинский (2004. С. 423-433 и др.). Культурная близость народов Северного Кавказа ярко отразилась в духовной сфере в северокавказском героическом Нартском эпосе.

Фольклорная традиция народов Северного Кавказа отличается общекультурной особенностью, характеризующий в целом патриархальный уклад кавказских социумов, при этом пронизана уважением к женщине, матери, почитанием стариков и мудрой этнопедагогикой (Карпов, 2001).

Адаты кавказских горцев — это неписанные законы, юридические нормы, регулировавшие общественные отношения в горских обществах. Обычное право в среде кавказского населения формировало общекавказское миропонимание о правилах общежития. Этнические особенности обычного права проявляются в практическом использовании норм в повседневной жизни горцев. Среди адыгов под «адатом» понимали своеобразный кодекс чести (признаваемый и моздокскими кабардинцами-христианами), у кочевников — тюрок — доисламские обычаи и пережитки ордынских (яса, джаса) порядков, у вайнахов и дагестанцев — предания и согласованное мнение старейшин (Викторин, 2000. С. 68). Адаты в том виде, в котором они зафиксированы в XVIII-XIX вв., восходят к патриархальным порядкам, отражают соответствующий социальный строй и семейный быт.

Целый пласт обычаев, культивируемых в духовной культуре народов Северного Кавказа, свидетельствует о межэтнических контактах в регионе. Одной из распространенных систем воспитания детей в горских обществах было аталычество — передача на воспитание детей в другие семьи. Аталычество было

особенно распространено у адыгов, осетин, балкарцев, карачаевцев и кумыков. В силу общности исторической судьбы горцев, их системы национального воспитания имели много общего. Воспитательные постулаты, созданные одними народностями, воспринимались как свои почти всеми другими. Каждый народ вносил в них те или иные самобытные коррективы. Аталычество рассматривается как общекавказская воспитательная система, горцы считали его богоугодным делом. Вскоре после рождения мальчика отдавали в семью аталыка (воспитателя) до тех пор, пока он не подрастет и не научится владеть оружием или не овладеет каким либо ремеслом. Принявший на воспитание ребенка аталык и его семья приобретали все права кровного родства с семьей воспитанника (Казиев, Карпеев, 2003. С. 113-114).

В XIX веке порядок, по которому дети отдавались на воспитание в семьи низших или зависимых сословий, был господствующим. У адыгов князя отдавали детей на воспитание своим вассалам, кабардинские дворяне — крестьянам. У абхазов социальное различие также сказывалось в практике аталычества. Наибольшее распространение имела на Кавказе передача детей на воспитание в семьи других народов, что, однако, практиковалось только высшими сословиями. Так, кабардинские князя отдавали детей осетинам, высшие сословия адыгов брали аталыков из среды северокавказских армян (черкесо-гаев), абхазы воспитывали своих детей у мегрелов и пр. (Аветисян, 2004). Этот обычай способствовал примирению и сближению между собой разноплеменных горских семей и обществ, а дети учились говорить на чужих наречиях и, что особенно важно на Кавказе, усваивали иные культурные нормы и особенности.

Хорошие аталыки очень ответственно относились к своим обязанностям и проявляли больше усердия в воспитании чужого ребенка, чем своего. Горские народы основной целью воспитания считали подготовку человека, способного переносить в жизни трудности и невзгоды, наделенного умом, физической силой и нравственными добродетелями. Поэтому она, как и всякая система, включала в себя следующие подсистемы: умственное, нравственное, трудовое, эстетическое и физическое воспитание. Причем наиглавнейшее место в формировании этих качеств отводилось трудовому воспитанию. Дети с малых лет наглядно убеждались в необходимости трудиться, овладевали необходимыми для этого умениями и навыками. Они начинали приобщаться к трудовой деятельности уже с 6-летнего возраста (девочки – с 4-летнего), по мере своих сил помогая родителям, а в 15 лет они уже трудились наравне с взрослыми. Умение трудиться высоко ценилось горцами. По результатам трудовой подготовки горцы судили о качествах человека вообще. Но при этом народные воспитатели уделяли огромное внимание и умственному развитию детей. Они с юных лет прививали ребенку потребность в усвоении новых знаний, развивая у него сообразительность, память, наблюдательность. Этому во многом способствовал и народный фольклор, в котором осмеивались глупые, невежественные люди и воспевалась находчивость. Но в формировании образа «настоящего горца» или «горянки» кавказцы не забывали и о физическом воспитании, поскольку в трудных условиях того времени можно было выжить лишь благодаря хорошей физической форме (Аветисян, 2004).

К традициям, демонстрирующим образцы межкультурного диалога, относятся обычаи гостеприим-

ства и куначества. Институт куначества на Кавказе связан с обычаем гостеприимства. Суть куначества заключается в том, что мужчины, неоднократно пребывавшие в отношениях «гость-хозяин», проникшие друг к другу особенным доверием и человеческими симпатиями, независимо от их этнического происхождения и религиозных убеждений, вступали во взаимные дружеские отношения, оказывая друг другу помощь и поддержку наравне с близкими родственниками. Для сложения куначеских связей важным условием было возникновение человеческих симпатий между людьми «одного круга», совпадение образа мыслей, нравственных идеалов и приоритетов, ценностных ориентаций. Кунаки принимали участие в любых жизненных ситуациях друг друга. Строительство и ремонт дома, хозяйственного помещения; женитьба сына или замужество дочери, смерть или гибель члена семьи, близкого родственника и связанные с этим материальные расходы, необходимость выплаты «цены крови» при примирении близкого родственника-убийцы с родом убитого, ущерб, нанесенный стихийным бедствием и т.д. Кунак — это не просто «близкий друг, приятель», это человек, не связанный узами кровного родства с другим человеком, но несущий обязанности и выполняющий функции близкого родственника. Именно куначеские связи имели в виду путешественники, ученые, офицеры, чиновники, описывавшие необычайно высокое внимание горцев Дагестана к гостю и говоря о культуре гостеприимства в «стране гор». Отточенный до мелочей церемониал встречи гостя, его приглашения в дом, к столу, застольные нормы поведения, способы увеселения гостя, обмен подарками, церемония проводов и многое другое относятся главным образом к куначеским отношениям. Весь этот набор сложно-

стей по отношению к гостю как таковому намного упрощался: приезжего надо было вежливо встретить, хорошо накормить и предоставить ему удобный ночлег – вот, собственно, и все основные обязанности хозяина по отношению к гостю (Гамзатова, 2008).

Куначеские связи наблюдались путешественниками и исследователями между разными народами Северного Кавказа. У Л.Н. Толстого в его кавказском цикле упоминаются куначеские связи между терскими казаками и чеченцами. Сам Л. Толстой дружил со многими горцами, называл их кунаками. Вот как писал он о своем кунаке Садо Мисербиеве: «Много раз он доказывал мне свою преданность, подвергая из-за меня свою жизнь опасности, но это для него ничего не значит, это для него обычай и удовольствие...». Известно, что Садо Мисербиев подарил Л.Толстому шашку в знак верной дружбы, ведь чеченцы дарили оружие только друзьям.

Неразрывной частью народной культуры являются традиционные игры, физические упражнения и виды спорта, имевшие большое значение в прошлом и не утратившие его теперь. Эта часть народной культуры многофункциональна. Она обеспечивает физическое воспитание подрастающего поколения, подготовку к труду, имеет рекреационное значение, во многом воспринимается как этническая марка народа. Не случайно теперь, когда происходит возрождение многих сторон народной культуры, традиционные игры, упражнения, старинный спорт с каждым десятилетием обретают новую жизнь (Тайсаев, 1997).

Своеобразные формы физической подготовки и спорта горских народов представляют интерес и для других народов, в том числе и для тесно контактирующего с горцами русского народа, находящегося с ними в непосредственном экономическом и культур-

ном взаимодействии на протяжении уже ряда веков. Северному Кавказу принадлежит видное место среди отдельных историко-этнографических областей Российской Федерации, имеющих богатые традиции в области народного спорта. Важным элементом традиционной культуры народов Северного Кавказа являются различные виды физических упражнений, подвижных игр и спортивных состязаний, которые в своей совокупности образуют у каждого народа самобытную систему физического воспитания. История и этнология народов Северного Кавказа свидетельствует о чрезвычайном разнообразии средств физического воспитания и видов народного спорта. Физическая культура у северокавказских народов являлась частью этнопедагогики и служила воспитанию у подрастающего поколения смелости, отваги, чести.

Все праздники горцев сопровождалась играми и спортивными состязаниями. Повсеместно были распространены бег (взбегание на вершину горы), борьба на руках, прыжки со скал в воду, поднимание и метание камней, фехтование, бросание аркана, борьба, перетягивание каната над рекой или ямой. В особом почете были конно-спортивные игры. Обращают на себя внимание развлечения, иллюстрирующие межкультурную коммуникацию, помогавшую в укреплении дружбы между соседними обществами. Описанные Е.М. Шиллингом «Пирожные игрища» ярко демонстрируют такой пример. В селении, инициировавшем этот праздник, пекли большой пирог «чутшу», в диаметре 2 метра, его начиняли сыром, яйцами и мясом. Пекли пирог на костре несколько человек. Когда пирог был готов, молодые парни везли его в особой плетеной корзине на лошади или несли на носилках в соседнее селение (у Шиллинга описывается праздник, устроенный между аулами Кубачи

и Кара-Корейш). Делалось это тайком. Экспедиция отправлялась вечером, чтобы в соседний аул прибыть к полночи. Пирог ставили у дома старшины с криком «Вам пирог, а нам праздник!» Старшина должен был ответить: «Понял!» Тогда молодежь устраивала шум, стреляла из ружей и убегала. Проснувшееся население бросалось в погоню. Если удавалось настичь беглецов, пирог делили между собой и съедали, если догнать не удавалось, то «проигравшие» должны были устроить праздник. Праздник длился около двух дней, в нем принимали участие жители обоих селений. Все веселились, танцевали, участвовали в скачках (Казиев, Карпеев, 2003. С. 383-384).

Представленные образцы духовного наследия народов Северного Кавказа являются не единственными примерами межкультурного диалога. Вся духовная культура народов Северного Кавказа пронизана уникальной особенностью межнациональной коммуникации. Вместе и по отдельности они создали целый пласт духовного наследия, вошедший в систему мировой культуры. Сохранение и передача духовного наследия новым поколениям, в целях воспитания взаимоуважения, дружбы, сохранения мира — это важная задача современного цивилизованного общества.

Список литературы

Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. канд.пед.наук. Владикавказ, 2004.

Викторин В.М. Взаимодействие обычного права (адат, торе) с шариатом в этнопотестарной и этнополитической культуре северокавказских народов // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.

Гамзатова А.Ш. Гостеприимство и куначество у горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2008. // <http://dargo.ru/publ/16-1-0-149> (Дата обращения 17.01.2015)

Казиев Ш.М., Карнеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: «Молодая гвардия», 2003.

Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. Изд.2. М.: «Восточная литература», 2004.

Тайсаев К.У. Этнография традиционных видов спорта у народов Северного Кавказа. Автореф. дис. д.и.н. М., 1997.

**Памятники историко-культурного
наследия народов
Северного Кавказа и их охрана**

Кудрявцев Александр Абакарович¹

**ДРЕВНИЙ ДЕРБЕНТ
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
НАСЛЕДИИ РОССИИ**

В 1970-1995 гг. Дербентская археологическая экспедиция Дагестанского филиала АН СССР (ныне ДНЦ РАН), впервые в многовековой истории Дербента, под руководством автора данной публикации начала широкие археологические раскопки этого уникального памятника историко-культурного наследия России и мира. В процессе археологических исследований были сделаны сенсационные открытия, которые на многие века удревнили начало обживания и появление первых исторических поселений на территории, где в VI веке н. э. была возведена цитадель сасанидского города, именуемая Нарынкалой, что углубило истоки возникновения древнейшего поселения Дербента до пяти тысяч лет.

Впечатляющие научные достижения, полученные в результате этих масштабных археологических раскопок 1970-1995 гг., были отмечены решением

1. Д.и.н., профессор кафедры археологии и всеобщей истории СКФУ, Ставрополь.

ЮНЕСКО, включившим «Цитадель, древний город и крепостные сооружения города Дербента» в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (3.07.2003 г.) и Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 21.11.2012 г. о праздновании в 2015 году 2000-летнего юбилея Дербента, закрепившим за ним официально статус самого древнего города России.

Судьба этого города необычна и удивительна: возникнув в глубокой древности, он просуществовал до наших дней, сохранив свой древний облик, несмотря на бесчисленные штурмы и разрушения, свое название — хотя каждый народ именовал эти «ворота» по-своему (только в письменных источниках их зафиксировано более двадцати), свою самобытную культуру — хотя здесь соприкасались и трансформировались культуры многих эпох и народов.

В ходе своего исторического развития Северный Кавказ оказался в сфере политического, экономического и культурного влияния закавказско-ближневосточных и северочерноморских очагов мировых цивилизаций, что существенным образом отразилось на формировании культурных, в том числе и градостроительных традиций у обитателей этого региона. Можно выделить три важнейшие культурно-исторические территории Северного Кавказа, имевшие значительную специфику в своем развитии: Северо-Восточный Кавказ, Центральный Кавказ, Северо-Западный Кавказ.

На каждой из этих территорий, под влиянием разнообразных причин военно-политического и социально-экономического характера, а также под сильнейшим воздействием культурных импульсов греческих городов-колоний античного Причерномо-

рья, позднее Византии, на Северо-Западном Кавказе, и парфяно-сасанидского, позднее мусульманского мира Ближнего и Среднего Востока, на Северо-Восточном Кавказе — стали складываться протогородские и городские центры, пути возникновения и развития которых имели свои закономерности и специфику.

Одним из таких наиболее известных и значимых городских центров, возникших на Северо-Восточном Кавказе, стал древний Дербент — город, появившийся в наиболее важном с военно-стратегической и торгово-экономической точки зрения месте, у главных «Ворот» региона, на пути из степей Юго-Восточной Европы на Ближний и Средний Восток. Возникнув на одном из важных перекрестков мировых цивилизаций, Дербент стал широко известен как крупнейший памятник сасанидского фортификационного строительства и наиболее значительный город средневекового Кавказа, процветающий центр ремесла и торговли региона, главный посредник в международном товарообмене между Востоком и Западом. Это был крупнейший средневековый город не только по масштабам Кавказа, но даже Ближнего Востока и Западной Европы домонгольской поры, превосходившей по своим размерам многие известные центры IX–XIII вв, такие как Ардебиль, Тбилиси, Шемаха, Байлакан, Баку, Дамаск, Халеб, Брюгге, Гент, Флоренция, Пиза и др.

Среди подобных оборонительных сооружений, возведенных в различных районах древнего цивилизованного мира и призванных охранять границы развитых земледельческих государств от набегов кочевников, Дербентский оборонительный комплекс выделяется своей сохранностью, мощностью и исклю-

чительной продуманностью планировки, максимальной приспособленностью к рельефу местности. Возникнув в период наибольшей активности кочевников на Кавказе, Дербентские укрепления, подобно всем сооружениям такого рода, отделяли скотоводов от земледельцев и прикрывали от опустошающих набегов степняков все Закавказье и Ближний Восток. Исключительная прочность кладки и удивительная четкость архитектурно-планировочного решения, сочетающиеся с максимальной прочностью конструкции, прекрасной обработкой камня и впечатляющей монументальностью стен, не утративших за 15 веков своего древнего облика, ставят Дербент в один ряд с крупнейшими фортификационными сооружениями мира.

Однако, в отличие от многих фортификационных сооружений такого рода, Дербент лежал не только на важном военно-стратегическом пути, но и на известной торговой трассе мира, что во многом определило ход его исторического развития. Он не остался, подобно многим крепостям и «длинным стенам», только военным опорным пунктом, а превратился в средневековую эпоху в крупнейший феодальный город Кавказа. Возникнув на базе поселения бронзового века, он в конце VIII – начале VII в. до н.э. трансформировался из него в крупный укрепленный пункт – первую древнюю крепость у главных «ворот» Кавказа. Дербент за длительный период своего существования прошел несколько стадий развития и превратился в VI – середине XIII в. в известный феодальный город, важный торгово-ремесленный и религиозный центр.

Огромную роль в превращении Дербента в один из крупнейших городов средневекового Кавказа сы-

грало развитие международной торговли в Западном Прикаспии и Поволжье. Дербент выступал главным посредником в товарообмене между мусульманским Востоком и «северными странами» (Хазария, Древняя Русь, Волжская Булгария, Скандинавия). Важное значение в развитии этих экономических связей имел Великий шелковый путь, одним из ответвлений которого являлась прикаспийская трасса, ставшая уже с последних веков I тысячелетия до н.э. связующим звеном между эллинистическими государствами Ближнего Востока и греческими городами-колониями Северного Причерноморья.

Еще Александр Македонский, а вслед за ним его сподвижник, ставший основателем и правителем крупного ближневосточного государства, Селевк I пытались найти пути через Северо-Западный Прикаспий в Индию и дальше в Китай. Позднее забытые грандиозные планы пытался осуществить римский император Нерон, искавший новые маршруты к китайскому шелку, при котором начала функционировать морская трасса Великого шелкового пути от Адена до Индии. Определенным воплощением этой идеи стал северный или степной вариант Великого шелкового пути, пролежавший через Восточный и Северный Прикаспий, Нижнее Поволжье и Северный Кавказ, который начал функционировать в позднеантичный и раннесредневековый периоды, когда Византия попыталась подорвать монополию Сасанидского Ирана на торговлю шелком по традиционным маршрутам.

До начала раскопок 1970-1995 гг. считалось, что история Дербента начинается со строительной деятельности Хосрова I Ануширвана и спорить можно лишь о конкретной дате возведения стен в хронологических рамках его правления (531-579 гг.). Много-

летние археологические раскопки в Дербенте позволили сделать сенсационные открытия и выявили 3,5 тысячелетия досасанидского обживания и развития территории на вершине дербентского холма, где в VI в. н.э. возникла цитадель сасанидского города, полностью воспринявшая планировку первого древнейшего поселения. Комплексные исследования дали возможность по-новому взглянуть на историю этого знаменитого города, на истоки возникновения и формирования его древнейшей планировки, на динамику территориального развития и сложение протогородской топографии, этнокультурную принадлежность и социально-экономические характеристики древних обитателей Дербента.

В результате широких археологических исследований на вершине дербентского холма, значительная часть которого занята мощной цитаделью (Нарынкала) города сасанидской поры, под многометровыми культурными напластованиями средневекового периода были вскрыты остатки древнего укрепленного пункта, появившегося здесь задолго до распространения власти Сасанидского Ирана на Дербентский проход. Раскопы, заложенные в различных районах раннесредневековой цитадели Дербента (VI в.), целиком сохранившейся до наших дней², позволили выявить время возникновения и бытования этого пункта, а также проследить его территориальное развитие. Было установлено, что вершина дербентского холма³ обживалась уже с глубокой древности,

2. В самом городе (внутристенная территория более 150 га) и за пределами его стен было заложено: двадцать четыре небольших стратиграфических раскопа (№ 1-24) размерами 6х6 м, 8х4 м, 4х4 м; семнадцать раскопов (PP I-XVII) площадью от 40 кв. м. до 460 кв. м., восемь разрезов (PP I-VIII) общей площадью около 700 кв. м.

3. Древнейшие слои были обнаружены в Дербенте только на территории вершины дербентского холма (раскопки № 6, 9-17, 19-24; PP II-VII, XI-XVII), а межстенное пространство города стало обживаться лишь с сасанидского периода. Территория к северу от городских стен не обживалась до XX в.

с конца IV – нач. III тыс. до н. э., т. е. ещё пять тысяч лет назад, о чем свидетельствуют находки здесь каменных (Исаков, 1959. С. 206; Кудрявцев, 2003. С. 44) (возможно и бронзовых) топоров, женских керамических статуэток богини плодородия, зернотерок, бронзовых наконечников копья и стрел, древних зерновых ям, круглоплановых жилищ, характерных для куро-аракской культуры (III тыс. до н. э.) и большого количества керамики эпохи бронзы (Кудрявцев, 2003. С. 44-47).

Однако, как показали раскопки, лишь в начале эпохи раннего железа здесь возник мощный укрепленный пункт, который существовал и развивался на вершине холма, господствуя над проходом, вплоть до сасанидского проникновения и возведения иранцами на этом месте нового типа оборонительных сооружений, одна из основных частей которых – цитадель города, именуемая в настоящее время Нарын-калой, почти полностью восприняла планировку древней фортификации Дербента.

Именно этот район холма лучше всего был укреплен как в древности, так и в средневековое время (цитадель города Нарын-кала). Выгодное месторасположение холма, наличие многочисленных питьевых источников на его склонах и замечательное плодородие почв (Бартольд, 1965. С. 419) делали этот район местом, хорошо приспособленным для возникновения здесь поселения уже в глубокой древности, а стратегическая значимость Дербентского прохода способствовала весьма раннему укреплению этих главных ворот Кавказа. Благоприятный рельеф местности позволял укрепить его с минимальными затратами, используя и глубокие ущелья, и естественную крутизну холма.

Раскопками на дербентском холме была выявлена внушительная многослойность досасанидских культурных отложений Дербента, достигающих в северо-восточной части его до 2,6-3,3 м толщины, при общей мощности культурных наслоений в цитадели до 9-12 м. Здесь, на территории цитадели Нарын-кала, древние слои перекрыты мощными культурными напластованиями последующих эпох — раннесредневековой и средневековой, общая толщина которых достигает 7-9 м. Хронологически выделенные культурные слои относятся к эпохе конца энеолита и бронзы и трем историческим периодам раннего железного века, названным, согласно утвердившейся в северокавказской историографии терминологии, предскифским (переходный от бронзы к раннему железу), скифским, албано-сарматским. Выше этих слоёв лежали мощные культурные отложения раннесредневекового (сасанидского) и средневекового периодов толщиной 7-9 м.

В первой четверти I-го тыс. до н.э. на базе выявленных здесь раскопками древних поселений, существовавших ранее на дербентском холме, возникло укрепление — древнейшая крепость-убежище, являвшаяся, по сути дела, самым ранним «замком», «узлом», знаменитых «Ворот», т.е. первым «Дербентом», получившим впоследствии столь широкую известность благодаря своим впечатляющим оборонительным сооружением VI века н.э., вошедшим в число выдающихся памятников мировой фортификации. Исследования древнейших оборонительных сооружений Дербента показали, что эти укрепления, лежащие в основном под стенами раннесредневековой цитадели города, представляли собой мощную крепость, почти полностью аналогичную по своим

размерам и планировке цитадели города сасанидской и феодальной поры.

Удалось установить, что стены древней крепости были сложены из рваного местного камня-ракушечника крупного и среднего размеров, уложенного насухо с земляной засыпкой, выполненной на отдельных участках довольно небрежно. Кладка сохранилась в высоту до 1-2 м, при ширине ее местами до 5-7 м. Правда, подобная ширина древней стены была зафиксирована лишь с восточной стороны холма (Кудрявцев, 1976, С. 48-49; Он же, 1994. С. 10-54), но представляется вероятным, что и в других местах толщина ее не отличалась очень значительно и имела, по крайней мере на опасных северных и северо-западных участках, сходные размеры.

Начало второго важного периода истории Дербента было положено его иранским завоеванием и строительной деятельностью правителей Сасанидской династии в V-VI вв. н.э., пытавшихся надежно укрепить здесь северные границы своего огромного государства. В этот период сасанидскими царями Кавадом I (488-531 гг.) и его знаменитым сыном Хосваром I Ануширваном (531-579 гг.) были возведены всемирно известные стены Дербента, прославившие город на весь средневековый Восток и на многие века перекрывшие важную торговую и военную трассу древности – Прикаспийский путь.

Возникнув первоначально как одна из заградительных линий против кочевников в Западном Прикаспии, получивших в исторической литературе наименование «длинных стен», Дербент, даже превратившись в крупный феодальный город, сохранил эту фортификацию, и его планировка, структура, динамика развития и территориальный рост самым тесным образом были связаны с этими обо-

ронительными стенами. Сохранив в раннесредневековый период древнюю планировку цитадели, Дербент, благодаря своим «длинным стенам», получил совершенно новое развитие другой части шахристана. Новые оборонительные функции фортификации Дербента, предназначенной полностью перекрывать узкий Дербентский проход, совершенно изменили территориальное развитие города и его планировку. Он стал развиваться и расти вниз по склону дербентского холма, в прибрежной полосе прохода, от вершины к морю, чем отличался от древнего Дербента, целиком расположенного на вершине холма. Подобный территориальный рост города стал возможен лишь под прикрытием мощной оборонительной стены, сплошь перекрывшей проход. Появление монументальной фортификации Дербента, положившей начало второму периоду формирования города, на 1500 лет определило его историческую топографию и структуру как одного из выдающихся памятников мировой фортификации и крупнейшего объекта историко-культурного наследия России.

Историко-архитектурные обследования и археологическое изучение каменных оборонительных сооружений Дербента позволяют говорить о нескольких этапах их возведения (Хан-Магомедов, 1964. С. 125; Кудрявцев, 1993. С. 28-33). Удалось выделить четыре основных: первый – цитадель и северная стена; второй – южная стена; третий – форты Горной стены; четвертый – куртины Горной стены (Кудрявцев, 1993. С. 28-33). Раскопы, заложенные в конце 70-х годов XX века в местах примыкания стен города (южной и северной) к стенам цитадели, выявили их одновременность, что было зафиксировано и данными дагестанской исторической хроники «Тарихи Дербенд-наме», основную часть сведений которой

большинство современных исследователей считало вымыслом, но их подлинность подтвердили археологические раскопки. Современные обследования пахлевийских (среднеперсидских) надписей известным специалистом-востоковедом М.Н. Боголюбовым позволили ему выявить на северной стене города в персидских надписях византийские буквы с написанием, характерным только для V века.

Поэтапность возведения фортификационных сооружений города и участие в этом строительстве не только самого знаменитого царя Хосвара Ануширвана, как это считалось ранее, но и его отца Кавада засвидетельствовал авторитетный арабский автор X в. ат-Табари, который называет строителями сасанидских укреплений в Дербенте трех правителей Ирана: Пероза, Кавада, Хосрова Ануширвана.

«Царь Фируз воздвиг (еще раньше) в области Сул и (в области) алан строение из скалы с целью оградить свою страну от проникновения тех народов, а царь Кабад, сын Фируза, воздвиг в этих местах после своего отца (также) много сооружений, а когда вступил на престол Хосров, то по его приказу были построены города и укрепления в области Сул из камня (букв. «скалы»)» (ат-Табари. С. 12).

Арабские авторы IX-X вв. оставили многочисленные и весьма подробные описания дербентских фортификационных сооружений, протянувшейся, по их данным, на 7-40 фарсахов в горы, до неприступных вершин (один арабский фарсах – около 6 км) и уходящей в море на расстояние от 3 арабских миль (одна арабская миля около 2 км, т. е. около 6 км) до 6 башен, (расстояние между башнями северной стены 70-80 м, т. е. около 500 м.), или 600 локтей (Кудрявцев, 1993. С. 28-29). Эти ценные описания, хотя порой довольно противоречивые в оценке протяженности стен,

позволяют сопоставить данные средневековых авторов с реально сохранившимися раннесредневековыми стенами города.

Северная и южная стены города вытянуты подобно узкой ленте через весь проход, от цитадели до моря. Длина целиком сохранившейся северной стены 3650 м, а южной, сохранившейся частично, около 3500 м. В плане стены довольно сильно отличаются друг от друга. Северная стена имеет прямоугольные и полукруглые башни (46 башен), расположенные примерно на расстоянии 70 м, а южная — только прямоугольные (17 башен), отстоящие друг от друга на расстоянии около 180 м. В средневековый период обе стены продолжались в море, и между ними был устроен порт города. Стены города построены из крупных тщательно обработанных блоков, которые, будучи уложены ложком и тычком, составляют наружную облицовку кладки, а тело стены заполнено бутовым камнем, скрепленным известковым раствором очень высокого качества.

Уникальная конструкция стен и строительный материал позволил фортификации Дербента сохраниться до наших дней практически полностью, что делает этот памятник не только крупнейшим объектом культурного наследия России, но и объектом мирового культурного наследия, взятым под охрану ЮНЕСКО.

Однако это ценнейшее историко-культурное наследие самого древнего города Российской Федерации требует особых подходов к охране и музеефикации его объектов. Сегодня в аварийном состоянии находятся и требуют срочной реставрации северные, северо-западные и западные участки стен цитадели V-VII вв. В аварийном состоянии находятся купол и

стрельчатые арки сводов крестовокупольного сооружения, отождествляемого мной с христианским храмом V века. Требуют реставрации отдельные участки восточной и южной стен цитадели и северная городская стена.

Перепланированы и покрыты современными строительными материалами крыши древних магалов в исторической части города, находящейся под охраной, как федеральное и всемирное историко-культурное наследие

Особую тревогу вызывает тот факт, что единственный археологический раскоп (площадь 650 кв. м.), исследовавшийся мной во второй половине 70-х годов XX века, который Министерство культуры Дагестана и Дербентский музей-заповедник предполагали законсервировать и музеефицировать как уникальные и единственные в России дворцовые комплексы X-XVII вв. (четыре комплекса один над другими), так и не были законсервированы и музеефицированы и почти полностью разрушились.

Возможно, подготовка к юбилею Дербента, который Дагестан, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина, будет праздновать в 2015 году, позволит значительно улучшить ситуацию с охраной, реставрацией и музеефикацией объектов историко-культурного наследия этого всемирно известного памятника мировой культуры.

Список литературы

Бартольд В.В. Дербент // Сочинения. Т. III. М., 1965.

Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959.

Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.

Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана. Махачкала, 1994.

Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент. М., 1993.

Кудрявцев А.А. Пути развития северокавказского города. Ставрополь, 2003.

ат-Табари. История пророков и царей. / Пер. А.Р. Шихсаидова // РФ ИИЯЛ. № 4803.

Хан-Магомедов С.О. Башни и стены Дербентской крепости // Архитектурное наследство. № 17. М., 1964.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ «ТАТАРСКОГО ГОРОДИЩА»

Территория Ставрополя с глубокой древности была довольно плотно заселена и освоена, а с начала XX в. этот регион занимал одно из первых мест в России по распаханности земель. В настоящее время техническая нагрузка на территорию края приближается к критической (площади освоенных земель в некоторых районах достигают 97%). Сегодня на государственном учете состоит около 2600 недвижимых памятников истории, что составляет лишь незначительную часть (не более 2%) археологического наследия края.

В этой ситуации создание новых музеев-заповедников и развитие существующих приобретает важнейшее значение. Через систему музеев-заповедников возможно не только влиять на политику охраны и изучения памятников историко-культурного наследия, но и активно развивать новые формы их использования. Одним из таких объектов культурного и природного наследия, на которых возможны новые подходы к музеям-заповедникам, к использованию их территорий, существующих и вы-

1. К.и.н., доцент, заведующий археологическим музеем СКФУ, Ставрополь.

явленных на них памятников археологии и природы, является Татарское городище.

Городище, общей площадью более 200 га, расположено в непосредственной близости к краевому центру (южная окраина г. Ставрополя). Его отличает живописный ландшафт и прекрасная сохранность многих археологических объектов.

В 1960 г. Татарское городище было поставлено на государственный учет как археологический памятник республиканского значения. В 1991 г. решением Ставропольского крайисполкома его территория была отнесена к землям историко-культурного и природного назначения с установлением заповедного режима. В 1992 г. на базе городища создан музей-заповедник, площадью 26 га, вошедший в структуру Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. В 1995 г. Указом Президента Российской Федерации Татарское городище объявлено памятником федерального значения.

В 1996 г. Ставропольским государственным университетом, Российским научно-исследовательским институтом природного и культурного наследия и Ставропольским краеведческим музеем на базе Татарского городища был создан Научно-образовательный и культурный центр (НОКЦ) «Татарское городище», в задачи которого входит целый комплекс проблем научного, образовательного, культурного характера, которые учебным, музейным и общественно-воспитательным учреждениям Ставропольского края трудно было бы решать поодиночке.

Научно-образовательный и культурный центр «Татарское городище» создан в структуре Ставропольского государственного университета в соответствии с Типовым положением о высшем учебном заведе-

нии и Уставом Ставропольского государственного университета.

НОКЦ «Татарское городище» был создан в целях:

1. повышения эффективности научно-исследовательской работы в университете;
2. разработки новых приоритетных научных направлений по изучению и сохранению регионального историко-культурного и природного наследия;
3. объединения усилий специалистов университета и краеведческого музея для обеспечения сохранности историко-культурного и природного музея-заповедника «Татарское городище» и использования его в культурно-просветительских целях, изучения взаимодействия человека с природой в исторической ретроспективе и осуществления экологического мониторинга для прогнозирования и выработки соответствующих рекомендаций;
4. обеспечения дополнительной научной и образовательной базы для организации учебного процесса в условиях классического университета.

Основными задачами НОКЦ «Татарское городище» являются:

- проведение фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ в области истории, археологии, экологии, биологии, географии, разработка новых научных направлений в данных областях знаний;
- становление и развитие на базе научно-исследовательского и культурного центра «Татарское городище» научных школ и научных

коллективов, способных обеспечить выполнение исследовательских программ и решение образовательных и воспитательных задач;

- использование научного потенциала университета для обеспечения исследования и развития уникального природно-археологического музея-заповедника «Татарское городище», использование достигнутых результатов в культурно-просветительских целях;
- создание учебно-экспериментальной базы полевых и стационарных исследований по основным направлениям развития исторической, археологической, природно-географической и биологической наук;
- расширение сотрудничества с научными организациями, вузами, предприятиями России и зарубежными учебными заведениями, фирмами, международными организациями.

Татарское городище является сложным многослойным памятником, функционировавшим на протяжении четырех исторических периодов: кобанского, скифского, сарматского, хазарского. Первый из них относится к VIII-VII вв. до н.э. и связан со знаменитой кобанской культурой позднебронзового века, зародившейся на территории Центрального Кавказа и распространившейся к XIII-XII вв. до н.э. на северо-восточные и северо-западные территории региона. Могильники и поселения этого времени характеризуются находками прекрасных бронзовых изделий, предметов вооружения и украшения, деталей конского убранства. Именно с кобанской эпохой связан самый древний слой Татарского городища, обильно насыщенный развалами стен домов его обитателей, многочисленными фрагментами керамики, предметами украшения и быта, орудиями труда.

Следующий этап развития Татарского городища представлен археологическим слоем, который лежит выше кобанского и относится к скифскому периоду, датируемому VII-III вв. до н.э. Скифам принадлежит особая роль в истории всего Предкавказья, где происходило соприкосновение и тесное взаимодействие культур кочевых обитателей степей Евразии с культурами оседлых жителей Кавказа. В этих зонах, лежащих на границах кочевого и земледельческого миров, происходили военные столкновения и взаимовлияния, обмен культурными ценностями и достижениями, торговые и этнические контакты. Здесь возникали новые города и поселения, создавались новые и трансформировались старые культурные традиции, появлялись и исчезали крупные государственные объединения и этнические союзы.

Эти сложные исторические процессы нашли особенно яркое отражение в археологических материалах Татарского городища, местное кобанское население которого вступало в контакты с кочевниками-скифами.

В сарматский период (III в. до н.э. — III в. н.э.) Татарское городище продолжало развиваться и застраиваться. Это было время особой активизации в южнорусских степях кочевников-сарматов, очень близких по языку и культуре к скифам, но отличающихся от них по уровню и характеру социально-экономического развития.

В III в. до н.э. сарматы вторглись на скифские территории и вытеснили последних в Крым и Приазовье. Набеги сарматов сопровождались разрушениями, пожарами, гибелью большей части населения скифских поселений и городов. Подобная судьба постигла и многие населенные пункты Ставропольской возвышенности, но Татарское городище оказалось

незатронутым сарматским нашествием. Здесь не отмечено ни следов штурма, ни крупных разрушений и пожаров.

Последний, самый верхний культурный слой связан со временем существования одного из крупных средневековых государств Восточной Европы – Хазарского каганата.

Эпоха Великого переселения народов, начавшаяся с гуннского нашествия во второй половине IV в. н.э., сильно изменила этнический состав населения Центрального Предкавказья и здесь, наряду с ираноязычными аланами, являвшимися прямыми наследниками и продолжателями традиций сарматов, появились тюркоязычные болгары, авары, савиры, хазары и другие кочевники евразийских степей. К VIII в. н.э. хазары захватили господство среди разноэтничных кочевых племен Северного Прикаспия, Подонья и Предкавказья. Ставропольская возвышенность вошла в территорию Хазарского каганата, а Татарское городище стало одним из ключевых военно-политических и торгово-экономических центров этого могущественного государства.

Ведущие специалисты Ставропольского государственного университета, работающие в области изучения, охраны и использования памятников культурного и природного наследия, выдвигают идею о преобразовании части территории археологического и природного музея-заповедника «Татарское городище» в археологический палеоландшафтный парк города Ставрополя, в котором охранная, научно-исследовательская и музейно-экспозиционная работа сочеталась бы с культурно-развлекательной и просветительско-воспитательной.

В заповедной зоне ведутся лишь охранные, исследовательские и реставрационно-консервационные

работы на историко-археологических объектах заповедника, а также создаются условия для восстановления палеоландшафта и саморазвития природы.

В музейно-рекреационной зоне, открытой для экскурсий и туристических посещений, прокладываются специальные маршруты для осмотра объектов культурного и природного наследия, консервируются и музеефицируются раскопанные археологами уникальные памятники древней истории, реставрируются впечатляющие оборонительные сооружения, устраиваются специальные смотровые и туристические площадки. Здесь культурно-просветительское и историко-патриотическое воспитание человека сочетается с оздоровительной и развлекательной деятельностью.

Сегодня объектами экспонирования в этом парке могут стать самые разнообразные памятники городища: фортификационные сооружения Центрального городища, которые включают земляные валы и рвы, каменные стены, массивные оборонительные башни, цитадель древнего города, а также его уникальные погребальные сооружения, представленные курганными склеповыми захоронениями и грунтовыми могилами.

Центральное или Первое городище является наиболее древней и хорошо укрепленной частью памятника, представляющей наибольший интерес с точки зрения музеефикации и экспонирования, здесь появились самые ранние кобанские жители (IX-VIII вв. до н. э.) Татарского городища, оно стало ядром формирования города, сложившегося на его основе позднее.

Городище, которому отводится основная роль в музеефикации этого ключевого объекта, представляет собой хорошо защищенный мыс, площадью бо-

лее 40 га, защищенный тройной линией валов и рвов с каменной стеной. Хотя со времени их использования прошло более тысячи лет, они хорошо сохранились в рельефе и прослеживаются на расстоянии полкилометра. Вода и ветер сгладили их формы, но превышения валов над рвами и теперь местами достигает 10 м. Одним из объектов музеефикации могут стать древние башни Центрального городища, сохранившиеся сегодня в виде двух больших холмов диаметром около 30 м и высотой 6-7 м. Это остатки средневековых башен, значительно укреплявших оборону города на наиболее опасном центральном участке. Судя по глубоким провалам в центре холмов, башни имели внутреннее пространство и, при необходимости, могли выступать самостоятельным очагом обороны.

С северо-восточной стороны городища сохранился значительный участок древней дороги, который вел к главным воротам существовавшего здесь города. Дорога пролегла между крепостной стеной и глубоким обрывом, причем нападающие были все время обращены к стене, незащищенной щитом, правой стороной. Перед воротами, согласно законам фортификации была устроена специальная площадка, облегчающая защиту ворот. Она была фланкирована с двух сторон стенами, а с третьей ограничена крутым обрывом. Воротный проем и сегодня хорошо заметен, по его краям видны остатки круглых каменных башен, которые усиливали охрану въезда в город.

Нижняя часть Центрального городища является территорией, которая была наиболее интенсивно населена в древности, здесь выявлен самый мощный культурный слой. На южном краю Центрального городища расположен один из важнейших его памятников — цитадель. Она имеет округлую форму и занимает площадку размером 150x170 м, примы-

кающую к долине ручья Анненского. По периметру цитадель обнесена каменной крепостной стеной, от которой осталось валообразное основание. Южная половина цитадели ограничена скальным обрывом, а северная – подковообразным рвом. Высота остатков крепостной стены над рвом достигает 8-10 метров. У цитадели с двух сторон были ворота, располагавшиеся возле обрывов, что повышало надежность её защиты.

Примерно в 70-80 м к востоку от того места, где находится тройная линия валов, располагается один из интереснейших погребальных памятников Татарского городища, получивший у археологов название второго склепового могильника. Раскопки этого склепового могильника дали уникальные результаты. Прежде всего, был открыт совершенно новый тип погребального сооружения, неизвестный ранее ни на территории Кавказа, ни в других регионах. Это каменный склеп, расположенный в центре большого кургана со сплошной каменной обкладкой и развалами каких-то выкладок в ней. Характер погребальных сооружений и инвентарь захоронений со всей очевидностью зафиксировал сложный исторический процесс ассимиляции кочевников-скифов и местного кобанского населения, оседания скифов на земле и перехода их к оседлому образу жизни, симбиоза кочевой и земледельческой культур и формирования новых этнокультурных традиций.

На территории могильника к настоящему времени раскопаны пять крупных курганов с каменной обкладкой и склепами в середине каждого из них. Наряду с этим, здесь были вскрыты многочисленные грунтовые могилы с каменными обкладками или без них и с завалами с набросом камней над захоронениями. Все они располагались вдоль краев курганов

или на очень незначительном расстоянии от них. Разнообразные археологические материалы, в числе которых есть хорошо датируемые греческие амфоры с клеймами и чернолаковая посуда с росписью, позволяют отнести время функционирования этого некрополя к V-III вв. до н.э. Склепы были коллективными усыпальницами, и в них могло быть погребено от 10 до 60 человек, которых хоронили не одновременно, а на протяжении довольно длительного периода. Вероятно, это были представители одного рода или семьи, занимавшей весьма высокое социальное положение среди тогдашних обитателей Татарского городища.

Курганные склеповые захоронения частично законсервированы и являются экспозиционными объектами. Планируется проводить дальнейшую консервацию и музеефикацию этих уникальных исторических памятников городища, которые должны выступить одним из важнейших объектов планируемой экспозиционной и научной работы предполагаемого парка.

Сочетание серьезной научной и учебной работы в виде исследований и полевых практик студентов университета, с широкой музейной, охранной и культурно-просветительской деятельностью, в результате которой будут музеефицированы и станут доступными для массового посещения горожан и гостей города уникальные памятники культурного и природного наследия, является главной идеей комплексного подхода к их сохранению, изучению и использованию.

Широкие археологические исследования, позволяющие раскопать, законсервировать и музеефицировать уникальные курганные могильники с коллективными усыпальницами-склепами, культовые и общественные сооружения, мощные стены и баш-

ни оборонительной системы Татарского городища и другие древние объекты, восстанавливаемые палеоландшафты и красоты реликтового леса, допускают считать создание на базе музея-заповедника археологического и палеоландшафтного городского парка задачей весьма важной и необходимой. В очень недалеком будущем Татарское городище может превратиться в самым тесным образом связанный с краевым центром урбанизированный объект культурного и природного наследия, уникальный городской парк, где посетителей ожидает встреча с древней историей края и его многовековой культурой, увлекательное путешествие в затерянный мир древних курганов, каменных гробниц, развалин жилых и культовых сооружений.

Кадиева Анна Анатольевна¹

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Кавказ и аланы. Эти два понятия настолько тесно соединились в сознании не только интересующегося регионом обывателя, но и многих ученых-археологов, что сегодня даже на страницах научной литературы мы нередко сталкиваемся с их отождествлением. Так, обнаруживая в сопредельных и отдаленных регионах предметы, происходящие с территории Северного Кавказа (что не всегда можно утверждать с уверенностью), специалисты по эпохе Великого переселения народов, чья сфера научных интересов лежит в стороне от Кавказских гор, видят в этом доказательстве экспансии кавказских алан, забывая о том, что аланские племена обитали также и на Дону. При этом совершенно игнорируется тот факт, что территория Северного Кавказа помимо аланских племен была населена и другими народами (Левада, 2013).

Сами же археологи-кавказоведы четко различают этнических алан (с которыми соотносится катакомбный обряд погребения) и аланскую археологическую культуру. Последний термин был впервые введен

1. Научный сотрудник Государственного исторического музея, Москва.

в научный оборот В.А. Кузнецовым (Кузнецов, 1962). Первоначально автор объединил под этим термином все погребальные памятники центральных районов Северного Кавказа, но впоследствии пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу, что с собственно аланскими племенами связаны исключительно катакомбные могильники. В этой же работе отмечается, что культура, бытовавшая в горной зоне Центрального Кавказа, отличается от аланской и является порождением совершенно иной, местной культурной среды (Кузнецов, 1973. С. 73).

Таким образом, аланская археологическая культура впервые была отделена от культуры горных районов, но М.П. Абрамова, чья обобщающая работа стала новым этапом в исследовании Кавказа III-V вв., пересмотрела эту точку зрения в пользу культурного объединения на основе общности материальной культуры. По мнению исследовательницы, несмотря на то, что к этническим аланам относятся только катакомбные могильники, все раннесредневековые погребальные памятники горной зоны центральных районов Северного Кавказа правомерно относить к аланской археологической культуре, что было выражено в тезисе: «северокавказские аланы — это не только те, кто погребен в катакомбах, но все, кто погребен в катакомбах — аланы» (Абрамова, 1997. С. 140).

Тем временем, пока относительно узкие специалисты-кавказоведы выясняли генезис и характер аланской археологической культуры, а также ее связь с аланским этносом, в отечественной и западной археологической науке сложилась следующая схема. В I-II вв. н.э. кочевые аланские племена приходят из Средней Азии в степи Центрального Предкавказья, проживают там до конца IV в. и, наконец, подвергаются опустошительному гуннскому

нашествию, в результате которого часть алан уходит в горы, распространяя свою материальную культуру на все живущее там население, а другая часть уходит вместе с гуннами в Европу.

Эта парадигма раннеаланской истории была кардинально пересмотрена в работе Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева, вышедшей в 2009 г. Данная монография обобщила результаты многолетних исследований обоих авторов, как в кабинетных, так и в полевых условиях. В итоге была выделена так называемая «раннеаланская» археологическая культура, носители которой принадлежали к собственно аланскому этносу. Наиболее значимыми ее признаками стали крупные городища с громадными фортификационными сооружениями, что исключает кочевой образ жизни их населения (Воронин, Малашев, 2006. С. 59), а также относящиеся к ним могильники площадью до нескольких квадратных километров с катакомбными и ямными погребениями под курганами с квадратными ровиками (археологические комплексы Зилги, Брут, Беслан, Экажево и др.).

В вопросе ее происхождения авторы не пришли к единому выводу. По мнению Т.А. Габуева, население Центрального Предкавказья состояло из переселенцев из Средней Азии – носителей катакомбного обряда погребения под курганами (Габуев, Малашев, 2009. С. 114). Иной точки зрения вслед за М.П. Абрамовой придерживается В.Ю. Малашев. По мнению этих исследователей, обряд погребения «раннеаланской» культуры имеет корни как в местной среде (строительство катакомб), так и в позднесарматской (Абрамова, 1993. С. 186) или среднесарматской (Габуев, Малашев, 2009. С. 147) культуре (погребение под курганами), носители которой переселились в предкавказские степи.

Проникновение этого населения в горную зону начинается с IV в. (Коробов, Малашев, Фассбиндер, 2014. С. 133), что, очевидно, вызвано не гуннским нашествием, а перенаселением на плоскости.

В формировании культурного комплекса «раннеаланской» археологической культуры принимали участие и носители «предаланской» культуры, к которой относятся памятники Кабардино-Балкарии типа «Нижний Джулат-Чегем-Заманкул» II (III) вв. до н.э. – I в. н. э. и памятники внутренних районов Пятигорья и Верхней Кубани типа Подкумок-Хумара I-III (начала IV) вв. н.э. Носители этих двух типов памятников принадлежали к сарматизированному населению северокавказских предгорий, но не образовывали единой культуры с ранними аланами (Габуев, Малашев, 2009. С. 157).

Понятия «предаланская» и «раннеаланская» культуры охватывают только предгорно-равнинную часть центральных районов Северного Кавказа. Здесь раннеаланские обрядовые традиции сохраняются до VII в. (Малашев, 2007. С. 497). Постепенно проникая в горы, аланы вливаются в состав живущего там населения и становятся этническим компонентом, составляющим аланскую археологическую культуру эпохи средневековья, об окончательном сложении которой мы можем говорить, начиная с VI в.

Четкое выделение раннего этапа аланской культуры эпохи средневековья на плоскости сделало остро актуальным вопрос о втором ее компоненте, а именно о населении горной зоны. Со времен Е.И. Крупнова (Крупнов, 1940. С. 166) исследователи придерживались мнения об единстве материальной культуры на всей территории Центрального Кавказа. Критерием для выделения локальных вариантов этой культуры служил только погребальный обряд, а учитывая пла-

чевное состояние источниковой базы — только вид погребального сооружения. Не катакомбные погребальные памятники горной зоны безоговорочно приписывались потомкам племен — носителей кобанской культуры (Кузнецов, 1962. С. 114; Алексеева, 1971. С. 269; Ковалевская, 1992. С. 32). При этом, в связи с тем, что материал горских памятников позднесарматского времени — эпохи Великого переселения народов представлен либо ограбленными могильниками, либо разрозненным материалом из собраний коллекционеров и исследователей XIX — начала XX в., преемственность погребального обряда кобанской эпохи и раннего средневековья пока убедительно не подтверждена. На этот прискорбный факт указала еще М.П. Абрамова (Абрамова, 1997. С. 139). Обращаясь к вопросу о генезисе склеповых погребальных сооружений, она отметила, что непрерывная линия их развития от эпохи бронзы до средневековья еще не прослежена, что ставит под сомнение тезис о склепе как исконно кавказском сооружении.

Итак, какие же виды погребальных сооружений присутствуют в горах Центрального Кавказа? Представляется целесообразным рассмотреть их по категориям.

Грунтовые ямы (Рис. 1.1). Данный вид погребальных сооружений представлен одним могильником Тамгацик, раскопанным Е.П. Алексеевой в 1952-1953 гг.

Всего на данном могильнике исследовано 5 погребений (погребение 1 разрушено грабителями), однако, раскопки некрополя не были завершены. Погребальные сооружения представляют собой неглубокие 0,2-0,27 м ямы, длиной 1,7-2,1 м и шириной 0,7-0,9 м, перекрытые несколькими известняковыми плитами. М.П. Абрамова (Абрамова, 1997. С. 47) отмечает, что при такой глубине могильных ям плиты

перекрытия должны были лежать непосредственно на погребенном, а потому либо у ям были заплечики, либо плиты укладывались на несохранившиеся камни. Последнее предположение представляется маловероятным, поскольку из пяти погребений могильника боковая каменная плитка сохранилась только в одном и по фотографии, помещенной в отчете, нельзя с уверенностью утверждать, что он помещен в могилу намеренно. Надмогильных сооружений над погребениями не наблюдалось. Только в одном случае (погребение 2) была обнаружена каменная выкладка «очажок».

Грунтовые ямы Тамгацикского некрополя предназначались для одиночных захоронений. Ямы имеют прямоугольную или овальную форму с сужением к ногам погребенного (одна из ям крытообразная – с прямыми короткими сторонами и закругленными длинными). В четырех случаях на полу погребений находилась подмазка из желтой глины (в двух случаях перемешанной с углями). В погребении 2 под

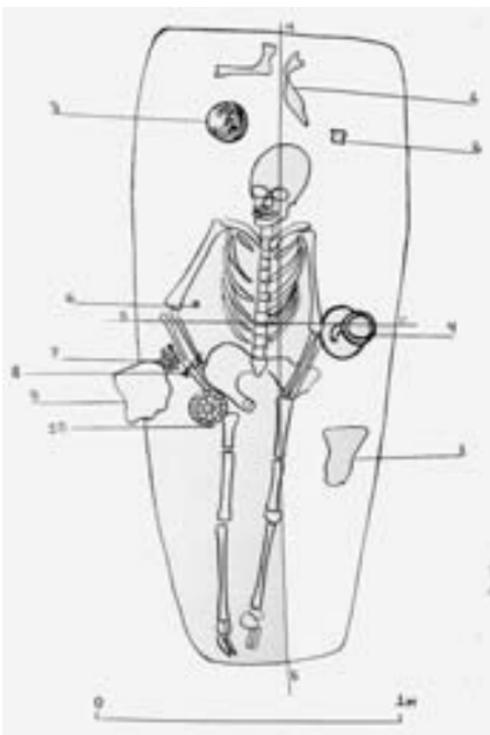

Рис. 1.1. Грунтовая яма.
Погребение 4 могильника Тамгацик
(по Е.П. Алексеевой)

слоем подмазки пол был выложен каменными плитками. Помимо подсыпки уголь на могильнике встречался в заполнении погребения (погребение 4) и в виде углистого слоя под перекрытием (погребение 2). Кроме того, в погребении 3 под тазовыми костями погребенного наблюдалось скопление золы.

Возраст всех погребенных на могильнике (кроме погребения 1, где костяк утрачен) определяется автором раскопок как молодой (в погребении 5 находилась кость юноши 14-15 лет, в погребении 4 – девушки 15-16 лет, пол остальных не определен). Костяки лежат вытянуто на спине (в корытообразном погребении 3 погребенный уложен по диагонали), руки погребенных слегка согнуты в локтях так, что кисти обеих рук располагаются в районе бедер. В двух случаях (погребения 2 и 3) руки сведены на бедрах. Ноги в одном случае (погребение 4) вытянуты параллельно, в остальных – перекрещены. У девушки из погребения 4 бедренные кости перебиты (интересно отметить, что череп погребенной был деформирован).

В двух случаях в погребальном сооружении зафиксированы кости животных. В погребении 2 под перекрытием находились кости барана и коровы. В головах погребенной из могилы 4 располагались 2 челюсти коровы и бараний астрагал.

Вещевой инвентарь могильника не отличается богатством. Он представлен ножами, деталями поясных наборов, незначительным количеством бус, одной фибулой, зеркалами и керамическими сосудами.

Керамические сосуды (в основном кувшины, в одном случае – кружка), как правило, располагались у тазовых костей погребенных, и лишь однажды – у локтя. Бусы были обнаружены в районе рук (возможно, ими обшивали рукава одежды). Сосуды ставились

у пояса, только в погребении 4 кувшин стоял у левого локтя.

Интересна такая черта погребального обряда, как помещение в могилу округлых красных камней, зафиксированная в двух случаях: в погребении 4 он находился за головой погребенной вместе с костями животных, в погребении 5 — у тазовых костей погребенного.

По инвентарю могильник датируется IV-V вв. (Амброз, 1989. С. 42; Абрамова, 1997. С. 47).

Гробы-рамы (Рис. 1.2). Данный тип погребений был впервые выделен З.Х-М. Албеговой в публикации ее раскопок могильника Мамисондон (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 113-115). Исследовательницей были обозначены следующие диагностические признаки: прямоугольная в плане

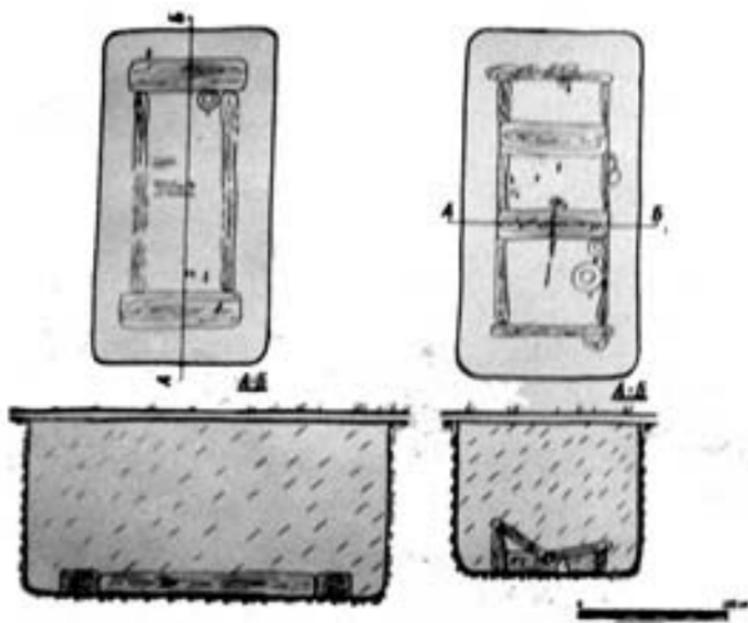

Рис. 1.2. Гробы-рамы. Погребения 3 и 4 могильника Джамагат (по Х.Х. Биджиеву)

яма со скругленными углами и ровным дном, сбита без гвоздей деревянная (сосновая) рама, перекрытая сверху поперечными плахами, камни, помещенные между рамой и бортом ямы. По мнению З.Х.-М. Албеговой камни служили для фиксации перекрытия погребения из мягких материалов.

Для исследуемого периода этот тип сооружений также представлен одним могильником Джамагат в верховьях реки Теберды (Карачаево-Черкесия). На могильнике Джамагат Х.Х. Биджиевым (Биджиев, Отчет за 1978 г.) было исследовано 14 погребений. Еще 10-12 захоронений было разрушено при земляных работах на территории могильника. Из всех археологически исследованных погребений некрополя здесь рассматриваются только 12, поскольку два погребения выходят за рамки функционирования могильника, существенно отличаясь от захоронений основной его части. Погребение 10 относится к предшествующей эпохе (III в.) (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 118. Со ссылкой на консультацию В.Ю. Малашева и А.В. Мастыковой). Погребение 14, напротив, относится к более позднему периоду (X-XII вв.).

В остальных двенадцати погребениях могильника устойчивый обряд прослеживается довольно четко. Могильное сооружение представляет собой грунтовую яму со скругленными углами, внутри которой находится деревянная рама, в трех случаях обложенная камнями. В половине захоронений частично сохранились перекрытия из деревянных плах, а в одном случае плахи перекрывали также и дно.

Захоронения на могильнике исключительно индивидуальные. Половая принадлежность погребенных из-за сохранности костей практически не поддавалась определению (автор раскопок отметил толь-

ко, что в погребении 1 захоронен мужчина, а в погребении 2 женщина). То же самое можно сказать и о возрастном распределении – все погребенные были взрослого возраста, кроме могилы 14, где был захоронен подросток. Погребенные лежали вытянуто на спине. Сохранность костей довольно плохая, потому в большинстве случаев проследить положение рук и ног не представлялось возможным. У сохранившихся костяков руки лежали вытянуто вдоль тела, ноги в двух случаях вытянуты параллельно, в одном – перекрещены. Черепа двоих погребенных (погребения 1 и 2) были деформированы. Важно отметить, что погребение 1 содержало маркеры высокого социального статуса (меч, серьги с золотой обкладкой, котел).

Остатки напугтвенной пищи зафиксированы в двух случаях: в погребениях 1 и 14. В первом случае лопатка козы/овцы находилась в бронзовом котле, во втором – кости козы/овцы были помещены без специальной посуды. В обоих случаях кости животных находились в центральной части погребения (у стенки).

Погребение 14 сопровождалось конским погребением, находящимся на возвышении. Конский костяк лежит на одной линии с человеческим, вероятно, головой к ногам человека (скелет последнего не сохранился).

Предметы вооружения на могильнике найдены дважды: меч и кинжал в погребении 1 и кинжал в погребении 14. В обоих случаях оружие находилось с правой стороны костяка. Нож обнаружен один раз (погребение 4) и один раз найдены ножны от ножа (погребение 2), в обоих случаях в районе пояса. Устойчивой чертой погребального обряда могильника Джамагат является помещение в могилу пряслиц. Они встречены в 5 погребениях (1, 3-6). Детали

ременной гарнитуры обнаружены в погребениях 1 и 6. В погребениях 2, 4-8 находились детали женского убора, к которым относятся фибулы, броши, буллы, стеклянные и каменные бусы, браслеты, зеркало, подвески-амулеты с соколиными головками. Серьги встречались как в мужских, так и в женских погребениях.

Погребальный обряд могильника Джамагат четко фиксировал расположение керамики — у головы и ног погребенного. У головы обязательно размещалась кружка, у ног — кувшин или кувшин с кружкой. В погребениях 1 и 14 сосудов у головы не было, зато они располагались у тазовых костей, и, как и в остальных погребениях, у ног. В погребении 3 сосуд находился за пределами рамы, за головой погребенного.

Судя по инвентарю, могильник датируется V-VI вв.

Сходство погребального обряда с могильником Джамагат на Северном Кавказе демонстрирует только могильник Мамисондон (Алагирское ущелье, Северная Осетия), датируемый VIII в. Кроме погребальной конструкции, сходства в обряде захоронения у этих памятников довольно мало. Тем не менее, сооружение погребальной рамы и перекрывание ее мягким материалом, вероятнее всего, является отражением схожих погребальных практик. На сегодняшний день мы не имеем возможности говорить об этнической принадлежности населения, оставившего могильники. З.Х.-М. Албегова, опираясь на данные археологии и антропологии, приходит к выводу о полиэтничности погребенных Мамисондонского некрополя. При этом исследовательница отмечает, что люди, похороненные на основной части могильника, вероятнее всего, являются выходцами с Западного Кавказа, тогда как в погребениях на холме 1 находятся люди

иною происхождения, возможно, пришедшие с юга, с территории Закавказья (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 127).

З.Х.-М. Албегова и Л.И. Верещинский-Бабайлов в своей монографии привели представительную подборку аналогий обряду Мамисондона, сгруппировав могильники со схожими погребальными конструкциями по географическому признаку. Для могильников с близким погребальным обрядом авторами намечены следующие ареалы: Северо-Западный и Центральный Кавказ, Восточная Грузия, Среднее и Нижнее Поволжье, верховья Северского Донца, Средний Дон, Тамань, Крым, Дунайская Болгария. Для каждого отдельного некрополя намечены черты сходства и различия с мамисондонскими погребениями.

Исследователи могильника Мамисондон приходят к выводу, что наибольшую близость с обрядом изучаемого памятника обнаруживают некрополи салтово-маяцкой культуры, соотносимые с болгарским ее вариантом. При этом отмечается, что большинство погребений с гробами-рамами относится к более позднему периоду, чем могильник Мамисондон и, тем более, могильник Джамагат. Следовательно, истоки традиции захоронения в гробах-рамах на Кавказе следует искать не в салтово-маяцкой культуре степи и лесостепи, а в памятниках предшествующей эпохи.

Однако на сегодняшний день археологическая наука не располагает массивом данных, достаточным для уверенных выводов о происхождении интересующей нас традиции. Находящиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о сходстве погребальных конструкций, но не об единстве обряда в целом. Однако, за неимением близких аналогий, приходится приводить отдаленные.

Поскольку традиция погребения в гробах-рамах на Кавказе не имеет местных корней, представляется целесообразным обратиться к сопредельным регионам. Исследование З. Х.-М. Албеговой и Л.А. Верещинского-Бабайлова убедительно продемонстрировало, что интересующий нас погребальный обычай появился в центральной и южной частях Восточно-Европейской равнины в более позднее время, чем на Северном Кавказе. Однако данное наблюдение относится только к салтовской эпохе. Между тем, аналогии обряду могильника Джамагат, очевидно, следует искать среди древностей гуннского времени.

В степях Юга России и в Приуралье в этот период сложно говорить о едином погребальном обряде (Засецкая, 1994. С. 12). Тем не менее, именно среди памятников гуннского круга встречаются погребения в деревянных рамах (Засецкая, 1994. С. 19). Так в деревянной раме была захоронена женщина из подбойной могилы в кургане 36 у г. Покровска (Саратовская область). Гроб-рама, сохранившийся в кургане 3 могильника Шипово (Башкирия), судя по описанию П.С. Рыкова (автора раскопок), представлял собой прямоугольную раму с решетчатыми боками из планок, вставленных в раму. Сверху конструкция была перекрыта берестой. И.П. Засецкая отмечает, что истоки традиции сооружения гробов, подобных шиповскому, лежат в погребальном обряде населения Средней Азии. В этом же регионе видят их и В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков (Генинг, Халиков, 1964). Эти авторы относят к числу погребений гуннского круга в гробах-рамах и могильник Данилова Балка (Ульяновский район Одесской области, Украина) (Сымонович, 1952), где погребенные обставлены лежащими на ребре досками.

Также сосновый гроб-рама находился в погребении 15 могильника Кудыргэ (Алтай) (Гаврилова, 1965. С. 28). Здесь доски длинных стен имели пазы, в которые вставлялись «шипы» коротких стенок.

Помимо конструкции погребального сооружения на могильнике Джамагат к традициям степного населения гуннского времени тяготеет конское захоронение. Здесь целый костяк коня лежит на ступени выше уровня человеческого костяка головой к ногам погребенного. Подобное положение коня свойственно степнякам, входившим в гуннский союз племен (Засецкая, 1994. С.19), тогда как для алан было характерно погребение конских туш в дромосах катакомб или в отдельных ямах.

Таким образом, возможно, истоки традиции захоронения в гробах-рамах следует искать в гуннском или раннетюркском мире. Однако не следует забывать, что сходство между кавказскими могильниками и некрополями степного мира заключается лишь в конструкции погребального сооружения. Кроме того, в степи мы, как правило, имеем дело с отдельными погребениями, содержащими гробы-рамы, в то время как на Северном Кавказе некрополь Джамагат обладает сложившейся системой погребального обряда. Следует учитывать и тот факт, что керамика могильника Джамагат имеет совершенно аланский облик. И все же, очевидно, что традиция захоронения в гробах-рамах на Северном Кавказе является привнесенной. Окончательно решить вопрос об ее происхождении могут только дальнейшие археологические изыскания как на территории Кавказа, так и за пределами региона. Безусловно, на могильниках Джамагат и Мамисондон погребены представители разных этнических групп, но вполне возможно, что

идею подобных погребальных сооружений они черпали из одного источника.

Каменные гробницы (Рис. 1.3). Данный вид погребальных сооружений впервые был выделен Т.М. Минаевой (Минаева, 1971. С. 58). Подобные погребения были известны и ранее, однако исследователи объединяли их в одну категорию с подземными склепами (например, Кузнецов, 1962. С. 48). К сожалению, подобные недоразумения допускаются отдельными археологами и по сей день, хотя мы располагаем точными и четкими определениями данного вида погребений, сформулированными Т.М. Минаевой и М.П. Абрамовой, согласно которым гробницы, в отличие от склепов, не имеют бокового входа.

Рис. 1.3. Каменная гробница.
Погребение 5 могильника Гиляч (по Т.М. Минаевой)

По Т.М. Минаевой каменные гробницы «представляют собой прямоугольную грунтовую яму, по всем четырем стенкам выложенную битым или слегка подтесанным камнем. Иногда торцовые стенки в них обставлены сплошной плитой.... Дно могилы чаще выстилается тонкими плитками, но встречается и земляное. В стенах иногда устраиваются небольшие ниши и лежанки вдоль одной из длинных стен. Но эти детали имеются далеко не во всех могилах. Покрываются могилы толстыми массивными каменными плитами, одной или несколькими. По глубине могила устраивается так, что покрывающие ее плиты залегают немного ниже древнего горизонта. Сверху над могилой насыпалась земля, но надмогильного холма эта насыпь не образовывала.» (Минаева, 1971. С. 58).

М.П. Абрамова (Абрамова, 1997. С. 100) в целом повторяет определение Т.М. Минаевой, добавляя лишь, что «в большинстве случаев ориентировка могил была связана с направлением холма или горы, на которых обычно размещались могильники».

На сегодняшний день известно более 20 могильников этого типа, 58 погребений из которых содержат достаточно материала для анализа погребального обряда. Из-за легкой доступности данный тип погребальных сооружений подвергался активному разграблению как в древности, так и в наши дни, потому данные, полученные из гробниц часто носят отрывочный характер.

Возможно, важную роль в погребальном обряде играет конструкция гробниц. На могильнике Конхуторский-3 в Кисловодской котловине (Коровов, Кадиева, Бездудный, 2012. С. 187) нижний ряд кладки длинных стен состоял из крупных камней, в то время как в верхние ряды укладывались камни отно-

сительно мелкого размера. Боковые стенки состояли из одной крупной плиты и уложенных сверху мелких камней. Эта манера укладки, отличающая каменные гробницы от прямоугольных подземных склепов, пока, кроме вышеупомянутого памятника, прослежена только в одном случае — на могильнике Инал Балка-3 близ Хумаринского городища. Обозначенная черта может быть свойственна гораздо большему количеству погребальных сооружений, но в связи с тем, что авторы раскопок могильников с гробницами не публиковали фасы их стен, подтвердить или опровергнуть это предположение пока не представляется возможным.

Каменные гробницы предназначались для одиночных либо парных захоронений. В двух случаях было зафиксировано погребение трех и в одном — погребение четырех человек (могильник Гиляч). В качестве напутственной пищи использовалось мясо коровы или овцы, как правило, части туш животных помещались в сосуд (горшок, котел или миску).

Находки предметов вооружения в погребениях единичны — они представлены двумя мечами, наконечником копья, наконечником стрелы и четырьмя кинжалами. О верной атрибуции последних судить затруднительно. Возможно, на самом деле это крупные ножи. Собственно ножей в каменных гробницах найдено 12. Дважды были обнаружены удила.

Находки орудий труда и бытовые предметы также немногочисленны и представлены пружинными ножницами, шилом, ложкой и двумя пряслицами.

Частой находкой являются детали ременных гарнитур из бронзы и серебра. В одном случае была обнаружена золотая бляшка. Одежда скреплялась фибулами из бронзы и железа, находки которых также довольно часты (сохранились в 11 погребениях).

У висков находились калачевидные серьги из бронзы, серебра и золота. Бус, как правило, довольно мало: 1-2 бусины из стекла, янтаря или халцедона, но в одном из погребений найдено ожерелье из 81 бусины. На руки погребенным надевались бронзовые браслеты (в двух случаях – стеклянные). В качестве амулетов использовались колокольчики (4 предмета) и антропоморфные подвески (1).

Керамический набор, как правило, состоял из кувшина и кружки, однако в погребения также помещали горшки и, однажды, миску. Сосуды располагались в головах, у пояса и у ног погребенных. Трижды были обнаружены сосуды на перекрытии гробницы, однако, осознавая, как часто мы имеем дело с разграбленными погребениями, следует предполагать, что данная традиция имела большее распространение. Кроме керамических сосудов, в погребении 34 могильника Гиляч был обнаружен бронзовый котел, а в погребении 36 – дужка от схожего предмета. В восьми погребениях находились стеклянные сосуды или их фрагменты.

Время бытования описываемого вида погребальных сооружений – III-VII вв.

До недавнего времени ареал каменных гробниц ограничивался территорией Верхнего Прикубанья (Абрамова, 1997. С. 100). Однако, в последние годы работы Кисловодской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Д.С. Коробова выявили подобные захоронения и в Кисловодской котловине (Коробов, Кадиева, Бездудный, 2012. С. 190). Далее на восток данный вид погребений не известен.

Ямы с каменной обкладкой (Рис. 2.1). В отличие от грунтовых ям и каменных гробниц, диагностическим признаком ям, обложенных камнем, является обкладка, не образующая архитектурной конструкции,

как в каменных гробницах. Каменная обкладка служила довольно неустойчивым крепежом для стенок ям, потому, вероятно, осыпающиеся стены дополнялись деревянными конструкциями.

Данный вид погребальных сооружений на Северном Кавказе распространен на территории Северной Осетии.

На современном научном уровне на территории Северного Кавказа раскопан только один могиль-

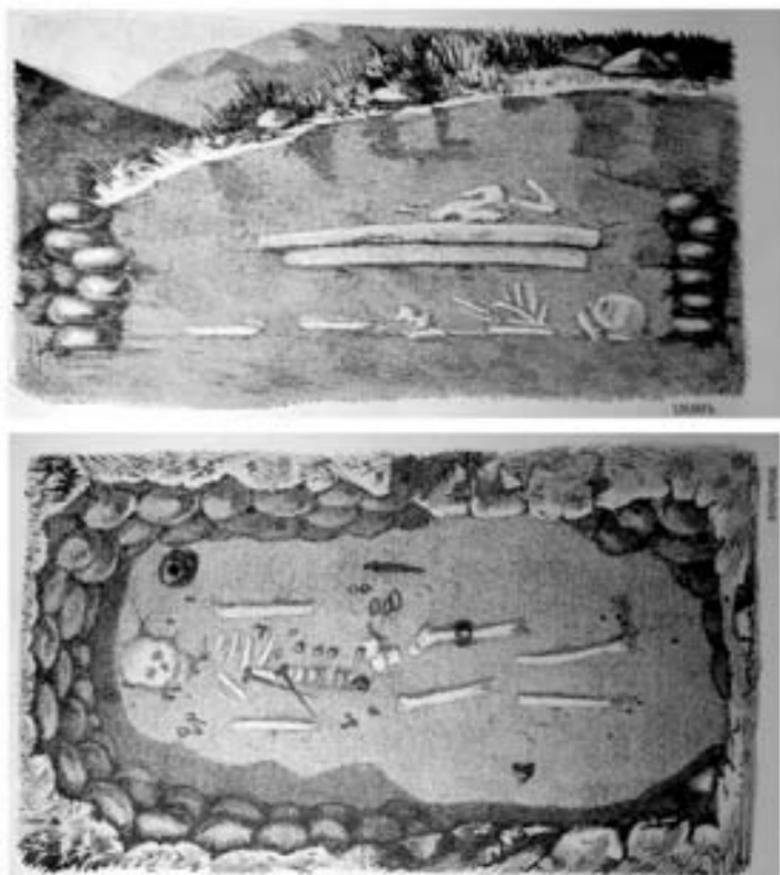

Рис. 2.1. Яма с каменной обкладкой.
Погребение 3 могильника Алдар-Резен
(по К.И. Ольшевскому)

ник с данным видом погребальных сооружений – это могильник Чми – Беахни-Куп (Тагаурское ущелье, Северная Осетия), раскопанный М.П. Абрамовой (Абрамова, Отчеты за 1979 и 1980; Абрамова, 1982; Абрамова, 1997. С. 78).

На данном памятнике раскопано 14 погребений, 12 из которых в общей сложности с 24-мя костяками относятся к исследуемому периоду. Захоронения осуществлялись в прямоугольных ямах, с каменной и деревянной обкладкой. Каменная обкладка зафиксирована в 8 случаях, деревянные конструкции – в пяти. Тот факт, что досками и деревом укреплялись три стены из четырех, и исключением являлась стена, расположенная выше по склону, позволило автору раскопок прийти к выводу, что каменно-деревянные конструкции имели служебную функцию и должны были укреплять стены могильной ямы. В двух случаях в дне могильной ямы выкапывались канавки для установки досок. Перекрытия погребений не выявлены, только в одном случае над могилой была сооружена каменная насыпь. На дне четырех погребений был обнаружен деревянный настил.

Погребения были как индивидуальными (7 погребений) и парными (3), так и коллективными (по 5 и 4 погребенных). Преобладающей позицией было расположение вытянуто на спине (8 погребенных), в отдельных случаях скорченно на правом или левом боку. Поскольку пол погребенных практически никогда установлен не был (полевое определение приведено в двух случаях), говорить о связи с ним вариантов захоронения не представляется возможным, однако женский костяк в погребении 1 лежал скорченно на правом боку, а в погребении 2 мужской – вытянуто на спине. Таким образом, возможно, на могильнике Чми (Беахни-Куп) соблюдалась традиция

укладывания погребенных в соответствии с половой принадлежностью, свойственная аланской археологической культуре. Для этой же культуры характерно смещение костяков при дозахоронении, что наблюдалось и в коллективных погребениях Беахни-Купа. Руки у вытянутых погребенных располагались вытянуто вдоль тела, у скорченных — были сложены перед лицом. Положение ног вытянутых костяков, как правило, вытянуто параллельно, но в одном случае был обнаружен костяк с перекрещенными ногами. Черепа пяти погребенных были деформированы.

Довольно часто (в шести погребениях) обнаруживался уголь в виде отдельных углей на дне погребения, в заполнении или подсыпки под костяком. В погребении 1 обнаружен сгусток сиреневого красителя.

Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения (копьями и стрелами), инструментами (6 ножей и оселок), деталями поясных наборов (в том числе серебряными пряжками). Категория украшений представлена серьгами (пара золотых и пара серебряных), фибулами, гривной, бусами и браслетами. Также были обнаружены амулеты — фигурка человека и кольцо с наплывами. К туалетным принадлежностям относятся два зеркала и один туалетный набор. Кроме того, среди инвентаря могильника встречены стеклянный сосуд-бальзамарий, кувшин и три кружки.

Датировка могильника V-VII вв.

Еще один могильник подобного типа был выявлен П.С. Уваровой близ селения Задалеск (Дигорское ущелье, Северная Осетия). Исследовательница упоминает здесь три некрополя с различным типом погребальных сооружений. Чтобы иметь возможность их различать, им присвоены номера, в соответствии

с порядком, приведенным в монографии. В данном разделе нас интересует могильник Задалеск-2.

Поскольку описание погребений было приведено автором раскопок совокупно, внести их в базу данных не представлялось возможным, потому в ней учтены только тип погребального сооружения и географическое расположение памятника. П.С. Уварова в своей монографии описывает следующий погребальный обряд:

“Ниже этих могил (погребений в каменных ящиках или гробницах III в. н.э. — А.К.) ясно различаются другие, больших размеров со значительными остатками деревянных бревен или досок и с присутствием кусочков угля. Могилы эти овальной формы и обложены кусками местного камня; на дне дерево, на котором расположен распростертый костяк.” (Уварова, 1900. С. 190). Судя по тому, что речь идет о “костяке”, а не о “костяках”, погребения были индивидуальными.

Инвентарь погребений был немногочислен, он состоял из двупластинчатых фибул, накладок, пряжек, небольшого количества бус и керамических сосудов. В одном из погребений обнаружено железное копье. Среди украшений погребенных встречались предметы со стеклянной инкрустацией, изготовленные из тонких листков бронзы. Весь инвентарь могильника укладывается в рамки V-VI вв.

Помимо вышеперечисленных некрополей, в Дигорском ущелье имеется могильник Кумбулта (Алдар Резен), исследованный К.И. Ольшевским, дневник которого был опубликован П.С. Уваровой (Уварова, 1900. С. 210-213).

На данном памятнике было раскопано 6 погребений, устройство которых осуществлялось по одному типу. Поскольку погребальные конструкции описы-

вались по принципу «устройство ее такое же, как и предыдущих», а за образец было взято погребение 3, представляется целесообразным привести здесь выдержку из дневника, посвященную последнему. «В небольшом откосе, после снятия первого слоя земли, на глубине одного аршина, найдена плита, на которой лежали кости животного. Длина плиты 110 см, ширина 40 см; под нею найдена совершенно сгнившая доска, украшенная с внутренней стороны весьма тонкими пластинками золота. Продольный слой доски имел направление с северо-востока на юго-запад. Под доской лежал вполне истлевший скелет головой на юго-запад. Внутренность могилы обложена речным камнем».

Как правило, погребения были одиночными, но в одном случае в могиле было обнаружено несколько черепов. Судя по чертежу погребения 3 (единственному сохранившемуся), погребенные лежали вытянуто на спине.

Обращает на себя внимание обкладка погребения речным камнем, поскольку могильник находится высоко над рекой. Вероятно, для общества, члены которого захоронены на некрополе, обкладка именно окатанным речным камнем играла какую-то особую роль.

К сожалению, коллекция К.И. Ольшевского из Кумбулты поступила в ГИМ без разделения на отдельные комплексы, которые можно было бы сопоставить с определенными погребениями. Кроме того, сопоставление инвентаря кумбултских погребений, перечисленного в дневнике с материалами, хранящимися в музее, показывает, что коллекция не полна. Судьба отсутствующих предметов неизвестна, можно сказать лишь, что поиск в фондах Государственного Эрмитажа не дал результатов. Возможно,

предметы из раскопок Ольшевского были включены в собрание П.С. Уваровой и растворились среди его материалов. Материалы раскопок в монографии П.С. Уваровой приведены лишь частично и не отделены от материалов собрания самой исследовательницы. Лишь в некоторых случаях упоминается, что предмет происходит из раскопок Ольшевского. Однако уже из дневниковых описаний автора раскопок и монографии П.С. Уваровой ясно, что погребения могильника Алдар-Резен не могут датироваться ранее III в. н. э.

Прежде всего, об этом говорит наличие зеркал. Все они принадлежали к типу зеркал с центральной петлей (Уварова, 1900. С. 224). Зеркала подобного типа появляются в горных районах Северного Кавказа не ранее II-III вв. н. э. (Абрамова, 1971. С. 130). На эту же дату указывают и пластины и “дробницы” из золота с сердоликовыми вставками, которые, судя по описаниям в дневнике раскопок и фотографиям, приведенными П.С. Уваровой (Уварова, 1900. Табл. СXXXIII, 1,2), относятся к полихромному стилю, возникшему во второй половине III-IV вв. В этот же период бытуют и сильно профилированные фибулы, а также двучленные дуговидные фибулы, продолжающие линию развития кобанских одночленных. В целом, инвентарь могильника указывает на время его функционирования в рамках III-IV вв.

Традиция погребения в ямах с каменными обкладками является характерной чертой погребального обряда племен кобано-колхидской культурно-исторической общности. При этом, погребения в таких ямах осуществлялись как в западном (Алексеева, 1971. С. 59-60) так и в восточном (Марковин, 2002. С. 106-107) вариантах данной общности (западная кобанская и восточная кобанская культуры). Эта же

традиция прослежена и на могильнике Гастон Уота, находящемся на расстоянии около 2 км к северо-западу от селения Кумбулта (Мошинский, 1997. С. 44). А.П. Мошинский, автор раскопок могильника, отмечает длительность бытования в Дигорском ущелье обычая захоронения в ямах с каменной обкладкой, определяя хронологический промежуток его функционирования в рамках II тыс. до н.э – V в. н.э. При этом исследователь подчеркивает непрерывность существования данной погребальной практики. В погребениях кобанской эпохи на каменную обкладку ямы укладывались доски, т. е. она, по словам А.П. Мошинского “выполняла функцию заплечиков”. Очевидно, в погребениях могильника Алдар-Резен каменная обкладка ямы играла ту же самую роль.

Еще одной деталью погребального обряда могильника, характерной для кобанской эпохи, является положение булавок в погребении 3. Предметы помещены скрещено на груди погребенного, подобно тому, как аналогичные предметы располагались в погребениях Кобанского некрополя (Уварова, 1900. Рис. 7, 8, 9)².

Таким образом, конструкция ям с каменной обкладкой восходит к погребальному обряду кобанской эпохи. Помимо обряда преемственность прослеживается и в отдельных категориях инвентаря – в дугообразных фибулах и предметах антропоморфной и зооморфной пластики.

Отдельно следует остановиться на *склеповом обряде* захоронения (Рис. 2.2). Под термином «склеп» мы подразумеваем подземное каменное сооружение прямоугольной в плане и также подпрямоугольной или подтрапециевидной формы в сечении. В одном

2. Пользуясь случаем, выражаю благодарность А.П. Мошинскому, обратившему мое внимание на этот факт.

случае (могильник Кугульский восточный в Кисловодской котловине) был обнаружен круглый в плане склеп. Определяющим признаком склепа является наличие бокового входа, поскольку данный тип погребального сооружения предназначен для коллективных захоронений.

На сегодняшний день в горной зоне Центрального Кавказа известно не менее 30 склеповых могильников. Еще в семи случаях склепы сочетаются с другими видами погребальных сооружений – катакомбами и подземными каменными гробницами. Погребальный инвентарь, содержащийся в них, как правило, довольно богат – он представлен предметами вооружения, конского снаряжения, а также украшениями, содержащими драгоценные металлы и камни. Потому такого рода могилы подвергались ограблению еще в древности и, поскольку их довольно несложно обнаружить, грабятся и сегодня. В связи с этим информация о погребальном обряде разрознена и неполна.

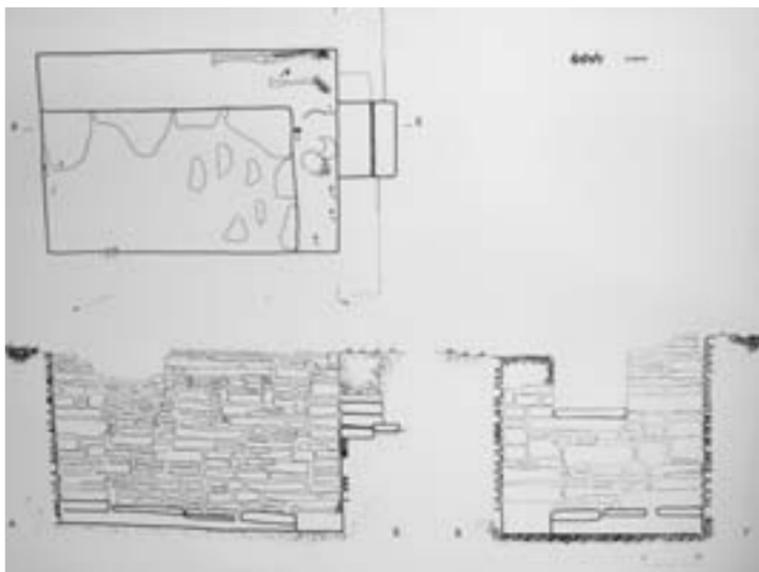

Рис. 2.2. Склеп. Могильник Верхняя Рутха (по Л.Г. Нечаевой)

Традиционно многие исследователи уводят традицию сооружения склеповых захоронений чуть ли не в эпоху бронзы. Однако, как справедливо заметила М.П. Абрамова, непрерывная линия развития кавказских склепов пока еще не прослежена. Первые склеповые сооружения сарматского времени появляются в Предкавказье в IV в. до н. э. – II в. н. э. Это памятники типа Татарка – Вербовка (Березин, Каминский, Малашев, 2012. С. 83). Однако от склепов горной зоны они отличаются рядом признаков. Прежде всего, это наземные сооружения, составленные из вертикально стоящих крупных плит, в то время как в горных подземных склепах мелкие плиты укладывались горизонтально. Перекрытия вербовских склепов были деревянные, тогда как в горной зоне погребения перекрывались каменными плитами. И главное – между склепами горной зоны и склепами Татарского и Вербовского могильников существует разрыв не менее чем в три столетия.

Таким образом, вероятно, склепы горной зоны возникли в позднесарматское время и представляют собой особую самостоятельную линию погребальных сооружений. На сегодняшний день наиболее ранним склепом, чья конструкция подтверждена документально, является склеп из могильника Верхняя Рутха (неопубликованные материалы раскопок Л.Г. Нечаевой), недалеко от него во времени и пространстве отстоит Тырнаузский склеп. Очевидно, склепы этого типа составляют огромные могильники, насчитывающие до 300 погребений, оставленные древним населением гор и предгорий Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Однако на сегодняшний день в каждом из них раскопано по 1- 6 погребений, потому составить четкое представление об их конструкции не представляется возможным.

Совершенно очевидна связь Кугульских склепов (Рунич) и более позднего Галиатского склепа 1935 г. (Крупнов) с катакомбным погребальным обрядом, тем более что эти склепы находятся на катакомбных могильниках. Вероятно, в обоих этих случаях сооружение склепа является данью не этнической традиции, а социальному статусу погребенного.

В целом, на сегодняшний день трудно говорить о степени сходства могильников горной зоны с памятниками предгорий. Пока можно достоверно утверждать только то, что население горной зоны Центрального Кавказа было подвержено некоторой сарматизации. Об этом говорит сходство керамического комплекса, распространение зеркал с центральной петлей, большой процент (около 30%) деформированных черепов. В горных погребальных сооружениях есть и отдельные черты, сближающие их с катакомбными могильниками (например, сооружение лежанок и ниш в склепах и каменных гробницах, сооружение дромосов в склепах, использование огня в погребальных ритуалах, отражающееся в наличие углей в погребениях).

Тем не менее, рассмотрев различные типы погребальных сооружений эпохи Великого переселения народов, можно прийти к выводу, что территория горной зоны центральных районов Северного Кавказа была занята носителями материальной культуры, отличной от «предаланской» и «раннеаланской». После того как из-за ухудшения климатических условий в Предкавказье аланы-носители катакомбного обряда погребения поднимаются в горы, появляется так называемая аланская археологическая культура эпохи средневековья, включающая в себя как катакомбные могильники, так и иные погребальные сооружения. Традиционные для гор формы погребений существу-

ют по меньшей мере до VII столетия, однако о прекращении их существования говорить на сегодняшний день преждевременно, поскольку, как бы слабо не были изучены памятники горной зоны эпохи Великого переселения народов, памятники последующего времени исследованы еще хуже.

Список литературы

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. М., 1997.

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993.

Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. / Материалы охранных археологических исследований. Т. 11. М., 2010.

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. М., 1971.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989.

Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012.

Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // Материалы охранных археологических исследований. Т. 6. М., 2006.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М-Л., 1965.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. Больше-Тарханский могильник. М., 1964.

Засецкая И.П. Культура кочевников Южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.

Ковалевская В.Б. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ – Цхинвал, 1992. С. 22-50.

Коробов Д.С., Кадиева А.А., Бездудный В.Г. Комплекс памятников эпохи раннего средневековья в балке Конхурторской под Кисловодском // Проблемы археологии Кавказа. Вып.1. М., 2012. С. 182-204.

Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фасбиндер Й., Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский-1 близ Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. 2014. С. 120-135.

Крупнов Е.И. Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1935 г.) // Известия Северо-осетинского НИИ. т. IX. Орджоникидзе, 1940. С. 130-168.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 106. М., 1962.

Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // Советская археология. 1973. № 2.

Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 171-187.

Минаева Т.М. История алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв. н. э. // Три четверти века. М., 2007. С. 487-501.

Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М., 2002.

Мошинский А.П. Погребальный обряд могильника Гастон Уота // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93. Отв. Ред. И.В. Белоцерковская. М., 1997. С. 38-46.

Сымонович Э.А. Погребения V-VI в. у с. Данилова Балка // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLVIII. 1952.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа / Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900.

ХРИСТИАНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗОДЧЕСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ³

Древние христианские храмы Северного Кавказа – важнейшее и неоценимое культурное наследие человечества. Это древнейшие целиком сохранившиеся храмы и фресковые росписи на территории Российской Федерации, свидетели культурных контактов между Северным Кавказом, Византией и государствами Закавказья. Но одновременно они представляют собой и серьезнейшую проблему государственного масштаба: состояние многих из них критическое, а некоторых, причем зачастую самых значительных, – катастрофическое.

Эти памятники распадаются на две большие группы. Первая – это церкви на территории Дагестана. Если оставить за скобками весьма безосновательную атрибуцию в качестве христианских храмов Большой мечети и крестообразного водохранилища в Дербен-

1. К.и.н., доцент факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

2. Научный сотрудник РГУ «Наследие Алании» (г. Владикавказ), Москва.

3. Данное научное исследование (№15-01-0011) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 гг. Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства РФ в рамках реализации «Дорожной карты» Программы 5/100 Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

те, то с эпохой Албанского царства могут быть связаны только безапсидные храмы Верхнего Чирюрта, сохранившиеся в археологическом состоянии и требующие дальнейшего изучения. Большинство же из немногочисленных древних храмов Дагестана связано с христианской миссией в Аварии, шедшей из Кахетии эпохи Высокого и позднего Средневековья: в этом плане они оказываются чем-то родственны церквям Восточной Алании (см. ниже), многие из которых также строились под закавказским влиянием. Наиболее интересный и сохранный из них — двухтравевная зальная церковь в Датуне, требующая внимательного исследования (анalogии ей следует искать в зальных храмах Кахетии и, шире, Восточной Грузии).

Вторая, намного более обширная группа — это храмы древней Алании, т.е. территории современных Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии, юго-востока Краснодарского и юга Ставропольского краев⁴. Впрочем, и эта группа, как увидим ниже, неоднородна: архитектура Западной Алании связана с Абхазским царством и провинциальным византийским зодчеством, зодчество Восточной Алании — с Грузией, а в позднесредневековую эпоху там вырабатывается местная, горская традиция церковного строительства.

Христианство проникало к аланам и в Аланию и до X века, однако четких археологических следов церковной архитектуры в это время нет. Возможно, и даже вероятно, что какие-то храмы здесь и строились, однако вряд ли это были сколько-либо масштабные постройки. К сожалению, подавляющее большин-

4. Данная часть статьи представляет собой значительно переработанный и дополненный вариант раздела нашей книги: «Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России». М., 2011. С. 255-307. Там же см. полное научное описание храмов Алании со ссылками на научную литературу.

ство аланских храмов дошло до нас в археологическом состоянии и не имеет точных датировок. Поэтому, в частности, затруднительно сказать, сколько церквей было построено в первый период христианизации Алании: от учреждения архиепископии в 914 году и до изгнания византийцев ок. 932 г. Судя по описанной в источниках ситуации этого времени, о масштабном строительстве говорить сложно. Впрочем, мы знаем несколько церквей этого периода: храм № 6 на Ильичевском городище (возможно, даже чуть более ранний), вероятно, Средний Зеленчукский храм первого этапа и храмик под Сентинским мавзолеем: все они были либо разрушены, либо недостроены. Важно отметить, что уже в это время появляется большинство тех типов церковных зданий, которые получают распространение после возвращения Алании к христианству в середине X века: кроме простых зальных храмиков, это трехнефные базилики и крестовокупольные храмы. Рассмотрим же храмы Алании и их современное состояние по архитектурным типам.

Зальные храмы представлены тремя основными типами: с выраженной снаружи полукруглой апсидой, с невыраженной снаружи полукруглой апсидой и с прямоугольной, внутри и снаружи, алтарной (т.е. восточной) частью. Географическое распределение этих типов крайне интересно.

Тип **зального храма с выраженной снаружи полукруглой апсидой** полностью доминирует в Карачаево-Черкесии и на сопредельном ей юго-востоке Краснодарского края (всего 3 исключения). Это храмы в Кала-Сырте, Адиюхе, Гиляче, на городище Амгата, на левом берегу р. Теберда, в Нижнем Архызе (№ 1-11), в Урупe (№ 1-3), на Ильичевском (церковь на летней поляне МТФ, «Первое окно», № 2, 5, 7) и Первомайском (№ 2) городищах и Куньше. При всей их много-

численности, они дошли до нас исключительно в археологическом состоянии.

Такие постройки имеются и в горной части Кабардино-Балкарии (Верхний и Нижний Чегем, Актопрак), в горах Северной Осетии (Дзивгис) и на равнине (храмы №№ 2, 3, 4 в золотоордынском городе Верхний Джулат). Из них храмы, находящиеся в горной зоне, изучены довольно плохо и в основном находятся в археологическом состоянии.

Еще восточнее и юго-восточнее (в Ингушетии и далее) зальные храмы с выступающими апсидами полностью отсутствуют. Таким образом, этот тип построек находится в непосредственной близости с западно-аланскими базиликами и купольными храмами. Зальные церкви исключительно такого подтипа представлены и на побережье Краснодарского края (территория расселения древних зихов и санигов), что позволяет говорить о византийско-абхазском архитектурном влиянии, проявившемся в выраженности апсиды снаружи. Хронологически данный тип известен в Алании с X века и доживает до начала Позднего Средневековья.

подавляющее большинство этих храмов разрушено, хотя их останки зачастую пригодны для музеефикации. Единственный полностью сохранившийся памятник данного типа, Дзивгисский храм в Северной Осетии, был в 1995 г. реставрирован, однако результаты его восстановления вызывают множество вопросов.

Второй тип **зальных храмов, с невыраженной снаружи полукруглой апсидой**, представлен единичными примерами на территории Карачаево-Черкессии и на сопредельном ей юго-востоке Краснодарского края: простые храмы № 2 в Курджиново и № 4 на Ильичевском городище, а также более сложные храмы № 1 и

7 там же. Вероятно, к этому же типу относится храм № 1 Первомайского городища. Все они известны лишь в археологическом состоянии.

В Кабардино-Балкарии церкви данного типа в настоящее время не сохранились, но в дневнике А. Фирковича имеется рисунок плана и фасадов такого храма, находившегося в Чегемском ущелье. Большое количество зальных храмов такого типа известно в граничащей с Балкарией Сванетии, откуда они и могли попасть на Северный Кавказ.

Тот же тип храмов представлен немногочисленными примерами в Северной Осетии и Ингушетии. В Осетии это Зругский храм («Хозита-Майрам») и храм в селе Гли, в исторической области Двалетия-Туалгом, в верховьях Алагирского ущелья: они датируются XI веком. Но мало сомнений в том, что подобных храмов в этом районе было больше.

В Ингушетии таких храмов известно три: Алби-Ерды, Таргимский и Тхаба-Ерды. Их датировка спорна, но ясно, что первые два памятника сооружены не ранее XI века. Алби-Ерды — это зальная церковь с двумя более короткими приделами и галереей-обходом. Вероятно, приделом была и южная галерея Таргимского храма, стены которой почему-то принимают за ограду, хотя имеются остатки ее сводчатого перекрытия. Тхаба-Ерды, по мнению многих исследователей, имел три разделенные стенами нефа с отдельными алтарями — этот тип построек, считающийся «феноменом грузинской архитектуры», обычно называется «трехцерковной базиликой». Однако самый первый капитальный храм, существовавший на этом месте, неоднократно в течение столетий разрушался, отстраивался заново и затем снова перестраивался — в нынешнем виде перед нами сооружение, практически полностью возведенное в позднее

средневековье, включившее лишь отдельные части более раннего времени. Археологические раскопки в северной галерее Тхаба-Ерды показали, что под полом располагаются основания стен придела, более короткого с запада и востока, нежели нынешняя длина центрального нефа. В главном алтаре храма также просматривается основание более ранней апсиды, сдвинутой к западу. То есть существующая постройка лишь частично повторила план предыдущей. Датировка последней не совсем ясна, но, в любом случае, построена она не позднее начала XI в. и не являлась «трехцерковной базиликой». Видимо, к ней относились древнейшие резные детали, вторично использованные при последующих реконструкциях. Открытая раскопками часть сооружения находит параллель в Алби-Ерды (зальный храм с обходом и боковыми приделами). Возможно, что в Ингушетии (а может, и в прилегающей к ней Чечне) были еще подобные храмы, но они не сохранились. Наличие приделов или обходов во всех ингушских храмах данного типа указывает на их закавказское происхождение, из нагорной части исторической провинции Шида-Картли (совр. Южная Осетия), где они имеются в большом количестве (церкви в Мосабруни, Кусирети, Биети, Кемерти, св. Георгия и Берис-Сакдари в Эредви, Додоти).

Сохранность памятников этого типа плохая: Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Таргимский и Тлиский храм полностью или частично лишились сводов и части стен. Самый рафинированный из них — Зругский, находится в катастрофическом состоянии. В последние годы из-за подмыва реки обрушилась часть его стен с фрагментами уникальных фресковых росписей. В 2007-2008 гг. на памятнике в рамках федеральной целевой программы «Культура России 2006-2010 гг.»

были проведены противоаварийные работы, к которым, в силу исключительной сложности, были привлечены строители-альпинисты. Однако в настоящее время процесс восстановления Зругского храма зашел в тупик, поскольку работы, необходимые для его продолжения, по своей специфике не могут финансироваться в рамках указанной федеральной целевой программы. Республика Северная Осетия-Алания финансировать их также не в состоянии.

Наконец, третий тип **зальных храмов, с прямоугольной внутри и снаружи алтарной частью**, господствует на территории современных Балкарии, горной части Северной Осетии и Ингушетии, но совершенно неизвестен западнее. Подобные храмы распространены и в областях, которые, вероятно, не входили в Аланию (например, Ассиновское ущелье в Ингушетии). Но все эти памятники имеют объединяющие их черты. Большую часть сооружений этого типа мы относим к аланской архитектуре лишь условно, поскольку они относятся к более (иногда значительно) позднему времени, когда институционализированное христианство на Северном Кавказе находилось уже в сильном упадке.

Очевидно, что указанные храмы представляют собой совершенно особое художественное явление — самобытную горскую традицию, развивавшуюся в довольно изолированных условиях. Из всех храмов на территории Алании в этих постройках в наименьшей степени ощущается связь с классической византийской традицией. Нет сомнения, что их строили те же мастера, что возводили на этой же территории башни и склепы.

Специфической особенностью памятников этого круга является полное отсутствие в них клинчатых, работающих на распор арок и сводов. Судя по со-

хранившимся примерам, эти храмы перекрывались деревянными стропилами либо ложными сводами и в последнем случае часто имеют характерные ступенчатые кровли с рядами полочек-«водосливов». В некоторых случаях внутреннее пространство этих храмов расчленено поперечными арками, опирающимися на сильно выступающие лопатки (лишь изредка на сами стены). Таким способом, во многих случаях, отделяется и алтарное пространство (если его вообще можно в этих случаях выделить). Многие из этих памятников ориентированы не на восток.

На территории Осетии церкви этой группы в основном перекрыты деревянными стропилами, лишь отдельные постройки («Нузальская часовня», Сатайи-Обау, Авд-дзуар, храм в Фараскатта, Мады-Майрам в Архоне) имеют каменные своды: они находятся в удовлетворительном состоянии, кроме Авд-Дзуара, где грозит рухнуть свод. В Балкарии (и в Кабарде?) храмов было много, но основная их масса ныне разрушена и наши знания о них сильно ограничены. Судя по всему, перекрытие этих памятников также, в зависимости от возможностей заказчика, могли сделать и из камня, и из дерева. Среди же церквей Ингушетии ложносводчатые перекрытия по своему количеству не уступают деревянным.

Из храмов Балкарии большой интерес представляет церковь Хустос на окраине села Верхний Чегем. Этот памятник частично обследовался в 1959 г. Е. Алексеевой, а в 1981 г. он изнутри был полностью расчищен М. Мужухоевым. Сохранились основания стен.

Самые сохранные и сложные по архитектуре здания этого типа находятся на территории Ингушетии — как уже говорилось, подавляющее большинство их перекрыто ложными сводами и имеет ступенчатую

кровлю. Многие из указанных сооружений внутри расчленены подпружными арками стрельчатой формы. В некоторых постройках очевидно влияние закавказского соседа: например, Делите имеет на фасадах изображения «голгофских» крестов, восходящих к крестам на фасадах грузинских архитектурных памятников (башен, храмов, колоколен) (см. ниже). При этом южный фасад Делите был «украшен» вделанными в кладку черепами животных (туров?), с рогами, выступавшими наружу и смотревшимися довольно странно рядом с христианским символом. Такие же черепа отмечены во многих ингушских храмах (Маги-Ерды, Мятер-Диела, Мятцил, Бархин и др.), а также в осетинском храме-святилище «Мигьдау» в Урсдонском ущелье. Возможно, что своеобразной реминисценцией этого «варварского» мотива являются не имеющие, как кажется, аналогов «консоли» Рекома, Мады-Майрам и Чижита-Майрам в Цейском ущелье в Осетии.

Как было сказано, зальные храмы данного типа представляют собой уникальное, локальное развитие форм христианского зодчества и потому особенно ценны. Большинство из них сохранилось полностью, однако требует консервации и реставрации (например, Делите), подобно тому, как был законсервирован и отреставрирован Нузальский храм с уникальной фресковой декорацией XIV в.

В Алании известны только три **базилики**, и все — в Западной: у всех них по три нефа и по одной апсиде, причем два из этих храмов находятся на Ильичевском городище (№ 3 и 6). Их родина, очевидно, Абхазское царство, так как базилики с изолированными нефами и тремя выступающими апсидами строились в X-XI веках только в североабхазско-сочинском ре-

гионе (храмы в Аба-Анта, Леснянский I и на горе Малый Ахун).

Третья базилика – это храм № 1 в Курджиново (X в.). Она была несколько иного типа: удлиненная, с пятью парами прямоугольных опор. По плану она близка к ранневизантийским базиликами Абхазии т.н. «сирийского» типа (вроде Цандрыпшской), и поэтому не исключено, что ее строители также были из этой области.

Все аланские базилики известны в археологическом состоянии.

Крестовокупольные храмы Алании представлены тремя группами: церквями типа «**свободного креста**», «**полусвободного креста**» и «**вписанного креста**». Это самые значительные и сохранные произведения аланского зодчества.

В 965 году строится Сентинский храм в более простой форме равноконечного *stoix libre*, но не исключено, что более ранний храмик под Сентинским мавзолеем также был крестообразным. Сентинский (Нижнетебердинский) храм Пресвятой Богородицы – выдающееся произведение аланского искусства и уникальный памятник архитектуры, живописи, археологии и эпиграфики Российской Федерации. Он является древнейшей датированной из сохранившихся церквей на территории нашей страны (965 г.), обладает четырьмя (!) уникальными слоями росписи X-XI веков, содержит десятки погребений и представляет собой крупнейшее собрание греческих надписей в России (более 50).

Благодаря недавно (2004 г.) найденной надписи стала известна строительная история памятника. Он был освящен в честь Пресвятой Богородицы 1 апреля 965 г. Феодором, митрополитом Аланским, при правителях Алании Давиде и Марии и при участии по-

сланца византийского императора Никифора Фоки. К середине X века восходит вся современная постройка, кроме притворов, восстановленных на старых фундаментах в самом конце XIX века, при устройстве здесь храма женского монастыря (остальные здания которого расположены ниже по склону). В настоящий момент утрачено большинство устройств в интерьере здания: синтрон, ступень вимы, алтарная преграда. Анализ строительных приемов показывает, что зодчие происходили из соседней Абхазии (ср. крестообразный храм у Крион Нерона в Краснодарском крае), а сам храм может быть отнесен к провинциальному, понтийскому направлению средневизантийской архитектуры. В самом храме и вокруг него расположены многочисленные погребения (частично раскопаны, частично разграблены) IX-XIV веков, где были обнаружены ценные находки (например, роскошные византийские ткани X-XI веков), в т.ч. уникальный мавзолей X века, под которым видны следы апсиды раннего храма, построенного, возможно, между 914 и 932 годами.

При постройке в 965 году стены храма изнутри были покрыты штукатуркой, на которой в южной части вимы была размещена вышеуказанная надпись, а между окон в алтаре изображены синей краской кресты. На следующем этапе (кон. X в.?) эти кресты и другие стены апсиды были с применением сажи и охры перекрыты изображениями стилизованных геометрических крестов, кругов и плетенки, аналогичными росписям Каппадокии этого времени. К тому же этапу относятся многочисленные надписи на стенах храма, содержащие обращения к Богу и Богородице, а также имена просителей – уникальный ономастический материал древней Алании. Затем (в начале XI века?) поверх этих росписей на северо-

восточной стене апсиды было с использованием трех пигментов выполнено изображение святителя на красном фоне, а в конхе апсиды — Богородицы Знамение (древнейший пример данной иконографии). По граффити под изображением и по иконографии святитель опознается как Николай Мирликийский.

Наконец, на последнем этапе храм был, с использованием трех пигментов, расписан полностью по старой штукатурке, а в местах, где она была утрачена, по новой подкладке, сделанной на основе песка и связующего, без применения извести. Верхние регистры росписи не сохранились: известны изображения пророков (?) в барабане и апостолов в апсиде. Ниже последних, в нижнем ярусе апсиды, сохранился святительский чин (8 фронтальных фигур). В наосе храма этот ярус продолжается изображениями отдельных святых: на восточных стенах боковых рукавов — святые всадники, на северной и южной стенах боковых рукавов — святые воины, на западной стене северного рукава — святые жены (утрачены), на западной стене южного рукава и на южной стене западного — преподобные, на северной стене западного рукава было изображение царя (ктитор?) и Богородицы-Агиосоритиссы. Выше, во втором ярусе, по часовой стрелке разворачивается евангельский цикл (многие сцены утрачены). Стилистически росписи четвертого этапа близки к фрескам Аteni в Грузии и могут быть датированы концом XI века.

Здание и окружающая его территория состоят на балансе Карачаево-Черкесского музея-заповедника, в штате которого числится должность сторожа Сентинского храма. Однако в действительности храм не охраняется: в него регулярно заходят коровы, оставляющие там кучи навоза; постоянно проводятся грабительские раскопки погребений; местные жители и

туристы оставляют надписи на стенах и портят фрески.

Сентинский храм находится в аварийном состоянии и срочно нуждается в консервации и реставрации. В здании отсутствуют двери и окна, оно подвержено природным воздействиям. Нуждается в ремонте купол и кровля. Полностью разрушен пол храма, обвалились верхние части притворов. Другой важнейшей задачей является консервация и реставрация настенной живописи, сильно поврежденной по сравнению с концом XIX века из-за естественных осыпей безыизвестковой подкладки и вандальских надписей на стенах. Особо сложной задачей является сохранение всех четырех этапов росписи памятника. Наиболее целесообразным представляется привлечение к восстановлению столь уникального памятника опытных московских реставраторов и их прямое финансирование, помимо Карачаево-Черкесского музея-заповедника.

Самые ранние храмы Алании, Сентинский и Средний Зеленчукский, неизбежно вызвали местные подражания, ограничившиеся, впрочем, лишь ближайшими окрестностями Нижнего Архыза. Кроме Сентов, в Алании точно известно еще три храма типа *croix libre*: на Церковной поляне в Архызе (со слегка удлиненным западным рукавом и двойными или тройными окнами), на р. Большой Зеленчук (с тройными окнами и притвором (?) с юга) и на р. Кяфар (с удлиненным притвором (?) с запада).

Средний Зеленчукский храм на городище Нижний Архыз – вероятно, кафедральный собор Аланской митрополии и самое крупное древнее церковное здание на Северном Кавказе. Он был заложен в форме «свободного латинского креста» с одним приделом с юго-востока. Затем (на высоте стен около 3-4 м)

строительство было прервано, вероятно, из-за изгнания христиан около 932 года, и храм был достроен уже с двумя восточными приделами.

В настоящее время Средний храм сохранился практически полностью, однако претерпел в конце XIX-XX веке ряд перестроек по сравнению с тем состоянием, в котором он представлен на рисунках и фотографиях позапрошлого столетия. При превращении его в соборный храм Александро-Афонского монастыря в 1896-1897 годах были пристроены северо-западный и юго-западный компартименты, причем узкие боковые проемы в западном рукаве (возможно, являвшиеся окнами) превратились в обычные двери. Была также частично перестроена западная стена (сделана лучковая арка над дверью и пробит над нею высокий проем) и притвор, местами починены арки и своды, перелицованы откосы южного дверного проема и переделан северный. Стены храма изнутри покрыли штукатуркой и лепниной (кроме сохранившихся фрагментов росписей). Был пробит широкий арочный проем в восточной травее северной стены западной ветви креста, для того, чтобы из поздней северной пристройки по лестнице попадать на деревянные хоры в западной части храма.

Храм дважды реставрировался, но не слишком удачно. Помимо его приведения в надлежащий вид, также необходима расчистка и консервация двух сохранившихся фресок на северной и южной стенах рукавов.

Как и в остальных типах, в храмах типа компактно вписанного креста встречаются более сложный и более упрощенный вариант, однако общее число зданий, как и базилик и крестообразных церквей, невелико — всего 3: Северный и Южный Зеленчукские и Шоанинский храмы. Ни у одного из них нет точной

даты постройки, однако существуют некоторые реперы для их датировки. Так Северный храм возведен, по всей видимости, до 1012/3 года и, точно, до 1067 года. Поскольку же в 950-960-х годах нам известны лишь крестообразные храмы, то время возникновения храмов типа компактно вписанного креста в Алании, скорее всего, попадает на последнюю треть X – самое начало XI века.

Северный Зеленчукский храм типологически представляет собой тот же тип средневизантийского храма, что и абхазские церкви в Лыхны, Новом Афоне и Алахадзы (с отделенным от наоса нартексом). Это крестовокупольное здание, купол которого через паруса и трехступенчатые подпружные арки опирается на четыре столпа. Восемь долей – все, кроме центральной купольной, перекрыты коробовыми сводами: рукава в направлении от центра, угловые – в продольном. С востока к этой девятидольной структуре примыкает трехчастная вима, соединенная проходами, и три апсиды, полукруглые снаружи и изнутри: в центральной расположен трехступенчатый синтрон.

С запада к основному объему храма примыкает уникальный для крестовокупольных храмов Алании нартекс. Он был двухярусным: на двух продольных арках, опирающихся на пилястры, и, соответственно, трех полуцилиндрических сводах покоились хоры, открывавшиеся в наос проемом в центральной части его западной стены, над входом. К сожалению, нартекс дошел до XX века в полуразрушенном состоянии (храм не использовался монахами и до реставрации был сильно руинирован), так что его первоначальную высоту установить невозможно: был ли он такой же высоты, что и наос, как в Лыхны, или ниже, как он восстановлен сегодня. Форма кровли, изначально, могла с восточного и западного фасадов на-

поминать не базиликальное, а трехлопастное завершение с возможным покрытием черепицей, и лишь потом, вероятно, была перестроена.

Снаружи к храму с трех сторон примыкают открытые притворы. Экстерьер храма так же скуп и лишен декорации, лишь на барабане имеется зубчатый карниз, выполненный из плинфы (на Среднем храме там был «бегунец»). Судя по старым фотографиям, такой же карниз был и на апсидах. Фрагменты черепицы находили при раскопках храма, хотя еще в 1960-е годы было зафиксировано покрытие храма лещадными плитами. Внутри храма еще в конце XIX века присутствовала живописная декорация, сегодня полностью утраченная или находящаяся под побелкой.

Вероятно, храм имел монастырскую функцию. Присутствие же богатых погребений именно в южном нефе можно соотнести с наличием здесь дополнительной ступеньки для подъема на виму (как и в главном), в то время как в северном нефе она отсутствует — такая конструкция позволяет предположить, что южная апсида имела престол, а северная служила протесисом (жертвенником).

Как было сказано, храм отреставрирован, однако не слишком удачно (см. выше). Важной задачей представляется, в частности, поиск и раскрытие от побелки остатков росписи.

В отношении архитектуры Шоанинский храм крайне близок Северному. Речь идет либо о копировании Северного храма, как авторитетного образца, либо о работе той же артели. Первое более вероятно, так как храм построен более изящно, да и понимание масс в нем значительно отличается.

Форма первоначального покрытия храма не совсем ясна. Каких-либо следов переделки из полукруглых «закомар» существующих ныне треугольных щипцов

не видно. Вместе с тем, на квадратном пьедестале барабана с востока и с севера Штендер отметил полукруглые выдры от первоначальной, возможно черепичной, кровли. Исследователь осторожно предположил, что в храме могло быть сочетание «округлой формы покрытия сводов, подходящего благодаря выдре вплотную к пьедесталу барабана, и двускатных (треугольных) щипцов». Весьма спорно и нынешнее многогранное покрытие барабана, сделанное в последние десятилетия. Для подобной реконструкции данных недостаточно (ср. покрытие в Лыхнах). Сам восьмигранный барабан абсолютно уникален для Алании, явно апеллируя к абхазским образцам.

Единственным основанием для датировки Шоанинского храма нам представляется тип его живописной декорации, сходный с первыми двумя этапами фресок в Сентинском храме. Таким образом, предположительный *terminus ante quem* для церкви в Шоане – 2-ая половина X – начало XI века.

Шоанинский храм в конце XIX века был превращен в монастырский и оштукатурен, а в недавнее время подвергся малоквалифицированному ремонту силами местного населения. В частности была сбита поздняя монашеская штукатурка, но неизвестно, не пострадали ли при этом остатки древних росписей, которые были зафиксированы Ферковичем и которые частично раскрылись при ремонте. Храм нуждается в устранении недостатков последнего ремонта и консервации древней штукатурки с остатками фресок, надписями на разных языках (греческом, арабском) и тамгами.

Южный Зеленчукский храм остается наименее изученным и, соответственно, наименее понятным из всех крестовокупольных церквей Алании. Отчасти причина этого кроется в том, что достаточно

рано, в конце XIX века, при превращении в церковь Александро-Афонского монастыря он был сильно переделан (в частности, в его северной стене пробит дверной проем, стены покрыты штукатуркой, а барабан обшит деревом) и с тех пор почти не изучался, так что об его экстерьере мы можем судить только по фотоснимкам позапрошлого столетия. Нам известно четыре старых плана Южного храма (Струкова, Астафьева и Синайского). Все они разнятся между собой: с внутренним заглублением боковых апсид в боковые стены (южное сохранилось до сих пор), без него и с пилястрами на боковых стенах у западных столпов и, наконец, вообще без того и другого. Южный храм «облагородили» и приспособили для службы раньше всех и, видимо, поэтому об его древних литургических устройствах нет никаких сведений, кроме указания епископа Владимира на солею («трибун»).

Если же судить по фотографиям, сделанным до «ремонта», на которых храм предстает несколько разрушенным, но сохранившим своды и купол, то в его экстерьере в еще большей мере проявляется то упрощение форм, которое есть у Шоанинской церкви. Угловые компартименты повысились настолько, что рукава креста практически не возвышаются над ними. Есть вполне обоснованное предположение, что изначально храм имел уникальное криволинейное покрытие, «единый полуцилиндр, охватывавший весь объем храма кроме апсид... следовательно, западный фасад целиком перекрывала одна полукруглая закомара, увенчанная карнизом...». Боковые апсиды также стали почти одинаковы по высоте с центральной и переходят в боковые стены храма без всякого разграничения. Такая утрата тектоники заставляет считать Южный храм подражанием храмам

типа Северного, возведенным, по всей видимости, где-то в течении XI – начала XII веков.

Южный храм, вероятно, был встроен в какой-то более ранний комплекс, скорее всего, в частную усадьбу, аналогов чему существует множество по всему христианскому миру. В пользу приватной функции этого памятника говорят и его скромные размеры. Судя по старым фотографиям, в окнах апсид Южного храма использованы ложные арки. Эта «варварская» конструкция, столь характерная для горского строительства более позднего времени и не встречающаяся в других аланских храмах, говорит, видимо, об участии в возведении постройки местных каменщиков. В интерьере храма сразу бросается в глаза овальный в плане купол, вытянутый по оси запад-восток.

Храм нуждается, пусть и не очень срочно, в полной научной реставрации, для раскрытия его первоначальных форм. Нельзя исключать и обнаружения здесь остатков фресок.

Итак, храмы сложных форм (базиликальные, крестообразные, крестовокупольные) возникают только на небольшом участке Западной Алании, в верховьях Кубани и ее притоков, вокруг центров государственной и церковной власти. На остальной же территории Алании оказываются распространены храмы более простой формы – зальные, однако разные их варианты, доминирующие в различных ее частях, свидетельствуют о различных внешних влияниях на аланскую архитектуру: абхазско-византийском на западе и грузинском на востоке. Это отчасти соответствует существованию в составе Алании двух регионов с разной культурно-исторической судьбой. После гибели Аланского государства храмовая архитектура еще более упрощается, теряя свой ключевой элемент – апсиду, и храмы постепенно превращают-

ся в чисто родовые святилища и усыпальницы, не предназначенные, возможно, для евхаристического богослужения, но воспроизводящие некоторые элементы древнего церковного зодчества.

Интересным образом типология аланских храмов повлияла и на их сохранность. Целиком сохранились крестовокупольные храмы (кроме большинства крестообразных): это связано, очевидно, с высоким качеством их строительства. Также достаточно сохранными оказались зальные храмы без апсиды, что вызвано, вероятно, поздней датой их строительства. Практически все сохранившиеся храмы нуждаются в консервации и реставрации. В первую очередь, это Сентинский и Зругский храмы: в первом надо спасать, прежде всего, фрески, во втором — остатки здания. Также квалифицированная реставрация необходима Среднему Зеленчукскому и, особенно, Шоанинскому храмам. Они, равно как и Северный и Южный Зеленчукский храмы, нуждаются также в устранении печальных последствий неудачных ремонтов и реставраций XIX-XX веков.

СИНКРЕТИЗМ ХРИСТИАНСКИХ И ДОХРИСТИАНСКИХ ВЕРОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ПЛАСТИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Один из примеров синкретических образов в христианском искусстве Северного Кавказа происходит из церкви Тхаба-Ерды в Ингушетии. Речь идет о массивном известняковом блоке, обнаруженном в ходе архитектурно-археологических исследований Д.В. Белецким и Л.Д. Мазур в 2008 г.². Конфигурация этого объекта (был найден в развале фрагментов облицовки внутри церкви) позволяет предположить, что он использовался как консоль (Казарян, Белецкий, 2009. С. 59). Рельеф на основной скошенной фоновой поверхности изображает протомы двух звероподобных существ. Морда одного из них повернута анфас к зрителю. Ее округлая, сужающаяся книзу форма и характерные остроконечные уши помогают опознать кошку или хищника из семейства кошачьих. Его визави – это гибридное фантастическое существо, некий крылатый зверь. Ряды параллельных борозд изображают крыло, морда с полуоткрытой зубастой пастью показана в профиль. Передней лапой

1. Канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва – Санкт-Петербург.

2. Сейчас этот известняковый блок сдан на хранение в Музей краеведения им. Т. Х. Мальсагова в г. Назрани.

с когтями и кончиками челюстей он касается морды и уха первого зверя. Однако позы животных не кажутся агрессивными, вероятнее всего они настроены миролюбиво по отношению друг к другу.

Единственная публикация этого рельефа была подготовлена исследователями, впервые обнаружившими его (Казарян, Белецкий, 2009). В фундаментальной статье, посвященной архитектурным особенностям церкви Тхаба-Ерды, сделан также подробный анализ иконографических и стилистических особенностей рассматриваемого рельефа. Достаточно подробно исследована проблема возможных истоков происхождения запечатленных образов (Казарян, Белецкий, 2009. С. 59). Как справедливо указывают авторы, первое из существ, которое напоминает хищника из семейства кошачьих, скорее всего, представляет льва. К привлеченным ими аналогиям хочется добавить еще одну: фресковое изображение на подпружной арке в нижней церкви Св. Иоанна (Карси Килисе) близ Гюльшехира (вторая половина X – начало XI вв., Каппадокия, Турция) (Ендольцева, 2012. Рис. 4). Второе существо, благодаря фундаментальному исследованию К.В. Тревер, можно идентифицировать как древнеарийскую мифологическую собаку-птицу, симурга (Тревер, 1937). Изображения симурга (сэнмурва) получили особенное распространение в искусстве Закавказья в X–XI вв. (Казарян, Белецкий, 2009. Сноска 74. С. 66). Самый ранний из известных примеров встречается на барабане собора в Эчмиадзине (620 г.) (Казарян, Белецкий, 2009. С. 59). При интерпретации этого образа, однако, надо учитывать мнение А.А. Иерусалимской, которая, ссылаясь на ошибочность перевода названия зверя и на свои наблюдения над эволюцией его изображения на

шелковых тканях, предлагает видеть в нем не сэнмурва, а пока еще не идентифицированный астральный символ (Иерусалимская, 1995. С. 67-68).

По наблюдениям А.Ю. Казаряна и Д.В. Белецкого, ближайшей иконографической, стилистической и географической параллелью к рассматриваемому изображению является переиспользованный фрагмент обрамления проема из церкви в селе Касагина (Касачи в Кударо, Республика Южная Осетия) (Казарян, Белецкий, 2009. С. 59. Ил. 24). Остатки этой церкви, заросшие густой травой и другой растительностью, находятся вблизи ущелья р. Громула, притока р. Джеджори (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 81). Церковь, судя по нескольким сохранившимся рельефам, была украшена резьбой. На фрагментах показаны лев и бык, лев среди плетеных геометрических орнаментов и лев со зверем, очень похожим на предполагаемого сэнмурва из Тхаба-Ерды. Эти известняковые блоки сейчас вмонтированы в кладку главного фасада заброшенной школы, построенной из камней церкви (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 81-82). Стилистические и иконографические особенности архитектурного декора позволяют отнести время строительства этого храма к X в. (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 82-83).

Интересующий нас фрагмент выделяется размером, он находится под окном школы. В верхней части плиты представлена орнаментальная полоса из ромбов, заполненных кружочками с заостренными концами специфической формы и пуговками (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 82). Этот своеобразный рисунок встречается еще раз только в Тхаба-Ерды. То же самое можно сказать и об изображенных в нижней части плиты зверях. Один из них

напоминает кошку-льва из Тхаба-Ерды. В данном случае животное показано целиком, с рельефно выступающим мягко изогнутым туловищем. Напротив него – протома того же, что и в Тхаба-Ерды, зверя, только без крыльев. Его легко узнать по повернутой в профиль морде с полураскрытой пастью, челюсти которой имеют специфическую треугольную форму. Вышеперечисленные детали помогают А.Ю. Казаряну и Д.В. Белецкому сделать правдоподобный вывод о том, что, скорее всего, «строители первого храма Тхаба-Ерды ... происходили из области Кударо» (Белецкий, Виноградов, 2009. С. 60).

Этим двум, насколько нам известно, уникальным примерам в христианском средневековом искусстве Кавказа можно, однако, найти соответствия в романском искусстве Западной Европы. Для этого необходимо для начала рассмотреть образ крылатого зверя, столь популярный в древнеарийской и древнеперсидской мифологии. Как отмечала К.В. Тревер, «Зверинец» Ирана и Кавказа, как и всего того Востока, клочок которого представляет собою Иран и Кавказ, – это целый мир реальных и фантастических существ. Своей разностихийностью они нередко связывают и два и все три неба древнейшего космоса» (Тревер, 1937. С. 64). Представления о большинстве фантастических и реальных зверей, вероятно, имеют космогонические корни. Установить их точное значение пока не представляется возможным. Однако можно констатировать, что среди них присутствовало значительное количество гибридных существ. «Собака-птица, птица-собака, лев-птица, женщина-птица, птица-рыба, лев-антилопа, птица-конь-рыба, бык-рыба, птица-баран, птица-верблюд, бык-лев-змея, лев-антилопа-птица-змея, осел-бык и десятки других чудищ в окружении соответственной

флоры, с деревьями, соединяющими на себе семена всего произрастающего, с растениями исцеляющими от всех бед, — это тот мир, который никак не мог бы уложиться ни в границы необъятного Востока, ни, тем более, в тесные берега Эгейского моря» (Тревер, 1937. С. 65). Из всего многообразия гибридных крылатых фантастических существ Древнего Востока выделим образы собаки-птицы и грифона, птицы-льва, как наиболее противоречивые, получившие распространение в христианском искусстве и имеющие ряд общих черт. Оба этих существа осуществляли связь между различными мирами.

Образ грифона восходит к сведениям античных источников о далеком Севере за Скифией и о священных Рипейских горах, которые в основе своей связаны со скифской традицией, принадлежащей к общеарийскому культурному кругу (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 67). По сообщениям Геродота, грифоны (или грифы) жили у подножия северных гор, охраняя вместе с другими фантастическими существами подступы к «стране блаженных» и золото (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 68). Симург, легендарная птица из «Шахнаме» Фирдоуси, также обитает на священной горе и преграждает запретный путь к ней (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 127). Однако только она может перенести отдельных избранных героев на эту гору. Зороастрийские тексты описывают эту птицу как имеющую зубы хищника и некоторые другие черты зверя (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 126). В скифской изобразительной традиции и в античных источниках два образа крылатых зверей нередко пересекаются, так Эсхил называет грифов «нелающими псами». Скорее всего «в скифском эпосе образ грифов первоначально был связан не со львом, а с чудовищами, вероятно,

крылатыми и когтистыми существами, охранявшими мифическое золото» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 68). Отдавая себе отчет в том, что образ симурга (сэнмурва) в христианском искусстве требует дальнейшего исследования и в том, что вопрос о соотношении и взаимодействии грифона и симурга в этом контексте также не может быть решен однозначно, позволим себе, тем не менее, изложить некоторые наблюдения.

В романском искусстве Западной Европы встречаются изображения, похожие на рассмотренные выше, только вместо крылатого зверя, предположительно собаки-птицы, на них фигурирует грифон. Как и в случае с кавказскими примерами, на большинстве из них животные демонстрируют миролюбивое отношение друг к другу. «Многочисленные комбинации с участием грифона и льва в основном сводятся к их встрече, протекающей в дружелюбной атмосфере. Причем места для встречи выбираются очень важные» (Волков, 2013. С. 254). Так, на тимпане над входом в церковь Санта-Мария де Ретортильо (Кантабрия, Испания, XII в.) крылатый лев и грифон соприкасаются лапами. Над этим знаком некой взаимной симпатии изображен крест, кресты ассоциируются также с фигурами каждого из животных. На чаше купели из Турне из собора в Линкольне (конец XII в.) (Волков, 2013. С. 254, 255) крылатый грифон и лев показаны в профиль, их морды повернуты друг к другу, две передние лапы, как и в предыдущем примере, соприкасаются. Похожая композиция встречается также на северном портале церкви Сан Мигель де Эстилья (Наварра, Испания, XII в.) (Волков, 2013. С. 254, 255). В данном случае звери расположены над фигурами четырех апостолов и двух пророков. Положительный характер взаимодействия этих двух су-

шеств подтверждается надписью, сопровождающей их изображения на капители клуатра собора в Эльне (Лангедок, Руссильон, Франция, третья четверть XII в.)³. Здесь грифон и лев оплетены цветущей лозой, принимающей форму геометрического орнамента в виде окружностей большого и малого диаметра. Над рельефом – надпись, цитирующая псалом 132:1⁴. Таким образом, вышеприведенные примеры из романского искусства Европы явно демонстрируют ситуацию, когда грифон и лев показаны положительными персонажами (они соотнесены с крестами и цитатой из псалма), связанными дружескими узлами и общим делом. Вероятно, лев, как и грифон, в продолжение древней дохристианской традиции (Ендольцева, 2011. С. 109-112) воспринимается в данной комбинации как охранник и страж святыни.

Принимая во внимание недоказанность полной идентификации образов крылатого зверя (возможно, собаки) и грифона, обозначим, тем не менее, некоторые наметившиеся параллели между памятниками Западной Европы романского времени и Кавказа.

Западноеропейские аналогии помогают, как кажется, понять значение кавказских образов. Как и в случае с романскими памятниками, кавказские рельефы украшают конструктивно и символически значимые части храма (обрамление портала, консоль). Доброжелательное отношение зверей друг к другу, их положительная роль в системе образов, а также их семантическое значение, угадывающееся благодаря дохристианским аллюзиям, позволяют, возможно, видеть в них охранительные знаки (апотропеи), стерегущие святыню.

3. <http://www.monestirs.cat/monst/annex/fran/lleng/celnaCS.htm>

4. «Ecce quam bonum et quam iucundum habitare fratres in unum», – <http://sokolwlad.narod.ru/latin/texts/vulgata/20/13.html>. Перевод: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!».

Кроме того, западноевропейские аналогии позволяют поставить кавказские памятники в контекст романского искусства и, тем самым, подтвердить предложенную А.Ю. Казаряном и Д.В. Белецким датировку рельефов из Тхаба-Ерды (Казарян, Белецкий, 2009. С. 60). Интересно, что сопоставление романских и кавказских средневековых христианских образов позволяет выявить их общие истоки, связанные с дохристианскими мифологемами Востока. Изложенные наблюдения носят предварительный характер, однако дальнейшие исследования в этом направлении кажутся перспективными. Сопоставление романских и закавказских христианских образов, а также выявление их общих дохристианских истоков, могут облегчить осмысление, а в некоторых случаях и атрибуцию ряда сюжетов.

Список литературы

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983.

Волков А.В. Код Средневековья. Загадки романских мастеров. М., 2013.

Ендольцева Е.Ю. Каменные рельефы Анакопии // Искусство Абхазского царства VIII-XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. Отв. ред. Е.Ю. Ендольцева. СПб.: Издательство РХГА, 2011.

Ендольцева Е.Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии // Российская археология. № 3. 2012.

Иерусалимская А.А. Шелковые ткани с «сэнмурвами» (новые находки и старые проблемы) // Эрмитажные чтения 1986-1994 годов памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995.

Казарян А.Ю., Белецкий Д.В. Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // Вестник археологического центра. Вып. III. Назрань, 2009.

Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии Шида-Картли. Тбилиси, 1975.

Тревер К.В. Сэнмурв-паскудж, собака-птица. Л.: Государственный Эрмитаж, 1937.

Колесникова Марина Евгеньевна¹

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Освоение во второй половине XIX в. северокавказских территорий сопровождалось накоплением разносторонних научных сведений о них и началом культуuroохранительной деятельности в регионе. Историко-археологические исследования напрямую были связаны с процессом хозяйственного освоения края, которое не только стимулировало научные исследования, но и наносило значительный урон археологическим памятникам. Особенно страдали каменные постройки, из руин которых добывался камень, использовавшийся местными жителями и переселенцами в качестве строительного материала.

Сохранением историко-культурного наследия Северного Кавказа занималась Императорская Археологическая Комиссия (ИАК). Именно на нее была возложена ответственность за сбережение памятников истории и культуры, изучение древностей, пополнение ими музеев, контроль за археологическими изысканиями в стране, выработку приемов и методов раскопок. Следует отметить, что такое важное направление деятельности, как сохранение древних памятников, не входило первоначально в число за-

1. Д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории России СКФУ, Ставрополь.

дач комиссии. Однако, несмотря на это, комиссия этим занималась. Ей удалось добиться распоряжений Министерства Государственного имущества (1883 г.), Министерства внутренних дел (1882, 1883, 1886 гг.) и Синода (1884 г.), в которых запрещалось проведение раскопок в любом месте России без разрешения комиссии (Материалы ..., 1911. С. 14). В ходе реорганизации ИАК в 1889 г. на нее была возложена и охрана памятников старины. Комиссия получила «исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественным» (Установление ..., 1892. С. 1-5). Лица, получающие «Открытый лист», действовали по поручению комиссии, т.е. фактически по поручению государственной власти.

Время работы ИАК на Кавказе совпало с рядом внешне- и внутривластных событий, повлиявших на положение дел в регионе и ускоривших процесс его изучения. Либеральные реформы Александра II и «замирение» Кавказа способствовали процессу сближения региона с другими территориями России, введению общероссийской системы государственного управления на Северном Кавказе. В 1882 г. были упразднены институт наместничества и Кавказский комитет, созданные для управления регионом². Согласно административно-территориальному делению, в 1880-е гг. Северный Кавказ включал Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области и Ставропольскую губернию. В рамках этих территорий и проводилась исследовательская деятельность комиссии. Искусственно установленные административные границы существенно влияли на характер, интенсивность и содержание исследований, так как не совпа-

2. РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 293.

дали с ареалами древних археологических культур, историческими границами древних государств, территориями проживания местных народов.

В деятельности ИАК по изучению различных районов Кавказа и Предкавказья современные исследователи выделяют несколько этапов (Императорская Археологическая Комиссия ..., 2009. С. 780). Первый этап — 1859-1874 гг. — время, когда археологические исследования проводились только силами самих членов комиссии и преимущественно в двух регионах: на Таманском полуострове и в области войска Донского, при этом изучались античные и скифские древности. На втором этапе — 1875-1885 гг. — в силу стабилизации политической обстановки активизируется деятельность комиссии в регионе, расширяется география археологических исследований, усиливается интерес к местным древностям. На этот период приходится и время работы в регионе Московского археологического общества, проведение V Археологического съезда в Тифлисе. Третий этап — 1886-1914 гг. — связан с новыми подходами в деятельности ИАК, систематическим археологическим изучением региона по специально разработанным программам. В поле зрения ученых попадает весь Кавказ, исследуются памятники большого хронологического и культурного диапазона, от каменного века до средневековья. На этом этапе в изучение археологических памятников Северного Кавказа включаются местные исследователи.

Возросший интерес к памятникам древней истории региона во второй половине XIX в. был связан с началом строительства и прокладки путей сообщения (в 1858 г. — Военно-Имеретинской дороги, в 1859 г. — Военно-Грузинской дороги, позже —

Военно-Осетинской дороги (по долине Ардона)). Так, в 1863 г. ИАК осуществляла наблюдение при прокладке Северо-Кавказской железной дороги³, а в 1882 г. раскопки в двух верстах от аула Чми в Воровской балке по Военно-Грузинской дороге производил член-корреспондент комиссии, профессор Д.Я. Самоквасов⁴. Попутно с транспортными коммуникациями строились новые города, населенные пункты, укрепления. Строительные и земляные работы, сопровождавшие процессы обустройства переселенцев на новых местах, привели к обнаружению целого ряда археологических памятников, которыми так богат Северный Кавказ. В связи с необходимостью изучения и сохранения памятников древности в октябре 1871 г. при участии правительства и ИАК в Тифлисе был образован Кавказский археологический комитет, в 1873 г. преобразованный в Тифлисское общество любителей кавказской археологии. С ноября 1872 г. стал издаваться журнал «Кавказская старина» (издатель А.Д. Ерицов).

В 1861 г. комиссия ставит вопрос о необходимости изучения и охраны городища Маджары, ввиду его катастрофического положения. В комиссию была представлена обстоятельная записка сотрудника комиссии В.Г. фон Тизенгаузена о планируемых им раскопках на развалинах городища, в связи с работами по изучению «татарского владычества в России»⁵. Поездка, правда, так и не состоялась ввиду отсутствия необходимого финансирования⁶. В 1874 г. В.Г. Тизенгаузен проводил археологические раскопки на Тамани, в 1875-1878 гг. — раскопки Семибратних курганов на левом берегу Кубани, в 1879 г. — раскоп-

3. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21, 1863 г. Л. 167.

4. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68, 1887 г. Л. 46-47, 67-69, 79-81, 89-92.

5. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14, 1861 г.; Д. 3, 1875 г. Л. 39, 47-48.

6. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16, 1865 г.

ки близ станиц Абинской и Сенной Кубанской области. В период 1881-1883 гг. он исследовал памятники вблизи г. Анапа Кубанской области. Рапорты, отчеты и описи находок, как положено, были представлены в комиссию⁷.

В течение многих лет, начиная с 1880-х гг., археологические памятники Кавказа изучали члены комиссии А.А. Бобринской, Н.И. Веселовский, Н.П. Кондаков, Д.Я. Самоквасов, Н.Е. Макаренко, Н.Я. Марр, Э.А. Реслер и др. Так, например, «Открытый лист» в 1888 г. на проведение раскопок и обследование памятников на Кавказе был выдан А.А. Бобринскому, который представил в комиссию опись найденных и купленных на Кавказе археологических предметов, рисунки находок и описание таблиц к ним⁸. В 1891 г. ему на проведение раскопок в пределах Таврической губернии, земли войска Донского, Кубанской, Терской областей было выделено 1500 руб.⁹. За 1880 г. имеется донесение Н.П. Кондакова о раскопках в ст. Курчанской Кубанской области¹⁰. Спустя девять лет на него по Высочайшему Государя императора повелению от 28 июня 1889 г. было возложено обозрение монастырей Кавказа и составление описи находящихся в них предметов. Его переписка с комиссией, изображения древних вещей, рукопись «Описи памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии» хранятся в архиве ИАК¹¹.

С 1889 г. ежегодно по поручению ИАК раскопки на городищах и могильниках Юга России, в том числе и на территории Ставропольской губернии и Кубанской области, производил действительный

7. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11, 1874 г.; Д. 3, 1875 г.; Д. 4, 1879 г.; Д. 8, 1881 г.; Д. 18, 1882 г.; Д. 3, 1883 г.; Д. 22, 1883 г.; Д. 24, 1883 г. Л. 88.

8. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64, 1888 г.

9. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53, 1891 г.

10. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11, 1880 г.

11. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69, 1889 г.

член комиссии, профессор Н.И. Веселовский¹². Он раскопал сотни курганов, среди которых известный Майкопский курган (1897 г.) (Веселовский, 1895; Он же, 1905). В архиве ИИМК хранятся опись и фотографии находок из курганов х. Штурбина, ст. Ново-Лабинской, Воздвиженской, аула Хатажукаевского, рукописи «Курганы на х. Зубовском Майкопского отдела Кубанской области», «Курганы х. Штурбина», «Ст. Воздвиженская», «Курганы на уч. И.П. Харина близ Хатажукаевского аула (в Майкопском отделе)», «Курган в Юрте а. Хатажукаевского»¹³. Методика раскопок Н.И. Веселовского часто подвергалась критике современниками, а в последующем — советскими археологами. Вместе с тем, в своих работах он пытался решить проблему разработки методики ведения археологических раскопок, подчеркивал необходимость изучения городов и поселений как важнейших исторических источников, поднимал проблему охраны археологических памятников и отсутствия надлежащего законодательства на этот счет (Веселовский, 1901. С. 14, 17-21; Он же, 1906; Он же, 1911. С. 99-104).

В своей деятельности ИАК активно сотрудничала с представителями местной интеллигенции, которым выдавала «Открытые листы» на проведение археологических исследований, поддерживая данное направление в деятельности провинциальных учреждений и научных обществ. Главными критериями, которыми руководствовалась комиссия при выдаче денежных средств на раскопки, были научное имя заявителя и его известность. Давая разрешение представителям провинциальной интеллигенции (учителям, врачам, чиновникам, военным и т.д.), мало-

12. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65, 1894 г.; Д. 93, 1895 г.; Д. 52, 1896 г.; Д. 204, 1896 г.; Д. 60, 1898 г.; Д. 16.

13. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96, 1899 г.

известным исследователям, комиссия, как правило, требовала рекомендаций уже известных исследователей (Императорская Археологическая Комиссия ..., 2009. С. 211-212). Так, например, сотнику Нестерову были разрешены раскопки в пределах северной части Кубанской области в размере не более 5 курганов, а Ф.Г. Николаевскому — в пределах Гостогоаевской и Варениковской станиц Кубанской области при непосредственном наблюдении известного исследователя Кавказа, есаула Е.Д. Фелицына¹⁴.

Среди тех, кому выдали «Открытые листы», были П.И. Хицунов (в 1869 г. на раскопки древнего городища близ ст. Елизаветовской)¹⁵, преподаватель Владикавказского реального училища В.И. Долбежев (в 1886-1888, 1891, 1897 гг. на исследование старинных могильников и городищ в Терской области¹⁶, в 1898 г. — на раскопки в районе строящейся Дербентской ветки Владикавказской железной дороги в Сунженском отделе Терской области¹⁷). В 1886 г. «Открытый лист» на раскопки в ауле Верхний Кобан Терской области получил Х. Кануков¹⁸; в 1888 г. на производство раскопок на казенных и общественных землях Грозненского округа — начальник Грозненского округа Чураковский¹⁹; в 1891 г. на раскопки близ ст. Варениковской Кубанской области — учитель Птушенко²⁰; в 1889 г. на производство раскопок в пределах Кубанской области на берегу реки Большой Зеленчук — Д.М. Струков²¹; в 1891-1893 гг. на

14. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84, 1889 г.

15. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10, 1869 г.

16. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20, 1886 г.; Д. 67, 1886 г.; Д. 18, 1887 г.; Д. 12, 1888 г.; Д. 16, 1889 г. Л. 10-11; Д. 13, 1891 г.; Д. 137, 1897 г.

17. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45, 1898 г.

18. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20, 1886 г. Л. 13-14.

19. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22, 1888 г. Л. 20.

20. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181, 1891 г.

21. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87, 1889 г.; Д. 1, 1890 г. Л. 246.

раскопки в пределах Кубанской области, в том числе близ с. Михаэльсфельд, — К.Е. Думберг²²; в 1894 г. на раскопки в Нальчикском округе Терской области — начальник Нальчикского округа подполковник Вырубов²³.

В 1896 г. раскопки на частных землях в Нальчикском округе Терской области по поручению ИАК проводил художник И.А. Владимиров. В 1898 г. он работал во Владикавказском и Нальчикском округах Терской области, в 1899 г. — в Баталпашинском отделе Кубанской области²⁴. В архиве комиссии сохранились его рукописи «Раскопки на Песчанке» с планом местности, рисунками находок и могил; «Раскопки у древнего Сентинского храма» с планом местности, планами и рисунками мавзолея, старинного храма, рисунками типов могильных сооружений, планом развалин старинного храма у р. Амгаты; «Древний христианский храм близ аула Сенты Кубанской области на р. Теберде» с рисунками и описанием древнего Сентинского храма, фотографиями остатков живописи храма и находок. Часть из них была опубликована в «Известиях Императорской археологической комиссии» (Владимиров, 1901. С. 104-106; Он же, 1902. С. 1-14).

В 1896-1898 гг. «Открытые листы» на раскопки в пределах Кубанской области получал преподаватель Екатеринодарской гимназии, член Общества любителей изучения Кубанской области В.М. Сысоев²⁵; в 1898 г. — Я.Г. Семенцов и В.И. Духонь²⁶.

22. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37, 1891 г. Л. 74-75; Д. 84, 1891 г.; Д. 165, 1891 г.; Д. 39, 39а, 1892 г.; Д. 135, 140, 1893 г.

23. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37, 1894 г.

24. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215, 1896 г.; Д. 40, 1898 г.; Д. 102, 1899 г.

25. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118, 1896 г.; Д. 45, 85, 1897 г.; Д. 38, 1898 г.; Д. 80, 1900 г.; Д. 55, 1903 г.

26. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80, 1898 г.

В целом деятельность ИАК была направлена главным образом на накопление материалов по археологии и древней истории кавказских народов и охрану памятников древности. Аналитическое осмысление добытого археологического материала происходило позже, в советский период развития отечественной исторической и археологической науки. Накопленный членами комиссии материал стал базой для создания первых схем периодизации археологических культур Северного Кавказа (Миллер, 1933; Иессен, 1941). В их основу были положены археологические памятники, открытые членами и сотрудниками комиссии. Среди них Майкопский курган и гробницы у ст. Новосвободной, раскопанные Н.И. Веселовским и давшие возможность выделять сегодня на Северо-Западном Кавказе майкопско-новосвободненскую культурно-историческую общность. Полевые исследования Н.И. Веселовского на территории Кубанской области позволили выделить скифские памятники и белореченскую средневековую культуру. Изучение мегалитических памятников Е.Д. Фелицыным подготовило почву для выделения дольменной культуры Западного Кавказа. Выдающиеся советские археологи Е.И. Крупнов и В.И. Марковин при характеристике северокавказской культуры бронзового века опирались на материалы и музейные коллекции, собранные сотрудниками ИАК.

Список литературы

Веселовский Н.И. Перечень раскопанных в 1895 г. курганов в Кубанской области и найденных в них древностях. СПб., 1895.

Веселовский Н.И. Первобытные древности. СПб., 1901.

Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. I. М., 1905.

Веселовский Н.И. В защиту русской археологии // Новое время. 20 сентября 1906 года.

Веселовский Н.И. Записки о приемах или производстве раскопок // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 году. Т. III. М., 1911.

Владимиров И.А. Развалины старинного храма близ речки Амгаты // Известия Археологической комиссии. Вып. 1. СПб., 1901.

Владимиров И.А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // Известия Археологической комиссии. Вып. 4. СПб., 1902.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Ред. М.И. Артамонов / Материалы и исследования по археологии СССР. №3. М.-Л., 1941.

Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.

Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1911.

Миллер А.А. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. №1-2. Л., 1933.

Установление ближайшего порядка производства археологических раскопок // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1889 год. СПб., 1892.

Бабенко Виталий Александрович¹

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТАВРОПОЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Во второй половине XIX в. в Ставропольской губернии произошли большие перемены в экономике и культуре. Современные исследователи обоснованно связывают их с деятельностью в 1887-1904 гг. на должности ставропольского губернатора Н.Е. Никифораки (1838-1904 гг.), незаслуженно забытого в XX в. Являясь выдающимся администратором, он уделял большое внимание развитию хозяйства губернии, строительству дорог и благоустройству населенных пунктов (Илиади и др., 2002; Илиади и др., 2010). Сегодня об этом весьма плодотворном периоде ставропольской истории напоминают не только архитектурные сооружения, но и целый пласт местной культуры.

Будучи разносторонне образованным человеком, он оказывал покровительство деятелям искусства и представителям зарождавшегося краеведческого движения. При его содействии в 1898 г. Г.Н. Прозрителев открыл «родиноведческую» выставку, ставшую прообразом краеведческого музея (Илиади и др., 2002, С. 245-260).

1. Старший преподаватель кафедры археологии и всеобщей истории СКФУ, Ставрополь.

В период его деятельности в Ставропольской губернии произошли положительные перемены и в деле охраны памятников археологии и истории. К сожалению, опыт культуuroохранительной деятельности властей Ставропольской губернии при Н.Е. Никифораки остается неизученным и невостребованным.

После отмены крепостного права в 1861 г. происходило освоение русским и украинским крестьянством территорий Большедербетовского улуса, Трухменского приставства и заселение районов, ранее оставленных калаусскими и кумскими ногайцами. Освоение территории северных районов Ставрополья сопровождалось массовым кладоискательством. Расположенные в приманычской зоне курганы отличались небольшими размерами, что облегчало деятельность кладоискателей. Не случайно именно в этот период с территории Ставропольской губернии в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) поступило значительное количество случайных находок. Впоследствии наиболее значительные из них заняли достойное место в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа.

В архиве Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН в Санкт-Петербурге сохранились ценные свидетельства о случайных находках на территории Ставропольской губернии и материалы переписки с канцелярией губернатора. Сохранившиеся письма Н.Е. Никифораки свидетельствуют о неформальном интересе губернских властей к проблеме охраны археологических памятников. В целом, наибольшее количество случайных находок поступили в ИАК именно в период его деятельности.

Значительное количество находок поступило из окрестностей сел Здвиженское (Воздвиженское), Киевка и Рогули (Рагули) современного Апанасен-

ковского района. Губернские власти не раз проявляли решительность и принципиальность в борьбе с кладоискательством. Первоначально кладоискателей вынуждали сдавать находки за вознаграждение. Наибольшее количество находок «вынужденно» сдали жители с. Рагули. Обилие случайных находок в окрестностях села свидетельствует, что его жители без проблем совмещали свои сельскохозяйственные занятия с грабежом курганов. Современники отмечали склонность рагулинцев к воровству (Бубнов, 1893. С. 232).

В 1890 г. крестьянин с. Здвиженское Григорий Кищенко обнаружил в разграбленном им на берегу Маныча кургане уникальный комплекс украшений гуннской эпохи, впоследствии вошедший во все своды памятников этого времени (Амброз, 1989; Засецкая, 1994).

Среди ставропольских находок выделяются широко известные золотой поясной набор и золотая поясная чаша, обнаруженные в 1890 г. в ограбленном кургане в урочище Гашун-Уста. В работе А.А. Спицына указано, что вещи были найдены крестьянами с. Рагули на землях кочевых трухмен в Новогригорьевском уезде в яме на глубине 7 арш. А.А. Спицын отнес комплекс к числу древнейших татарских курганов «на русской почве». (Спицын, 1906. С. 261-262). Среди предметов поясной гарнитуры был обнаружен золотой брелок с тамгой «дома Бату», принадлежавший при жизни одному из родственников хана Бату (Батыя). По мнению М.Г. Крамаровского, комплекс связан с «воинской ветвью батыевой семьи» (Крамаровский, 2001. С. 47-49). Комплекс из урочища Гашун-Уста является одним из высокохудожественных образцов джучидского искусства.

Когда отмеченные факты стали известны губернским властям, Н.Е. Никифораки категорически отказался выплачивать крестьянам полагавшиеся им солидные суммы вознаграждений, невзирая на поднявшуюся в центральных изданиях волну осуждения «прогрессивной» общественностью. Ставропольский губернатор считал, что с кладоискательством нужно бороться экономическими мерами и не поощрять дальнейшее разграбление памятников (см. Приложение 1). После 1890 г. активность кладоискателей пошла на спад. Несомненно, что заслуга в этом принадлежит Н.Е. Никифораки и его подчиненным.

В то же время, следует отметить, что на Ставрополье до начала XX в. не удалось организовать изучение памятников археологии. Но это нельзя поставить в вину исключительно губернским властям. Они оказывали максимальное содействие всем желающим проводить раскопки. К сожалению, в этот период внимание исследователей привлекали древности Прикубанья и горных районов Кавказа.

Еще в середине XIX в. назрела задача изучения городища Маджары. Памятник интенсивно разрушался жителями г. Святой Крест и крестьянами сел Покойное и Прасковья. Местное население добывало на городище кирпич и камень. В 1849-1856 гг. ставропольский губернский землемер, действительный член Императорского Географического общества А.П. Архипов производил инструментальную съемку местности в окрестностях города, в том числе и на территории городища. Ему удалось зафиксировать на плане местности следы древней планировки города (Архипов, 1856). К сожалению, его план Маджара затерялся при реорганизации губернских архивов и до сих пор не обнаружен. В письме в ИАК от 6 апреля

1865 г. он предложил начать археологические раскопки Сарая и Маджара². На протяжении 1865-1866 г. он вел переписку с сотрудниками комиссии.

В 1861 г. известный исследователь В.Г. Тизенгаузен в письме к председателю ИАК графу С.Г. Строганову писал о необходимости проведения раскопок Булгара, Биляра, Сарайчика, Укека и Маджара³. В 1875 г. он пишет С.Г. Строганову новое письмо. В нем он сообщает о желании заехать после завершения раскопок на Кубани на Маджары⁴. В 1876 г. ИАК направила ставропольскому губернатору письмо с просьбой о содействии В.Г. Тизенгаузену в проведении на памятнике разведок и, в случае необходимости, небольших раскопок⁵. В ответном письме губернатор сообщил о принятых мерах, включая присылку В.Г. Тизенгаузену Открытого листа⁶. К сожалению, результаты этих работ неизвестны.

Еще одна попытка организации археологического изучения памятника была предпринята в процессе подготовки V Археологического съезда в Тифлисе. Ю.П. Проценко предложил его участникам начать научные исследования Маджара. 13 марта 1879 г. на заседании Подготовительного Комитета съезда А.С. Уваров предложил организовать две экспедиции для исследования кавказских памятников: курганную и пещерную. Одна из двух частей курганной экспедиции должна была заняться изучением курганов в восточной части Ставропольской губернии (Пятый Археологический съезд ..., 1879. С. 37-38). К изучению Маджара она не приступила. Только в 1907 г.

2. Архив ИИМК РАН. Ф. 1, 1865 г. Д. 16. Л. 2 об.

3. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1861 г. Д. 14. Л. 2 об.

4. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1875 г. Д. 3. Л. 39.

5. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1876 г. Д. 980. Л. 47.

6. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1876 г. Д. 980. Л. 48, 48 об.

В.А. Городцов произвел раскопки на Маджарах. Подготовка к этим работам велась Г.Н. Прозрителевым еще при жизни Н.Е. Никифораки.

Следует отметить, что, несмотря на отмеченные недостатки, опыт культуuroохранительной деятельности на Ставрополье во второй половине XIX в. весьма актуален в современных условиях. Размах кладоискательства с применением современных технических средств угрожает самому существованию археологических памятников.

Федеральный закон от 23 июля 2013 г. №245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» призван способствовать комплексному сохранению археологического наследия России, предотвращению незаконного оборота археологических предметов и коллекций. Этот закон открывает перед местными властями и правоохранительными органами широкие возможности. Пример бескомпромиссности Н.Е. Никифораки является поучительным и для его современных коллег, о чем свидетельствуют вызвавшие острый резонанс ситуации с уничтожением памятников истории в г. Ставрополе в 2014 г. А проблема сохранения и изучения городища Маджары стоит также остро, как и в XIX в.

Актуально и стремление Н.Е. Никифораки лишить кладоискателей экономических стимулов их деятельности. В последнее время ряд специалистов обоснованно обращает внимание на недопустимость практикуемой некоторыми государственными музеями археологической атрибуции, оценки и приобретения материалов из грабительских раскопок и использования рядом исследователей материалов из грабительских раскопок (Обухов, 2013. С. 331-332).

Приложение 1.

**Министерство
Внутренних Дел
Ставропольского
ГУБЕРНАТОРА
по канцелярии
16 марта 1891 года
№ 865
Губ. гор. Ставрополь**

В Императорскую Археологическую комиссию

В дополнение отношения моего от 20 декабря прошлого года за №2654, имею честь уведомить, что, как оказалось по произведенному дознанию, крестьянин сел. Здвиженского Григорий Кищенко нашел отправленные мною в Комиссию древние вещи при следующих обстоятельствах. Находясь на работе во время резки кизяков, Кищенко усмотрел на берегу реки Маныча торчащую кость конской головы, и под нею небольшой курганчик, половина которого от времени обрушилась в реку. Желая узнать содержимое в курганчике, он его раскопал и нашел разные металлические вещи, о которых и рассказал Старшине. Найденные вещи лежали под головой и костями лошади. Односельцы Кищенко, опрошенные по этому делу, заявили, что разрывая курган, он, очевидно, искал клад.

В виду этого, я не нахожу возможным выдать назначенное Комиссией за найденные вещи вознаграждение крестьянину Кищенко и имею честь ходатайствовать о разрешении обратить 75 руб. на благотворительные цели, передав в Братство Св. князя Владимира.

При этом считаю нелишним добавить, что по поводу обращения на благотворительные цели 450 рублей, присужденных Комиссией за древние вещи, найденные

на землях кочевых трухмен, близ урочища Гашун-Уста, в «Русских Ведомостях» появилась передовая статья, осуждающая мое распоряжение о лишении вознаграждения находчиков вещей; но с высказанным в этой статье мнением о том, что вознаграждение должно было быть выдано находчикам, которые за недозволенное кладоискательство подлежали ответственности по суду, я не могу согласиться, ибо, если придерживаться такого порядка, то ни одного кургана в губернии не останется не разрытым, так как крестьяне, узнав о том, что за найденные вещи выдается вознаграждение, усиленно займутся кладоискательством. Перспектива получения хорошего вознаграждения настолько заманчива, что ничтожное наказание по суду за недозволенное кладоискательство, в виде штрафа или кратковременного ареста, не удержит крестьян от этого занятия и, таким образом, благие намерения правительства, о сохранении памятников древности для целей научных, окажутся неосуществимыми.

По моему мнению, только материальное наказание кладоискателей, в виде лишения их вознаграждения за находки, может иметь действительные результаты и кладоискатели, видя, что труд их не оплачивается, поневоле прекратят это занятие.

Поэтому я вновь повторяю мое ходатайство об обращении сказанных 75 рублей на благотворительные цели, покорнейше прося о последующем меня уведомить.

Губернатор,
Генерал-майор

Н. Никифораки

Источник: Архив ИИМК РАН. Ф. 1., 1890 г. Д. 219. Л. 10, 10 об, 11.

Список литературы

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.: Наука, 1989.

Архипов А.П. Очерки исследований древнего города Маджара // Ставропольские губернские ведомости. 1856. №12.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.

Бубнов А. Село Рагули, Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда (составлено учителем Рагулинского училища А. Бубновым) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Тифлис, 1893.

Илиади И.Х., Кайшев В.Г., Беликов Г.А. Самый блистательный губернатор М.: Илекса, 2002.

Илиади И.Х., Охонько Н.А., Охонько Я.Н. Ставропольский губернатор Н.Е. Никифораки (1838-1904). К 170 летию со дня рождения. Сборник материалов. Пятигорск.: Вестник Кавказа, 2010.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: АО «Славия», 2001.

Обухов Ю.Д. Вклад А.П. Рунича в некоторые вопросы исследования Маджара в перспективе дальнейшего изучения городища // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск XI: Археология, краеведение, музееведение. М.: «Памятники исторической мысли», 2013.

Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета, изданные под редакцией секретаря Комитета И.Д. Мансветова. М., 1879.

Спицын А.А. Из коллекции Императорского Эрмитажа // Записки Отделения славяно-русской археологии. Т. VIII. Вып. I. СПб., 1906.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Историко-культурное наследие народа, его учет, сохранение и реставрация особенно остро осознаются в кризисные периоды общества. Движение за сохранение исторического наследия не имеет запоздалых сожалений и внутренних конфликтов. Его сторонники – единственные люди в мире, мудрость и правота которых неизменно подтверждается жизнью. Отношение к проблеме сохранения историко-культурного наследия является показателем гражданской зрелости самого общества, его исторической культуры. В связи с этим изучение охранительных тенденций историко-культурного наследия, которые ныне актуализированы в общественно-политическом сознании и бытовой практике народов, а также извлечение конкретных уроков, представляется весьма своевременным и имеет практическую значимость, как для государственных организаций, занимающихся культуроохранительной деятельностью, так и для создания условий для гармоничного воспитания подрастающего поколения и развития духовной культуры в условиях трансформирующегося социума.

Первые государственные действия, направленные на сохранение археологических и историко-

1. К.и.н., доцент кафедры истории России СКФУ, Ставрополь.

архитектурных памятников в России были предприняты в период правления Петра I и продолжены в конце XVIII-XIX вв. Ряд правительственных решений, направленных на сохранение памятников отечественной старины, принимался при Николае I, Александре II и Александре III (Охрана культурного наследия, 2000). В 1859 г. была создана и в 1889 г. усовершенствована Императорская археологическая комиссия. Во второй половине XIX в. начали формироваться организации, занимавшиеся учетом и изучением историко-культурных объектов — церковно-археологические комитеты, губернские ученые архивные комиссии, музеи, археологические, архитектурно-художественные и краеведческие общества. Однако эти две силы — государство и научная общественность — далеко не всегда действовали согласованно. Видимо поэтому в Российской империи и не существовало специального единого законодательства, регулировавшего процесс охраны исторических и культурных памятников. Тем не менее, с 1876 г. готовился проект закона об охране памятников, который стал первой комплексной попыткой сбережения памятников. В нем обобщалась российская законодательная и правоприменительная практика и предлагалось радикальное изменение ведомственного подхода к сбережению памятников, делался упор на научную общественность.

Во второй половине XIX в. создание научных и научно-практических обществ стало внутренней потребностью научной интеллигенции. Созданные при университетах России исторические общества занимались выявлением памятников и публикацией источников. Это Общество истории и древностей российских при Московском университете, Историческое общество Нестора-летописца при университете

св. Владимира в Киеве, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и др. В изучении памятников архитектуры в конце XIX — начале XX в. огромную роль сыграли профессиональные корпоративные объединения архитекторов и художников: Московское архитектурное общество, Петербургское общество архитекторов, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и др. Они осуществляли проектные и исследовательские работы, проводили технический надзор за строительными работами, устраивали научную и художественные экспертизы памятников зодчества.

Развитие археологических исследований во второй четверти XIX в. дало толчок возникновению археологических обществ, роль которых в изучении и сохранении памятников старины огромна. Наиболее крупные из них — Одесское общество истории и древностей, Императорское Русское археологическое общество, Московское археологическое общество и др. Они вели активную популяризаторскую работу, обладали правом наложения вето на перестройку архитектурных памятников, осуществляли контроль за реставрационными работами, способствовали разработке законодательства и формированию общественного мнения о сохранении памятников старины. Обобщение опыта охранного законодательства было впервые предпринято членами Императорского Московского археологического общества (ИМАО). В 1911 году Общество выпустило специальное издание «Материалы к вопросу об установлении в законодательном порядке охраны древних памятников в России». В этой публикации дана характеристика основных правовых документов XVIII-XIX вв. и приведены конкретные сведения о западноевропейском законодательстве. Появление сборника стало законо-

мерным результатом многолетней деятельности членов Общества, активно участвовавших в разработке «Проекта правил о сохранении исторических памятников» и «Проекта закона об охране памятников старины в России». Ряд предложений ИМАО был внесен в окончательный вариант проекта Закона, представленный на рассмотрение в Государственную думу. Несмотря на наметившийся очевидный сдвиг в деле уголовно-правовой охраны культурных ценностей в дореволюционной России, все государственные законопроекты об охране памятников старины конца XIX – начала XX вв. остались незавершенными. Ситуация с охраной древностей всегда носила угрожающий характер для развития исторической науки и поэтому в периоды социальных потрясений научная общественность, деятельность которой заключалась не только в совершенствовании методики изучения памятников, но и в решении практических вопросов их сохранения, играла ведущую роль.

На рубеже XIX-XX вв. в провинциях Российской империи наблюдается общественный интерес к археологии: сбором археологического материала и различных сведений о памятниках древности занимались областные и губернские статкомитеты (Колесникова, Ермоленко, 2008. С. 204-205), с началом развития краеведения интерес к археологии превращается в одно из направлений исследовательской деятельности местных организаций, в том числе, и губернских архивных комиссий. Особо следует отметить деятельность Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК). Она занималась археологическими исследованиями и охраной памятников старины вплоть до учреждения в 1920 г. секции охраны памятников старины и, в 1921 г., Ставропольской этнолого-археологической комиссии. Охрана па-

мятников древности была одним из самых сложных направлений в деятельности комиссии. Трудность заключалась, прежде всего, в огромном пространстве, которое занимала Ставропольская губерния. В связи с этим невозможно было уследить за всеми памятниками, их сохранностью, а также оберегать их от разрушения и уничтожения. Свою пагубную роль играло не только распространение слухов о находках большой материальной ценности, но и невежество и неведение крестьян и казаков относительно значения находимых ими предметов древности. Нередко Г.Н. Прозрителев отмечал, что среди «местного населения совершенно отсутствует сознание необходимости охранять памятники прошлого». Археологические памятники часто разрушались и уничтожались в ходе хозяйственных и строительных работ.

Но наибольший вред памятникам наносили «хищнические раскопки» кладоискателей. Число кладоискателей увеличивалось с каждым годом, несмотря на запреты, угрозы и указы правительства. Они искали золото и старинные монеты, а в итоге уничтожали памятники.

Единственное спасение Г.Н. Прозрителев видел в проведении систематических научных археологических раскопках разрушаемых объектов. Но средств на проведение крупномасштабных раскопок у СУАК не было и предпринимались выезды на места разрушения памятников, производился осмотр и сбор подъемного материала, осуществлялось сотрудничество с центральными научными учреждениями и с местными северокавказскими научными обществами и музеями. Комиссия вела постоянную работу по ознакомлению местной общественности с памятниками старины и древности, по сохранению и развитию исторических традиций. Самим Г.Н. Прозри-

телевым был написан ряд статей о роли и значении археологии, необходимости надзора за памятниками и принятия законодательных мер против кладоискателей для изъятия у них предметов древности, а также вещей, случайно найденных при строительных работах и имеющих историческую ценность. По его инициативе был организован контроль и надзор на местах за памятниками старины. Он предложил выбрать на местах сотрудников архивной комиссии, из числа местных жителей. Они занимались просветительской работой среди населения, доводя до жителей информацию о ценности и научном значении памятников, записывали предания и поверия о кладах и городищах, следили за состоянием археологических объектов, охраняли их от посягательств кладоискателей и сообщали в комиссию о фактах их разграбления и разрушения. Они обладали широкими полномочиями и при содействии полиции, имели право воспрепятствовать незаконным раскопкам и отобрать найденные вещи. Таким сотрудникам выдавались специальные удостоверения, подтверждающие их полномочия и, в зависимости от ценности информации и находок, разовое вознаграждение. Сотрудниками комиссии были избраны: крестьяне Т.Д. Щегольков, А.С. Рыжков, учитель М. Севастьянов, служащий городской управы А.А. Соколов. Но, несмотря на ряд проведенных мероприятий, в ежегодных отчетах СУАК отмечалось, что из-за отсутствия финансов и специалистов-археологов систематических научных раскопок на территории губернии не проводилось, однако совершалось большое количество выездов членов комиссии на разрушаемые объекты по тревожным сигналам сотрудников и проведение спасательных работ. Комиссия рассылала по уездам и волостям «Вопросные листы», на предмет

выявления памятников старины, археологических находок, особенно «каменных баб», находящихся у местных жителей. Для ряда археологических объектов в Ставрополе были заказаны металлические доски с надписями, что данный памятник охраняется государством².

Большим препятствием для охраны памятников археологии на Северном Кавказе являлось отсутствие сведений о месторасположении большинства памятников. Вот почему наряду с раскопками в круг занятий комиссии входил сбор первичной информации и составление археологической карты губернии. Члены комиссии под руководством Г.Н. Прозрителева начали заниматься сбором сведений, фиксацией и описанием памятников Ставропольской губернии. Результатом этого явилось составление Г.Н. Прозрителевым в 1926 г. археологической карты Ставропольской губернии и пояснительной записки к ней (Колесникова, 2004. С. 66).

События первой четверти XX в., изменение политической ситуации, социальные взрывы обострили ситуацию в сфере сохранения памятников, приводили к забвению и даже уничтожению целых пластов культурного наследия. В связи с этим активизировалась и деятельность научной общественности. Центральные и местные научные общества приобрели значение главных хранителей исторических памятников и культурных традиций. События 1917 г. еще больше обострили ситуацию в деле сохранения древностей. Политическая нестабильность, правовой вакуум, разрушение старых государственных структур, ликвидация местных научных учреждений привели к утрате многих ценных для науки предметов. Однако, первые годы советской власти отмечены достаточно

2. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 15-17; Д. 23. Л. 1, 11, 21; Д. 24. Л. 17.

существенными инновациями не только в науке (целенаправленная подготовка профессиональных археологов, расширение спектра полевых исследований, организация и финансирование государством фундаментальных комплексных экспедиций, появление новых научных направлений, методов и методологических поисков), но и в сохранении культурного наследия³. Это появление специального законодательства, ограничивающего вывоз ценных предметов за границу и формирующего основы государственной охраны национального достояния.

Первыми советскими научными учреждениями руководили старые специалисты, которые считали своим профессиональным долгом сохранить культурное наследие. В этой сфере не было саботажа, активно работали вновь созданные комиссии на местах. В начале 20-х гг. XX в. РАИМК в целях всестороннего и глубокого изучения и сохранения памятников культуры на Северном Кавказе начинает работу по созданию сети этнолого-археологических комиссий в Краснодаре, Ставрополе, Владикавказе, Пятигорске. Организационная работа была поручена уполномоченному Российской Академии председателю Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии, профессору Пархоменко (г. Краснодар). Такая комиссия была создана в Ставрополе в мае 1921 г., под руководством Г.Н. Прозрителева. В ее компетенцию входили: раскопки и обследования памятников, разрушающихся в ходе строительства; археологические исследования, проводившиеся вокруг г. Ставрополя с целью выявления, фиксации и постановки на учёт памятников старины; сохранение

3. Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44, 1924. Л. 6, 8. Оп. 2. Д. 1040. Л. 1-4. Оп. 1. Д. 74, 1921. Л. 81, 83; ГАКК. Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 8, 9; ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 39. Л. 72-73. Д. 54. Л. 23-25. Д. 55. Л. 6, 7. Д. 76. Л. 5-6; ГАСК. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 1. Л.Л. 5, 6, 21, 21 об. Д. 10. Л. 38, 68, 131, 140, 140 об. Ф. 645. Оп. 2. Д. 1. Л. 8-9.

историко-культурного наследия⁴. Проведенные археологические обследования дали богатейшие материалы, пополнившие фонды археологического отдела Музея Северного Кавказа. Они и сегодня являются богатейшей источниковой базой в изучении древней истории и культуры Ставрополья.

После выработки в 1920 г. общегосударственного плана археологических изысканий, и, несмотря на тяжелое материальное положение, в стране с целью выявления археологических памятников, их охраны, учёта и составления археологических карт организовывались и проводились первые экспедиции. Охватывая все новые районы, они не только способствовали общему поднятию уровня археологических работ в разных регионах страны и вели к значительным научным открытиям, но и оказывали влияние на формирование советской системы охраны памятников⁵.

Таким образом, деятельность многочисленных научных обществ второй половины XIX – первой четверти XX в. демонстрирует, казалось бы, мозаичную картину в сфере изучения и сохранения национального достояния. Однако это не так. Вся научная общественность была объединена общими задачами. Их консолидация была связана с активной работой археологических съездов и съездов зодчих, значение которых заключалось в пробуждении местной инициативы, в активизации региональных научных обществ и музеев в изучении и сохранении историко-культурного наследия, традиций и формировании прообраза системы фиксации и сохранения памятников старины. На Северном Кавказе эти задачи

4. Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 771, 1931. Л.Л. 48-52; Ф.2. Оп. 1. Д. 95, 1921. Л. 3,6. Д. 74, 1921. Л. 31, 46-49; ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 9. Л. 7. Д. 7. Л. 4-8.; ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 231. Л. 40; ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 7. Л.Л. 5-8, 15.

5. ГАСК. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 10. Л. 35-35а об., 95, 157; ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 55. Л. 6.

выполняли не только государственные учреждения, научные общества, но и научная общественность, добросовестно выполнявшая свой долг: Г.Н. Прозрителев, П. Федотов, А.И. Твалчрелидзе, Т.Д. Щегольков, А.С. Рыжков, М. Севастьянов, А.А. Соколов и др. Они занимали особое место при создании ряда законодательных инициатив по защите интересов общества и государства в деле сохранения национального достояния. Охранительские тенденции, сформировавшиеся в конце XIX – начале XX в. сыграли положительную роль в дальнейшем оформлении «охранного» законодательства, во многом определившие развитие законотворческого процесса уже в Советской России в условиях идеологического фактора в сохранении и актуализации историко-культурного наследия.

Список литературы

Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: библиографические очерки. Ставрополь, 2004.

Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П. Из истории изучения и охраны археологических памятников Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008.

Охрана культурного наследия в России. XVII-XX вв. М., 2000.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Развитию туризма в Карачаево-Черкесской Республике в настоящее время уделяется повышенное внимание как со стороны органов государственного и муниципального управления в сфере туризма, так и со стороны бизнеса. К примеру, активной деятельностью по освоению туристских ресурсов СКФО и ЮФО занимается ОАО «Курорты Северного Кавказа» (ОАО «КСК»), учрежденное в 2010 г. для управления особыми экономическими зонами туристско-рекреационного типа, в число которых вошли Зеленчукский а немного позже Урупский районы КЧР. Таким образом, проект туристического кластера под управлением ОАО «КСК» включает находящийся на территории КЧР всесезонный туристско-рекреационный комплекс «Архыз»². Создание и развитие означенного комплекса, прежде всего, обусловлено наличием здесь привлекательной

1. К.и.н., доцент кафедры археологии и всеобщей истории СКФУ, Ставрополь.

2. Об истории создания ОАО «КСК» и документах, регулирующих ее деятельность см.: История компании // Курорты Северного Кавказа: сайт. URL: <http://www.ncrc.ru/ru/page/istoriya-kompanii> (дата обращения: 12.01.15).

для туристов территории с «уникальными природно-климатическими условиями»³. Соответственно Архыз представляется потребителю, как и другие известные курорты КЧР – Домбай и Теберда, прежде всего в качестве зоны активного отдыха, связанного преимущественно с природными туристскими ресурсами.

Между тем территория Карачаево-Черкесской Республики обладает мощным историко-культурным потенциалом, который является основой развития такого вида туризма, как культурный или познавательный. Согласно сведениям, приведенным начальником Управления КЧР по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия У.К.-Г. Бесленевым на заседании прошедшего в Общественной палате Республики круглого стола (март 2013 г.), посвященного проблемам сохранения, использования и охраны историко-культурного и духовного наследия, в КЧР имеется более 30 тысяч объектов археологии, а на 2013 г. в Едином Государственном Реестре объектов культурного наследия числилось 109 объектов федерального значения, 116 регионального и 141 – местного (муниципального) значения; кроме того, было сообщено об утверждении списка из 312 вновь выявленных объектов⁴; позднее, данные на 2014 г., оглашенные Управлением для прессы, несколько изменились: 116 объектов федерального значения,

3. На сайте ОАО «КСК» указано, что деятельность компании «способствует реализации положений концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», одним из направлений которой (раздел 7, п. 2) является «образование и развитие туристско-рекреационных зон с высоким уровнем оказания сервиса на территориях с уникальными природно-климатическими условиями».

4. Проблемам сохранения, использования и охраны историко-культурного и духовного наследия в КЧР и путям их решения был посвящен круглый стол, который прошел 13 марта 2013 года в Общественной палате Республики // Общественная палата КЧР: сайт. URL: <http://www.palata09.ru> (дата обращения: 12.01.15).

115 регионального и 141 местного, в списке вновь выявленных объектов – 658⁵.

Соответственно, развитие познавательного туризма невозможно без разрешения вопросов сохранения культурного наследия. К примеру, на упомянутом выше круглом столе ученый секретарь «Государственной инспекции по охране культурного наследия КЧР» С.И. Осецкая указала на две основные причины разрушения объектов культурного наследия в Республике: целенаправленные грабительские раскопки (при этом особую обеспокоенность выступавшая выразила увлечением «поиском кладов» молодежи в сельской местности⁶); проведение строительных, хозяйственных, мелиоративных и иных работ⁷.

Разумеется, при разрешении первой проблемы необходимо как участие правоохранительных и прочих специально уполномоченных органов, так и проведение работы по просвещению и воспитанию населения республики в духе бережного отношения к имеющемуся на ее территории наследию. И здесь необходимо отметить позитивные изменения. Так, например, в 2014 г. Детский отдел Карачаевской район-

5. В Карачаево-Черкесии обнаружены курганы и городище, возраст которых свыше 2 тыс. лет // ИТАР-ТАСС: сайт. URL: <http://itar-tass.com/nauka/1377062> (дата обращения: 12.01.15).

6. По проблемам грабительских раскопок в республике удалось обнаружить довольно давнюю, опубликованную в 2010 г., статью старшего государственного инспектора Кубанского территориального управления Росохранкультуры по Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республикам Б.Х. Атабиева, где автор указал, что одним из важнейших факторов, определяющим «нездоровый интерес к древностям» является безработица, которая в значительной степени затронула сельское население кавказских республик, а затем пришел к заключению: «учитывая, что абсолютное большинство памятников археологии расположено в сельской и горной местности, становится понятным масштаб грабительских раскопок». Так, по словам того же автора, в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесской Республики разграблены около 70% курганов. См.: Атабиев Б. Х. Охрана объектов культурного наследия в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках: (практика и перспективы) // Культура: управление, экономика, право. 2010. № 3. С. 1519 // Электронная юридическая библиотека «ЮристЛиб»: сайт. URL: http://www.juristlib.ru/book_7783.html (дата обращения: 13.01.15).

7. См. примечание 3.

ной библиотеки стал победителем I Всероссийского конкурса проектов «Культурная мозаика малых городов и сел», который проводился Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко. Библиотечные работники, получив возможность реализовать свой проект «Храмы и башни – символ христианства на Северном Кавказе», в сентябре этого года предложили местному населению бесплатные (благотворительные) семейные познавательные экскурсии к древним христианским храмам – Сентинскому (а. Нижняя Теберда), Шоанинскому (пос. им Коста Хетагурова) и в Нижне-Архызское городище (Нижний Архыз).

При этом экскурсии предполагали не только знакомство с архитектурой указанных выше сооружений, но и с историей появления христианства на Северном Кавказе, а также раскрытие информации о других культурно-исторических и архитектурных памятниках Карачаево-Черкесии. Также примечательно, что к участию в экскурсиях приглашались не только дети, но и взрослые, в том числе родители, учителя, представители местной администрации⁸. Помимо организации познавательных занятий, а также практик культурного погружения, представляется чрезвычайно перспективным еще одно направление работы: молодежь составляет значительную долю интернет-аудитории, зачастую черпает из сети большую часть различного рода информации. Как уже показывает опыт, привлечение активных пользователей интернета к проектам по популяризации туристических ресурсов имеет значительный воспитательный эффект. Так с 1.06 по 1.10.2014 г. Северо-Кавказский центр проектного менеджмента проводил национальный конкурс общественного призна-

8. Информация о благотворительных экскурсиях, которые пройдут в рамках проекта «Храмы и башни-символы христианства на Северном Кавказе» // Министерство туризма и курортов Карачаево-Черкесской Республики: сайт. URL: <http://tourismkchr.ru> (дата обращения: 12.01.15).

ния «7 чудес Северного Кавказа»⁹, во время которого пользователи сети выбирали наиболее популярные достопримечательности Северо-Кавказского округа на сайте 100skfo.ru. Параллельно с ним был организован блог-тур по маршрутам конкурса: местные представители интернет-сообщества и популярные блогеры Рунета посетили участвующие в конкурсе достопримечательности регионов СКФО, результатом чего стали репортажи и фотографии в соцсетях. В контексте обозначенной нами проблемы стоит обратить внимание на слова одного из участников акции, блогера из Чеченской Республики Ибрагима Заурбекова: «Я живу здесь всю сознательную жизнь, но *открыл родной регион с многих новых, потрясающих сторон* (выделено мной – Е.Т.). Надеюсь, что туристы, которые все активней приезжают на Кавказ, оценят его не ниже нас»¹⁰. Данное высказывание позволяет лишний раз повторить одно, довольно простое, но важное суждение: познание (а тем более – глубокое) своего наследия вызывает чувство гордости и, как следствие, стремление к его сбережению.

При сохранении культурного наследия имеет большое значение деятельность местных органов власти. Проблема уничтожения ценных исторических и культурных объектов, в том числе в результате хозяйственной деятельности, а также отсутствие достаточной законодательной базы в сфере охраны культурного наследия КЧР, привели к тому, что в 2006 г. был принят закон «Об объектах культурного

9. Конкурс проходил при поддержке ОАО «Курорты Северного Кавказа», Федерального агентства по делам молодежи, Совета по молодежной политике при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе и Ассоциации журналистов Северного Кавказа.

10. Гендиректор ОАО «КСК» Сергей Верещагин вручил специальные награды победителям премии «Прометей» // Курорты Северного Кавказа: сайт. URL: <http://www.ncrc.ru/ru/news/gendirektor-oao-ksk-sergey-vereshchagin-vruchil-specialnye-nagrody-pobeditelyam-premii-prometej> (дата обращения: 12.01.15).

наследия народов Российской Федерации на территории Карачаево-Черкесской республики¹¹.

Действия республиканского правительства в этом направлении также привели к созданию в 1996 г. специально уполномоченного органа — Госинспекции по охране и использованию памятников истории и культуры КЧР¹², которая впоследствии стала структурным подразделением несколько позже образованного Управления КЧР по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия. О важности данного вопроса для республики свидетельствует уже сам факт создания специальных органов, в то время как во многих других субъектах РФ эти полномочия осуществляют министерства (управления, департаменты, комитеты) по культуре. Функции Управления связаны с разработкой проектов законов и иных нормативных актов по вопросам, относящимся к его компетенции; с работами по проведению государственной историко-культурной экспертизы, по выявлению и учету объектов, представляющих историко-культурную ценность и рекомендуемых для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ; управление выдает задания и разрешения на работы по сохранению объектов культурного наследия и т.д.¹³. С повышением эффективности деятельности Управления, несомненно, связано не-

11. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 20 июня 2006 г. № 36-РЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Карачаево-Черкесской Республики».

12. Постановление Президиума Правительства КЧР от 31.10.96 №269.

13. Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 5 июля 2011 г. № 230 Об утверждении Положения и структуры Управления Карачаево-Черкесской Республики по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия; Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 23 сентября 2014 г. № 190 О внесении изменений в Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 05.07.2011 № 230 «Об утверждении Положения и структуры Управления Карачаево-Черкесской Республики по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия».

давно произведенное усовершенствование республиканского закона «Об объектах культурного наследия» и приведение его в соответствии с федеральным. Изменения и дополнения касаются ведения реестра объектов культурного наследия, выдачи паспорта объекта культурного наследия (сведений, содержащиеся в нем), а также разрешения и задания на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия¹⁴. Изложенные выше материалы свидетельствует о наличии определенной положительной динамики в области охраны культурного наследия. Однако представляется, что использованы не все возможности. В частности, сайт (<http://nasledie09.ru/>) Управления мог бы стать прекрасным источником информации о его деятельности и полем контактов с жителями республики, способствуя, таким образом, достижению целей организации. К сожалению, на данный момент его информативное содержание оставляет желать лучшего.

Итак, сохранение и изучение объектов культурного наследия является важной основой для развития туризма, который считается одной из приоритетных отраслей социально-экономического развития республики. Обеспечение проведения государственной политики в сфере комплексного развития туризма и курортов на территории КЧР осуществляет Министерство туризма и курортов Карачаево-Черкесской Республики. Одной из задач Министерства является «рациональное использование исторического и культурного наследия республики»¹⁵. Для реализации прав

14. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 1 декабря 2014 г. № 82-РЗ О внесении изменений в Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Карачаево-Черкесской Республики».

15. Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 28.12.2012 № 350 Об утверждении Положения и структуры Министерства туризма и курортов Карачаево-Черкесской Республики.

и полномочий Министерства в его структуре функционируют Отдел развития туристско-рекреационного комплекса и курортов и Отдел реализации целевых программ. Разумеется, работа Правительства и Минтуризма КЧР имеет важное значение не только для республики, но и в целом для государства: помимо положительного влияния на экономику региона, туризм, особенно культурно-познавательный, может и должен способствовать формированию положительного образа Кавказа, прежде всего у российских туристов, и укреплять чувство национальной идентичности.

Вопрос реализации целевых программ по развитию туризма в республике требует отдельного рассмотрения. Здесь же отметим, что в утвержденной Правительством КЧР в 2011 г. республиканской целевой программе «Развитие туризма в Карачаево-Черкесской Республике на период до 2016 года»¹⁶ среди перспективных направлений туризма – спортивный, рекреационный, лечебный, автотуризм, – был выделен познавательный вид туризма, связанный, прежде всего, с посещением таких историко-культурных объектов, как Сентинский и Шоанинский храмы, Хурзукский исторический комплекс, Нижне-Архызский музей-заповедник. Кроме того в Программе было отмечено, что дополнительным ресурсом туристического развития является возможность организации в республике «событийного туризма».

Составители целевой программы совершенно обоснованно указали на большое количество и разнообразие привлекательных и имеющих познавательную ценность памятников истории, археологии

16. Электронный Фонд правовой и нормативно-технической документации: сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/459902304> (дата обращения: 12.01.15).

и архитектуры, которые могут быть использованы для туристической деятельности. Так в общих положениях программы значилось: «На Северо-Западном Кавказе представлены все этапы каменного века, памятники эпохи неолита и эпохи бронзы. В долинах рек Кубань, Теберда, Кума и их притоков большое количество памятников аланской культуры — это руины многочисленных городищ, храмов, множество одноапсидных церквей, святилищ, курганов кипчакского происхождения. На территории республики расположены самые древние христианские храмы, построенные в России».

В настоящее время из этого культурного наследия, как показал анализ предложений туристических компаний КЧР, наиболее активно привлекаются для организации культурно-познавательного туризма следующие ресурсы: Нижне-Архызский историко-архитектурный и археологический комплекс (аланское городище VII-XIV вв., христианские храмы X в., наскальный лик Христа); Сентинский историко-архитектурный комплекс (включает в себя один из древнейших храмов на территории РФ, а также постройки Спасо-Преображенского женского монастыря кон. XIX — нач. XX в.) и Шоанинский храм; Хумаринская крепость (VIII-X вв.); башня Адюх XVIII в.; Красногорская крепость и дом-музей Крымшамхалова XIX в., музей-памятник защитникам перевалов Кавказа¹⁷. Помимо этого предлагаются экскурсии в п. Лесо-Кефарь на Кяфарское городище (I тыс.н.э — XIII в.) — место, привлекающее наличием

17. На основе данных: Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник. URL: <http://www.museum.ru/M1231>; туристическое агентство «Вертикаль»: сайт. URL: <http://www.vertikal-mt.ru/excurs/>; туристическое агентство ООО «Эверест»: сайт. URL: <http://еверест09.рф/turisticheskoe-agentstvo-2>; туристическая компания «Домбай-Турист»: сайт. URL: <http://dt-tour.ru/Uslugi/ehkkskursii-iz-dombaya.php> (дата обращения: 14.01.15).

«дольменов», и позиционирующееся рядом турфирм, как некая аномальная зона — «место силы». В связи с этим объектом необходимо обозначить определенную проблему, требующую отдельного рассмотрения: вопрос касается, если так можно выразиться «научной чистоплотности» некоторых экскурсоводов и туристических компаний¹⁸.

Следует также отметить одну позитивную тенденцию в работе ряда турфирм, которые для организации познавательных туров и экскурсий используют не только перечисленные выше и ставшие уже традиционными историко-культурные объекты, но и занимаются актуализацией этнокультурного потенциала территории, разрабатывая туристические маршруты с включением объектов этнографического туризма. К примеру, гости КЧР уже сейчас имеют возможность совершить эколого-этнографическую экскурсию по Кубанскому ущелью и познакомиться историей и традиционным укладом жизни карачаевского народа, посетив аулы Каменноостский, Къарт-Джурт, Уччулан и Хурзук. В связи с этнографическим, развивается и событийный туризм: к примеру, третий год подряд, в начале осени, в Малокарачаевском районе КЧР проводится Международный фольклорно-этнографический фестиваль карачаево-балкарской культуры «Праздник айрана на Медовых водападах»¹⁹.

Несомненно, традиции и обычаи народов КЧР являются одним из ценнейших ресурсов, а особое внимание к этнографическому туризму позволит решить ряд важнейших стратегических задач: его развитие

18. Так в интернете встречаются предложения об организации различного рода тренингов и семинаров по «работе с энергиями в энергетически аномальной зоне»; автор статьи сталкивался на Кяфарском городище с подобными, организованными в группы «практикантами».

19. Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской республики: сайт. URL: <http://www.kchr.ru> (дата обращения: 14.01.15).

тесно связано с вопросами сохранения не только отдельных объектов культурного наследия, но и в целом традиционной культуры народов республики; этнографический, национальный колорит может обеспечить дополнительный приток туристов; местное население получит дополнительные рабочие места; соприкосновение туристов с «живой» национальной культурой будет способствовать формированию позитивного восприятия Кавказа.

Разумеется, в короткой статье невозможно изложить суть всех проблем, связанных с развитием культурно-познавательного туризма на территории КЧР. Очевидно одно, их разрешение — долговременный, финансово-затратный процесс, однако выгоды, которые последуют за этим, несравненно больше, поскольку благоприятно отразятся практически на всех сферах жизни республики.

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАВКАЗОВЕДОВ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГА РОССИИ

Научно-практическая конференция
г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 10.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru